ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

8

Демьян Бедный

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

СОВЕТСКИЙ ПИСАТЕЛЬ

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Избранные произведения

ЛЕНИНГРАД 1951

Вступительная статья,
подготовка текста и примечания
И. С. Эвентова

ДЕМЬЯН БЕДНЫЙ

Творчество Демьяна Бедного связано с важнейшими этапами исторического развития нашего народа — от первой революции в России до победоносного завершения Великой Отечественной войны. Лучшие его произведения служили коммунистическому воспитанию масс и были по достоинству оценены советским народом.

Стихи, песни и поэмы Д. Бедного заняли видное место в нашей поэзии: они олицетворяли собою живую связь искусства с политикой, с революционным движением и социалистическим творчеством масс; они развивали демократические традиции русской поэзии XIX века; они способствовали утверждению нового метода поэтического творчества, ставшего ведущим в советской литературе, — метода социалистического реализма.

На территории бывшей Херсонской губернии, по обе стороны реки Ингул расположилась деревня Губовка, где в числе крестьян-военнопоселенцев жил Софрон Придворов — дед будущего поэта. Сын его, Алексей, смолоду пошел на заработки в Елизаветград, работал там носильщиком на вокзале, курьером в заводской конторе, а потом церковным сторожем при духовном училище. Жена Алексея Софроновича оставалась в деревне, куда наведывался и он сам. 1 апреля 1883 г. у них родился мальчик, которого назвали Ефимом.

До семи лет прожил Е. Придворов в городе у отца, научившись грамоте по духовным книгам, принадлежавшим училищу. Жили они впроголодь на десятирублевое отцовское жалованье. Но особенно безрадостными и тяжелыми были последовавшие за этим годы деревенской жизни поэта. „С семи лет и до тринадцати, — вспоминал он впоследствии, — мне пришлось вытерпеть каторжную совместную жизнь с матерью в деревне у деда Софрона, удивительно

душевного старика, любившего и жалевшего меня очень". Безотрадное, горькое детство запечатлелось в некоторых стихотворениях Д. Бедного („У господ на елке", „Семена"). Светлый же образ деда Софрона — воплощение доброты, справедливости и мудрого житейского ума — был любовно выведен поэтом в ряде песен и стихотворных „бесед".

Когда мальчику исполнилось тринадцать лет (к тому времени он окончил сельскую школу), отец неожиданно изыскал для него „казенный кошт" в Киевской военно-фельдшерской школе. В ней и провел Ефим Придворов свои отроческие годы. „Учился я, — вспоминает он, — старательно и успешно". Здесь в свободное от учения время будущий поэт предавался чтению книг, интерес к которым пробудился у него еще в детстве. Это были произведения классиков русской поэзии — Грибоедова, Пушкина, Лермонтова, Крылова, Некрасова, Никитина. Пробовал писать стихи и сам Придворов. В них он высмеивал заносчивых и себялюбивых служак, которых было немало в казенной школе. Но как по духу своему, так и по форме стихи эти были далеки от той политической и социальной сатиры, мастером которой он стал в зрелые годы.

Девять лет провел Е. Придворов на военной службе — сперва в школе, а затем (уже фельдшером) — в Елизаветградских казармах. Но крайне ограниченный круг знаний, полученных в военно-учебном заведении, не мог удовлетворить будущего поэта. Он решил сесть за книги и отказаться от приобретенной профессии. Экстерном сдал он экзамены за курс мужской классической гимназии и в 1904 г. поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета. Таким образом, в самый канун первой русской революции Е. Придворов попал в среду петербургского студенчества, настроенного тогда довольно революционно. И если предшествовавшие этому годы военной службы и муштры приглушали в юноше интерес к вопросам общественной жизни, — революционные события направили его развитие совсем в иное русло. „После четырех лет новой жизни, новых встреч и новых впечатлений, — признавался он, — после ошеломительной для меня революции 1905—1906 гг. и еще более ошеломительной реакции последующих лет, я растерял все, на чем зиждилось мое обывательски-благонамеренное настроение".

В годы реакции и были написаны первые стихи, с которыми Демьян Бедный выступил в печати. Появлению их содействовал поэт П. Якубович-Мельшин, руководивший отделом поэзии в журнале „Русское богатство" (журнал редактировал В. Г. Короленко).

Тяжкие условия жизни крестьян, разоренных столыпинской

реформой и преследуемых властями, чудовищный характер правительственного террора — таковы темы первых стихотворений Е. Придворова. Великий певец революционной демократии Н. А. Некрасов был учителем молодого поэта. Его традиции стремился он продолжать в своем творчестве. Но в ранних стихах Придворова еще не было ясно выраженных мотивов революционного протеста, — преобладали чувства „щемящей тоски“ и „тревоги“, вызванные „гнетом черного кошмара“. Неровны были эти стихи и в художественном отношении. Наряду с некрасовскими мотивами в них пробивались мотивы и интонации, присущие гражданской лирике поздних народников. Типичная для последней фразеология, изобиловавшая риторическими формулами и штампами („горнило вдохновенья“, „пленительная краса“, „гневный гром“ и т. п.), была характерна и для стихов Е. Придворова, писавшихся в эти годы.

Попытки молодого поэта преодолеть ограниченность своего творчества, дать реалистические наброски деревенской жизни, которые отразили бы пробуждение масс, зреющее среди крестьян недовольство, — встречали препятствие со стороны журнала, напечатавшего первые стихи поэта. „Русское богатство“ было органом либерального народничества, и произведения, намекавшие на то, что крестьянин может „отважиться“ выступить против властей („Аль не стерпеть, отважиться?“ — см. „О Демьяне Бедном, мужике вредном“), — были редакцией журнала отклонены.

В эту пору идейных исканий поэта неоценимую помощь оказала ему большевистская печать.

16 декабря 1910 г. в Петербурге начала издаваться легальная большевистская газета „Звезда“, в которой принял участие ряд видных партийных литераторов. „Звездой“ руководил из-за границы В. И. Ленин, а в дни петербургских забастовок, вызванных ленским расстрелом, непосредственное руководство газетой осуществлял И. В. Сталин. „Звезда“ регулярно печатала на своих страницах поэтические произведения. После выхода в свет первых номеров газеты (она издавалась еженедельно) почта начала приносить в редакцию стихи Ефима Придворова. А вскоре пришел в редакцию и сам автор, который стал здесь частым гостем: с ним знакомятся сотрудники газеты, его привлекают к редакционным беседам, выслушивают его стихи. „Здесь в дружеских беседах, — вспоминает М. Ольминский, — среди ночной газетной сутолоки проявилась в Е. Придворове потребность в боевых литературных выступлениях и родился на свет баснописец Демьян Бедный. Его очень быстро стал высоко ценить В. И. Ленин...“

Сотрудничество поэта в большевистской печати помогло его

идейному и творческому самоопределению. В мае 1911 г. на столбцах „Звезды" появляется стихотворение Е. Придворова „Сонет". Хотя по лексике оно еще близко к стихам предшествующих лет — в нем слышатся и „гулкий рев", и „трубный звук", и „гром торжественный и гневный", – но своей идейной окраской оно заметно от них отличается: основное чувство, выраженное в „Сонете", — готовность поэта стать борцом за интересы народа. „Звезда" опубликовала также лучшие из написанных ранее стихотворений Придворова, с которыми не пожелал выступить народнический журнал („Сынок", „О Демьяне Бедном, мужике вредном"), а затем газета стала приучать автора к систематической работе над темами общественной жизни, побуждала его к поискам новых стихотворных жанров, помогала ему выработать свой язык. И уже в 1911 г. Е. Придворов пишет басню „Шпага и топор" (позднейшее название — „Когда наступит срок") — произведение знаменательное и по форме (это его первая басня) и по идейному смыслу: оно призывало народ „к топору", вследствие чего не было пропущено в печать царской цензурой. Последовавшие за первой басней произведения были развитием этой линии социальной сатиры, дальнейшей разработкой этого жанра.

Таким образом, именно в „Звезде" Е. Придворов нашел себя как политический поэт и сатирик, именно здесь он освободился от влияния народнической лирики. В „Звезде" родился и его псевдоним — басня „Кукушка" в 1912 г. появилась за подписью „Демьян Бедный" (до тех пор Демьян Бедный был известен читателям лишь как персонаж одноименного стихотворения).

„В типографии, в бессонные трудовые ночи, — вспоминает работник „Звезды" К. С. Еремеев, — когда все спят, а печатники делают газету, оповещающую утром о том, что произошло в мире, Демьян Бедный нередко писал тут же на станке, на талере метранпажа, свои произведения, бьющие, колющие, меткие. Он тут же мог проверить впечатление и исправить, что надо, по указаниям пролетариев свинца, которые со смехом приветствовали язвительную шутку о ликвидаторах или кадетах".

Наконец, здесь, в большевистской газете, оформилось резко враждебное отношение Демьяна Бедного к буржуазно-декадентской литературе. В январе 1912 г. поэт поместил в „Звезде" фельетон „Критическая гримаса", в котором на примере рассказа „литературной енеральши" Зинаиды Гиппиус (речь шла о претенциозном декадентском рассказе „Что ей делать", напечатанном в вечерних „Биржевых ведомостях") обличал „мещанскую пошлость и гнусность" в литературе. Месяц спустя Демьян Бедный выступил с рез-

кой отповедью Андрею Белому в фельетоне „Их лозунг". Поводом для выступления была статья Андрея Белого в декабрьской книжке „Русской мысли" за 1911 г., в которой отвергались традиции гражданской поэзии и утверждался примат „цветов" над „корнями", т. е. примат поэтической формы над идейным содержанием искусства.

„Наши упадочники, — писал Д. Бедный, — справедливо обвиняемые в беспочвенности своих бредовых, истерически-крикливых писаний, — долго и тщетно пытавшиеся обосновать свое существование, найти и указать его корни в прошлом, после упорных, но бесплодных поисков решили, наконец, плюнуть на корни и объявить самым важным в искусстве — цветы. Это, видите ли, тенденциозная критика привыкла прежде всего искать в произведениях искусства легко обнажаемые идейные корни, не стесняясь срывать „пышную корону" и искусственно обнажать художественное произведение от листьев, сводя его к единой тенденции".[1]

Называя Андрея Белого „храбрым апологетом поэзии о цветах и бабочках", „сумбурным теоретиком российского чахлого символизма", Демьян Бедный писал, что буржуазно-дворянский эстетизм, проповедуя теорию „искусства для искусства", является порождением идейной реакции и что писания Андрея Белого — это лишь одно из проявлений духовного разложения, которым „отравлен воздух" в столыпинской России.

Столь же принципиальны были выступления Д. Бедного против декадентской и желто-обывательской прессы, которую он заклеймил в фельетонах „Юбиляры" и „Маскарад благотворительности".[2] На полях российской словесности, говорилось в первом из этих фельетонов, пышно расцвел чертополох. „Зарезвились песьи мухи. Зашевелилась мошкара: хорошо ей купаться в теплых, ароматных испарениях гнилого болота... Миновала буря. Привольное, беззаботное житье."

Гнусное политическое ренегатство либеральных писателей, обрадовавшихся тому, что „миновала буря" первой революции, подверглось в этом фельетоне резкому разоблачению.

Борьба поэта с теорией „чистого искусства", с проявлениями мещанской пошлости и ренегатства в искусстве, горячая защита им гражданских традиций русской поэзии были отражением тех позиций, которые в вопросах искусства занимала „Звезда".

В 1912 г. Демьян Бедный вступил в большевистскую партию.

---

[1] Фельетоны „Критическая гримаса" и „Их лозунг" были опубликованы за подписью Е. Придворов: первый — в № 2 и второй — в № 9 „Звезды" за 1912 г.

[2] „Звезда", 1912, №№ 14 и 17.

С первого же дня существования ежедневной большевистской газеты „Правда" поэт стал ее ближайшим сотрудником. И. В. Сталин следующим образом описывает обстановку создания первого номера „Правды":

„Это было в середине апреля 1912 года, вечером, на квартире у тов. Полетаева, где двое депутатов Думы (Покровский и Полетаев), двое литераторов (Ольминский и Батурин) и я, член ЦК (я, как нелегал, сидел в „бесте" у „неприкосновенного" Полетаева), договорились о платформе „Правды" и составили первый номер газеты. Не помню, присутствовали ли на этом совещании ближайшие сотрудники „Правды" — Демьян Бедный и Данилов".[1]

В. М. Молотов вспоминает Демьяна Бедного в числе „организаторов и ближайших сотрудников „Правды", участников одного из первых совещаний правдистов в типографии на Ивановской улице в Петербурге.[2]

„Правда" была первой ежедневной большевистской газетой. Она начала издаваться 22 апреля 1912 г. и сыграла выдающуюся роль в революционном движении.

„Правда" родилась в волнах революционного подъема в знаменитые „ленские дни", — писал И. В. Сталин. — ... „Правда" 1912 года — это закладка фундамента для победы большевизма в 1917 году".[3]

В первом же номере „Правды" появилось стихотворение Демьяна Бедного, отразившее настроения поднимающихся на борьбу рабочих масс:

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!..

В статье „Наши цели", определившей задачи газеты, И. В. Сталин писал, что „рабочие-литераторы не падают готовыми с неба, они вырабатываются лишь исподволь, в ходе литературной работы".[4] Воспитывая новые литературные кадры, „Правда" сплотила вокруг себя большую группу пролетарских поэтов (А. Маширов-Самобытник, Я. Бердников, А. Поморский, И. Логинов, И. Садофьев и др.). Группу эту, по своем возвращении из эмиграции в Россию, возглавил М. Горький. В их творчестве Горький увидел красноречивое свидетельство „роста интеллектуальных сил пролетариата"; издан-

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 130.

[2] В. М. Молотов. Из прошлого „Правды". — „Правда", 1922, № 98, 5 мая.

[3] И. В. Сталин. Сочинения, т. 5, стр. 128.

[4] И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 249.

ный при его содействии сборник пролетарских писателей он назвал „одним из первых шагов русского пролетариата к созданию своей художественной литературы". Таким образом, в литературном материале большевистских газет (значительная часть стихов, включенных в сборник, была взята из „Звезды" и „Правды") Горький видел черты новой литературы, проникнутой идеологией социалистического пролетариата.

Ведущее место среди поэтов „Правды" занял Демьян Бедный. Он был наиболее активен среди них, и в его творчестве более явственно выражались черты новой, социалистической поэзии: теснейшая связь с революционной практикой рабочего класса, идейная насыщенность и правдивость в сочетании с демократизмом формы, с наследованием традиций русского реализма. Все эти черты воспитывала в поэте большевистская печать.

Обращаясь к „Правде", поэт впоследствии писал:

Броженье юных сил, надежд моих весна,
Успехи первые, рожденные борьбою,
Все, все, чем жизнь моя досель была красна,
Соединялося с тобою.

Из произведений, опубликованных в „Звезде" и „Правде", был составлен первый поэтический сборник Демьяна Бедного „Басни", вышедший из печати в январе 1913 г. С большим вниманием отнесся к этой книге находившийся тогда в эмиграции В. И. Ленин. В письме к Горькому Владимир Ильич спрашивал:

„Видали ли „Басни" Демьяна Бедного? Вышлю, если не видали. А если видали, черкните, как находите".[1]

Ленин и Сталин заботливо помогали молодому поэту и часто, как вспоминал он в одном из позднейших стихотворений, руководили его „басенной пристрелкой". Выступая „в защиту басни" (так названо стихотворение), Д. Бедный писал:

И можно ли забыть, чьим гением она
Была тогда оценена?
Чтоб я не бил по дичи мелкой,
А бил по зубрам бы, бродившим по лесам,
И по свирепым царским псам,
Моею басенной пристрелкой
Руководил нередко *Ленин* сам.
Он — издали, а *Сталин* — был он рядом,

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 35, стр. 66.

Когда ковались им и „*Правда*" и „*Звезда*",
Когда, окинувши твердыни вражьи взглядом,
Он мне указывал: „Не худо б вот сюда
Ударить басенным снарядом!" [1]

Среди множества произведений, напечатанных Д. Бедным в „Правде" 1912—1914 гг., больше всего было басен.

В них он обличал буржуазно-дворянский строй и его сановных правителей, откликался на события текущей политической жизни, клеймил буржуазных политиков, присяжных кадетских ораторов, меньшевистских предателей рабочего класса.

Не случайно именно басня заняла ведущее место в творчестве Демьяна Бедного этих лет. Богатые классические традиции этого жанра были утрачены в русской поэзии уже во второй половине XIX века, а проповедникам „чистой лирики" он был чужд и отвергался ими с презрением.

Между тем в лучших образцах русской басни издавна ярко выражалась национальная самобытность народа, глубина и ясность понимания им окружающей жизни. В баснях Крылова, по словам В. Г. Белинского, воплотилась „вся полнота практического ума, смышлености, повидимому простодушной, но язвительной насмешки русского народа". [2] Гоголь считал, что басни Крылова составляют „книгу мудрости самого народа". „Поэт и мудрец, — писал Гоголь о Крылове, — слились в нем воедино". [3]

Басенная традиция существовала в русской поэзии и до Крылова, [4] но только Крылову удалось поднять басню на высоту подлинной народности, ибо он запечатлел в басне русский национальный характер, он демократизировал ее язык, он отразил в басенных сюжетах и ситуациях черты реальной жизни. Наконец, именно Крылову удалось преодолеть тот условный дидактизм и ограниченный салонный характер, который носила басня у ряда его предшественников — поэтов XVIII века.

По-иному встала проблема возрождения басенного жанра перед Демьяном Бедным. Разумеется, он воспринимал лучшее в художественном наследии прошлого и учился у Крылова. Народность языка и формы, жизненность содержания, стремление ответить басней на насущные вопросы времени и использовать ее обличительные возможности — все это с самого начала определило под-

[1] Здесь и ниже курсив в цитатах принадлежит Д. Бедному.

[2] В. Г. Белинский. Собрание сочинений, т. II, М., 1948, стр. 44.

[3] Н. В. Гоголь. Собрание сочинений, т. VI, М., 1937, стр. 448.

[4] См. сборник „Русская басня" в большой серии „Библиотеки поэта", Л., 1949.

ход Д. Бедного к басне, закрепив в его творчестве реалистические традиции этого жанра. Но выступая в иную эпоху, ставя перед собою новые агитационно-политические задачи, поэт не мог ограничиться готовой традицией, он должен был смело реформировать жанр, чтобы полнее и острее выразить то широкое содержание, которое заключала в себе революционная современность.

Демьян Бедный блестяще справился с этой задачей. Пользуясь традиционными басенными аллегориями, он придавал им политическую конкретность и усиливал их остроту. Применяя дидактические концовки, поэт превращал их в актуальные лозунги и призывы. С помощью системы прозрачных намеков он „просвечивал“ условный басенный сюжет злободневной идеей. И все это делал он с учетом вынужденной маскировки тех политических мыслей, которые не могли быть высказаны открыто по условиям цензуры. Этим объяснялись тонкость и виртуозность приемов, с помощью которых в басни вводился политический материал. Здесь — и многозначительные намеки (вроде „Но... правда вся о них немного погодя“), и прозрачные иносказания, и употребление латинских имен и итальянских фамилий, под которыми легко угадывались имена буржуазных политиков (Маклаций — Маклаков, Счегло-деллявита — Щегловитов и т. п.). Поэтому, в отличие от традиционной басни, мораль которой обычно содержалась в особой дидактической присказке, басня Демьяна Бедного могла иметь смысловой центр в самом неожиданном месте.

Особую роль в баснях Бедного стали играть эпиграфы, чаще всего заимствованные из текущей газетной хроники или журнальных статей. Иногда задача эпиграфа состояла в политической конкретизации содержания басни, иногда же, наоборот, в отведении от нее ударов цензуры. Так, басня „Дом“ повествовала о неизбежном разрушении „дома“, под которым подразумевался буржуазный государственный строй, а эпиграф облекал этот сюжет в „благонамеренную“ форму, ибо в эпиграфе сообщалось об аварии... шестиэтажного дома на углу Разъезжей и Лиговской улиц в Петербурге. „Вы обратили ль внимание, — писал Д. Бедный 23 апреля 1913 г. критику П. Мирецкому, — что у меня несколько эпиграфов служат специально для проведения под их флагом контрабанды, вроде басни „Дом“. Уберите эпиграф — и „Дом“ погибнет по 128 статье, как погибла „Свеча“. Да мало ли к каким фокусам приходится прибегать!“

Из того, что цензура привыкла находить авторскую идею в специальной басенной „морали“, поэт сделал для себя известные выводы. „Свеча“, — сообщал Демьян Бедный тому же корреспонденту

в письме от 7 мая 1913 г., — была напечатана с моралью, но за мораль подверглась конфискации (№ 2 журнала „Просвещение") и света не увидела". Поэту удавалось не раз обманывать своих цензоров, ослабляя басенную концовку и умело насыщая „недозволенной" мыслью весь басенный сюжет.

В работе над басней отшлифовался поэтический язык Демьяна Бедного, ставший более точным и лаконичным. Благодаря краткости экспозиции, быстрому развертыванию сюжета, остроте диалога и характеристик басни Д. Бедного приобрели подлинно художественную выразительность.

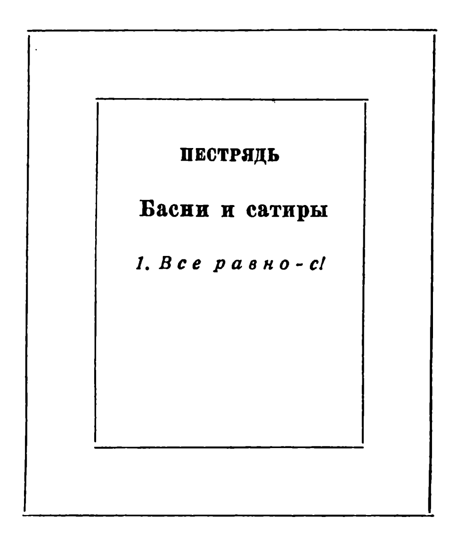
Эстеты безуспешно пытались поставить творчество пролетарского баснописца за рамки настоящей литературы. „Право же, — признавался Д. Бедный в 1913 г., — мне приходилось выслушивать дружеские советы — перестать возиться с басней и от пустяков перейти к „настоящей" литературе, к чему, дескать, у меня есть некоторые данные — язык, например". Поэт решительно и с полным основанием отверг подобные рекомендации.

Лишь немногие критики сочувственно отозвались о первой книге поэта. Они отметили появление в лице Демьяна Бедного талантливого русского баснописца, достойного наследника крыловских традиций. П. Мирецкий в „Донской речи" (1913, № 110) назвал его „внуком дедушки Крылова", Л. Войтоловский в „Киевской мысли" (1913, № 103) подчеркнул демократическую природу его творчества, обличительный характер его музы. Одобрительно писал о нем и В. Д. Бонч-Бруевич в харьковской газете „Утро".

Трехлетняя работа в большевистской печати подготовила Д. Бедного к тому, чтобы правильно определить свои творческие задачи во время первой мировой войны. Поэт видел эти задачи в том, чтобы раскрыть несправедливый характер войны, разоблачить наживающихся на народном бедствии капиталистов. Прочность идейных позиций поэта поддерживалась его тесными связями с передовыми рабочими, с находившимися в подполье большевиками-ленинцами, с М. Горьким. В кругу этих людей чаще всего и можно было видеть Д. Бедного после его возвращения в 1915 году из армии, с Западного фронта, где он служил военным фельдшером.

Легальные возможности у большевистской прессы в годы войны, как известно, совершенно отсутствовали. Демьян Бедный вынужден был пользоваться страницами „Современного мира" (в котором он печатался с 1912 г.), журнала „Жизнь для всех", а также малоизвестных кооперативных изданий и провинциальных газет. Многие же его стихи и басни этих лет („Ловля гусей", разоблачав-

шая великодержавное отношение царизма к полякам, „Анчутка заимодавец" – о финансовом крахе русского правительства, „Баталисты" — о писателях, воспевающих войну, „Ум", „Морока", „На заезжем дворе") так и не могли появиться в печати. Иногда на страницах журналов от стихов Демьяна Бедного оставались одни... заголовки. Вот как, например, выглядела 178-я страница январского номера журнала „Современный мир" за 1916 год:

ПЕСТРЯДЬ

Басни и сатиры

1. Все равно-с!

Из оглавления номера мы узнаем, что на месте, которое цензура оставила пустым, стояло стихотворение Демьяна Бедного.[1] После опубликования в журнале сказки Д. Бедного „Колобок", высмеивающей Государственную думу, сотрудничество поэта в журнале прекратилось, а в объявлении на 1917 г. его имя из перечня авторов было исключено (хотя до этого на протяжении четырех лет Демьян Бедный был единственным сотрудником сатирического отдела журнала).

Обходя с трудом цензурные рогатки, Д. Бедный выпустил в „Дешевой библиотеке" издательства „Жизнь и знание" несколько небольших сборничков басен и сказок. Кроме того, он предпринял перевод на русский язык басен Эзопа.

Для перевода Д. Бедный выбирал те произведения греческого

---

[1] Текст его см. в X главе второй части поэмы „Про землю, про волю, про рабочую долю" (со слов „Бюрократ говорит...").

баснописца, которые могли иметь актуальное политическое значение в обстановке войны. Кроме того, он добивался от переводов желательного звучания посредством незначительных прибавлений или изменений в тексте оригинала. Так, басня „Лев, лиса и олень", повествующая о доверчивых оленях, которые попадают в львиную пасть, получила следующую концовку:

Мораль Эзопову боюсь переводить,
Хоть перевод вполне возможен.
Стал нынче и Эзоп не очень-то надежен.
С моралью надо погодить.

Особенно остро в те годы звучал перевод басни „Брак богов", обличавшей грабительский, антинародный характер войны (по словам басни, бог войны обручился с „богиней грабежа и гнусного бесчинства").

После Февральской буржуазной революции выпуск легальных большевистских изданий был возобновлен, и в первом же номере „Правды" (5 марта 1917 г.) появилась эпиграмма Демьяна Бедного, приветствующая арест царских министров. Вскоре в авторе фельетонов „Петельки", „Народная примета", „Коалиционное" и других Временное правительство начинает видеть опасного врага и беспощадного разоблачителя. Оно начинает преследовать Д. Бедного, который по этой причине вынужден временами скрываться из Петрограда.

В обстановке нарастающего революционного подъема Демьян Бедный выступает как поэт-агитатор, как проводник идей большевистской партии в массы.

Свои творческие позиции он, как и раньше, противопоставляет теории „чистого искусства", буржуазному эстетизму: „Я — не служитель муз", — говорит он в стихотворении „Мой стих" и вслед за этим восклицает:

Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — „пес сторожевой!"

Разоблачение кадетов, меньшевиков, соглашателей, буржуазных милитаристов, контрреволюционных заговорщиков, настойчивая пропаганда лозунгов, выдвигавшихся большевиками на разных этапах борьбы, — вот что стало содержанием каждодневной работы поэта.

В. И. Ленин по возвращении из-за границы знакомится лично с поэтом, следит за его работой, а при случае ссылается на его произведения в своих речах и статьях. По поводу того, что меньшевистско-эсеровские „Известия" напечатали „предлинную, прескучную, пренеумную резолюцию" о борьбе с разрухой, В. И. Ленин 18 мая 1917 г. публикует полемическую заметку „Борьба с разрухой посредством умножения комиссий", в которой, приводя один из параграфов резолюции, восклицает: „ей-богу, это не из басни Мужика Вредного, а из „Известий", № 68 от 17 мая, стран. 3, столбец 3-ий, § 4..."[1]

Широкий размах всенародных событий, обстановка открытой революционной борьбы, понимание насущных потребностей агитации — все это отражается и на характере поэтических средств, к которым прибегает Д. Бедный. От басни, притчи, сказки, вообще от поэтических иносказаний он переходит к прямой обличительной речи: на первый план в его поэзии выдвигаются такие жанры, как фельетон, эпиграмма, памфлет. Рождается особый вид фельетона, в котором стихи монтируются с политическим документом, — жанр этот впоследствии завоевывает видное место в творческой работе поэта. Наконец, в этот период Демьян Бедный впервые обращается к большой повествовательной форме: на материале войны и революции он пишет стихотворную повесть „Про землю, про волю, про рабочую долю", которая публикуется в газете „Рабочий путь" (одно из наименований „Правды") в течение октября и первой половины ноября 1917 г.

Это — первое крупное произведение русской поэзии, посвященное событиям революционной эпохи. В центре первых глав повести стоит образ крестьянского юноши, призванного из деревни на фронт и ценою тяжелых испытаний обретающего сознание гибельности того пути, по которому ведут Россию помещики и капиталисты. Правда жизни и необходимость борьбы с существующим строем раскрываются перед героем благодаря целеустремленной живой агитации, которую несут в народ большевики. Раненный на фронте, герой повести попадает в Петроград, где становится свидетелем, а затем и участником великих революционных событий. Описание этих событий занимает преобладающее место в последующих частях повести, где история становится уже не фоном, а главным предметом повествования. Характерно, что исторические события даны автором в двух планах: в плане широкого лирического повествования, отражающего нарастание революции, и в плане непосредственных откликов на отдельные факты политической жизни.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, т. 24, стр. 399.

Соответственно этому в повесть введены злободневные политические песенки, пародии и фельетоны, которые выражают отношение народа к царизму, к войне, буржуазным политикам. В повести даны блестящие по меткости и остроте политические характеристики событий и лиц, известных читателям того времени. Она представляет собою злую сатиру на самодержавие, на Временное правительство, на деятелей буржуазных политических партий. Сочетание повествовательной основы произведения с острой злободневной сатирой явилось тем поэтическим новшеством, которое неоднократно применялось Д. Бедным в его последующей работе.

В повести ярко сказалась связь творчества Демьяна Бедного с демократическими традициями русской поэзии и с богатствами устного народного творчества. Более, чем в других произведениях поэта, здесь чувствуется влияние Некрасова, и особенно — его крестьянских поэм, в центре которых стояла судьба трудового человека, судьба народа, ищущего своего счастья. Не случайно тема „доли" подчеркнута Демьяном Бедным в самом заголовке своей повести („про рабочую долю"). Но эта тема решается теперь не так, как она решалась передовыми людьми в пореформенную эпоху: вооруженный пониманием закономерностей общественной жизни, поэт показывает действительность в ее революционном развитии; путь, который проходят герои его поэмы, — это путь рабочих и крестьян нашей страны к завоеванию политической власти, к торжеству свободного труда, к полноте народного счастья.

Д. Бедный выступил в своей повести-эпопее как продолжатель некрасовской традиции, творчески переосмысливший эту традицию в свете мировоззрения рабочего класса, в свете борьбы за социализм. Именно поэтому произведение его явилось фактом становления нового метода художественного творчества — метода социалистического реализма.

Несомненно также влияние Некрасова и народной поэзии на художественную композицию, образную структуру и жанровый состав повести. Основные ее строфы написаны поэтическим сказом Некрасова, большинство же вставных песенок и стихотворений представляет собою результат творческой переработки фольклора: здесь мы находим рекрутские песни, народные частушки, использованные в пародийных целях аллегорические сказки и колыбельные песни, „побывальщину", плясовые припевки и т. д. Так, в первых же главах поэмы даны образцы крестьянской лирики („Песни народные", „Плясовая"), за ними — вариации городского фольклора „Как у питерских господ...", „Контрразведчики"), солдатские песни и др.

Написанная живым народным языком, ответившая насущным духовным запросам народа, повесть „Про землю, про волю, про рабочую долю“ завоевала среди читателей широкую известность и впоследствии неоднократно переиздавалась.

Сразу же после Октября Демьян Бедный с большой энергией принимается за работу в советской печати. Борьба за мир, за упрочение новой власти, за проведение в жизнь большевистской аграрной программы, мобилизация масс на выполнение насущных политических и военных задач — таков круг вопросов, определяющих содержание его газетных стихов.

В 1918 г. в издательстве „Коммунист“ вышел сборник стихотворений Д. Бедного „В огненном кольце“. Почти одновременно издательство ВЦИК выпустило стотысячным тиражом „Коммунистическую марсельезу“. Стихи Д. Бедного получают широкое распространение. По свидетельству ученого-фольклориста Ю. М. Соколова, ему в первые годы советской власти „во многих деревнях приходилось встречать крестьян, наизусть читавших отрывки из Демьяна“.

Небывалую популярность завоевывают фронтовые агитки и песни Д. Бедного, сложенные в период гражданской войны. До массового читателя живо доходит агитация „Солдата Яшки — медной пряжки“ против угрожавших Родине интервентов. Герой стихотворной повести „О Митьке-бегунце и его конце“ приобретает такую широкую известность, что имя его становится нарицательным, а история его похождений переходит из уст в уста. Поэт разрабатывает новые для его творчества жанры песни и марша (марш „Красная звезда“, песня „Путеводная звезда“, переделка „Дубинушки“). Положенное на музыку стихотворение „Проводы“ („Как родная мать меня провожала“) превращается в популярную народную песню. Стихи Д. Бедного, присланные на фронт под Петроградом осенью 1919 г. (песенка „Танька-Ванька“), помогли нашим бойцам устоять перед английскими танками — последней ставкой интервентов на Северо-Западном фронте.

„Во время наступления на Белую Церковь, где засели петлюровцы, — сообщает Л. Войтоловский, — красноармейцы, лишенные артиллерийской поддержки, заколебались. По словам военкома, из рядов наступавшего полка вышел молодой красноармеец и стал декламировать „Коммунистическую марсельезу“ Демьяна Бедного. Чтение повторялось несколько раз. Солдаты воодушевились и двинулись в бой“.

Много времени провел тогда Д. Бедный в поездках по фронтам.

Разжигатель неуемный —
Я кочую по фронтам.
Мой вагон — дырявый, темный,
Нынче здесь, а завтра там, —

писал он в стихотворении „Жесткий срок" (1920 год).

В штабном поезде М. Фрунзе на Южном фронте поэт сочинил знаменитую пародию на врангелевский манифест, обличая в бароне ставленника монархистов, помещиков и иностранных захватчиков. Стихи „Под Казанью", „Обманутым братьям в белогвардейские окопы" тысячами листовок сбрасывались с самолетов в расположение вражеских войск.

За годы гражданской войны из печати вышло около сорока книг и брошюр Демьяна Бедного, общий тираж которых достигал полутора миллионов экземпляров. Среди них были такие известные книги, как „Богатырский бой", „Красноармейцы", „О Митьке-бегунце и его конце", „Красный казак" и др. Почти все они выдержали по нескольку изданий.

Успеху творческой работы поэта способствовали правильные позиции, занятые им в литературной борьбе того времени. Д. Бедный резко выступил против „теоретиков" Пролеткульта, чье кичливое, высокомерное отношение к культуре прошлого, увлечение космическими масштабами и пренебрежение к реальной действительности резко противоречили традициям русской литературы и политике партии в вопросах культуры (стихотворение „Бил бы лбом"). Предисловие к поэме Пушкина „Гавриилиада", написанное Д. Бедным в ноябре 1918 г., т. е. в пору расцвета „пролеткультовского" и футуристического нигилизма, утверждало Пушкина как поэта, наследие которого принадлежит народу. Заключительные строки предисловия (написанного стихами) призывали читателей:

Пусть будет свят для вас завет пророка,
Рукой врагов сраженного до срока,
И пусть его разбитой лиры глас
Ободрит вас в тревоги жуткий час!

Переход к новой экономической политике нашел свое отражение в ряде стихотворений поэта. Прямым откликом на ленинскую оценку нэпа явилось стихотворение Д. Бедного „Кто — кого". Развитие советской торговли Демьян Бедный освещает в стихотворных письмах со Всероссийской ярмарки в 1922 году. Он видит новые пер-

спективы нашей поэзии, в которой появятся произведения „о торфе, угле, магнезии", о людях — творцах, строителях нового общества.

В противовес настроениям растерянности и уныния, проникшим тогда в творчество некоторых поэтов, бодро и жизнерадостно прозвучала замечательная поэма Демьяна Бедного „Главная улица", написанная осенью 1922 года. В ней прославлен вышедший на арену истории революционный народ. С подлинной силой большевистского оптимизма выражено в ней понимание грандиозных перспектив революционной борьбы, в которую вовлекаются народы всего мира.

„Главная улица" является одной из вершин патетической лирики, занявшей видное место в послеоктябрьском творчестве поэта.

По свидетельству Н. К. Крупской, именно лирику более всего ценил В. И. Ленин в поэзии Демьяна Бедного этих лет. „Последние месяцы жизни Ильича. По его указанию я читала ему беллетристику, к вечеру обычно... он любил слушать стихи, особенно Демьяна Бедного. Но нравились ему больше не сатирические стихи Демьяна, а пафосные".[1]

Значение творческой работы поэта в первые годы советской власти было подчеркнуто в обращении к Демьяну Бедному Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета, опубликованном за подписью М. И. Калинина 14 апреля 1923 г. В обращении говорилось:

„Произведения ваши — простые и понятные каждому, а потому и необыкновенно сильные, зажигали революционным огнем сердца трудящихся и укрепляли бодрость духа в труднейшие минуты борьбы.

Страдания, борьба, подвиги и достижения восставшего пролетариата находили в вас достойного певца. В вашем лице поэзия, быть может, впервые в истории, так ярко связала свои судьбы с судьбами человечества, борющегося за свое освобождение, и из творчества для немногих избранных стала творчеством для масс".

Этим документом Демьян Бедный — первый среди советских писателей — был удостоен правительственной награды. За свои заслуги перед Родиной он был награжден орденом Красного Знамени, а впоследствии (в 1933 г.) — и орденом Ленина.

В 1923—1924 гг. Демьян Бедный создает такие неувядаемые произведения гражданской лирики, как проникнутые глубокой печалью стихи о Владимире Ильиче („Любимому", „Снежинки").

Лирическая струя заметно усиливается в творчестве поэта, охватывая разнообразные стороны жизни советского общества. Много

---

[1] Н. К. Крупская. Воспоминания о В. И. Ленине, М., 1931, стр. 192.

писал в эти годы Д. Бедный о творческих устремлениях советского человека, о достижениях на фронте культуры. Свою сатиру поэт обращает против врагов Советского государства в империалистическом лагере, против вражеской агентуры внутри нашей страны. Д. Бедный решительно отстаивает в своих произведениях генеральную линию нашей партии от буржуазных прихвостней, антипартийных элементов.

Целые серии фельетонов, сказок, сатирических притчей, написанных в эти годы, посвящены борьбе с пережитками прошлого в быту и особенно — с религиозными предрассудками.

Расширение масштабов творческой работы, обогащение ее новыми темами сопровождалось усилением внимания Д. Бедного к борьбе на литературном фронте, активными выступлениями его в защиту идейности и реализма советской поэзии. К 1922—1924 гг. относится цикл его декларативных и полемических стихотворений, посвященных задачам поэзии. Демьян Бедный обрушивается на эстетов и снобов, увязших в болоте литературщины, разоблачает их враждебные вылазки в искусстве („Еще раз о том же", „Караул", „Обида", „О соловье"). Называя себя „тружеником упорным", „скромным пахарем" на поэтической ниве, Демьян Бедный в стихотворении „Вперед и выше!" следующим образом определяет принципы своей поэтической работы:

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны, —
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

...Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

В речи на совещании пролетарских писателей 6 января 1925 г. Демьян Бедный требует ни на один миг не забывать о читателе, „массовом, многомиллионном читателе" и о „взаимоотношении с ним". „Только постоянно помня, для кого вы пишете и с какой целью пишете, — предупреждал он, — вы будете знать, как писать и что писать". Напомнив слова Ленина о демократической сущности искусства (эти слова Бедный приводил по воспоминаниям Клары Цеткин, незадолго перед этим опубликованным в газете „Коммунар"),

поэт заявил: „учитесь говорить так, чтобы вас слушали, ... писать так, чтобы вас читали. У вас должен быть ... голос, доходящий до читательского сердца. Вы должны „петь" так, чтобы сердце рабочего и крестьянина перед вами раскрылось".[1]

Понимание действенной роли поэзии, непримиримое отношение к эпигонам буржуазных поэтических школ, наконец самая практика литературной работы, связанной с задачами массовой агитации, с работой газет, — все это очень тесно сближало Демьяна Бедного с В. В. Маяковским. Яркое индивидуальное своеобразие каждого из них не ослабляло их принципиальной близости и родства.

Как в годы гражданской войны, так и в последующий период В. Маяковский и Д. Бедный делали одно общее дело, служа своей поэзией интересам социалистического государства. Они сближались друг с другом и в методах агитационно-плакатной работы, и в основных мотивах своей лирики, и в широкой ориентации на фольклор.

Маяковский высоко ценил творческую работу Д. Бедного. „Стихи Демьяна Бедного,— писал он в брошюре „Как делать стихи?" (1926),— это правильно понятый социальный заказ на сегодня, точная целевая установка — нужды рабочих и крестьян, слова полукрестьянского обихода (с примесью отмирающих поэтических рифмований), басенный прием".

Еще ранее, в декабре 1925 г., на диспуте „Больные вопросы советской печати" Маяковский с одобрением говорил о том месте, которое отводит стихам Демьяна Бедного наша советская периодика.

В своей личной библиотеке Маяковский хранил томик стихов Д. Бедного, изданных в 1926 г.

Дополним сказанное и одним малоизвестным фактом, подчеркивающим, что более всего ценил Маяковский в Д. Бедном его народность, теснейшую связь его поэзии с интересами Советского государства. 26 апреля 1927 г. Маяковский выступал в Праге с докладом на тему: „Десять лет десяти советских поэтов". Как явствует из отчета об этом вечере, напечатанного в пражской газете „Лидове Новины" 28 апреля 1927 г., Маяковский сказал:

„Революционное государство оценивает развитие искусства .. по тому, как искусству удается проникнуть в массы". Касаясь в связи с этим творческой практики Д. Бедного, Маяковский заметил: „Для советского общества, если красноармейцы с его стихами на устах бросались против танков, его поэзия имеет огромное

---

[1] Отчет о выступлении Демьяна Бедного опубликован в „Правде", 1925, № 12, 15 января.

значение... От искусства нынешнего дня нужно требовать, чтобы оно помогало строить Советское государство". [1]

Совсем не освещен в нашей литературе вопрос об отношении Демьяна Бедного к Маяковскому. Между тем старейший советский поэт не мог не оценить большое новаторское значение творчества Маяковского. В отклике на смерть Маяковского, напечатанном в „Правде", Демьян Бедный назвал его „талантливейшим и признаннейшим поэтом". В творчестве Маяковского, по словам Демьяна Бедного, представлена „одна из самых сильных, красочных, своеобразных, неповторимых страниц великолепнейшей книги, где собраны сокровища русской поэзии". [2] Не случайно спустя несколько лет с согласия Демьяна Бедного был выпущен сборничек, в котором объединены стихи обоих поэтов, посвященные Красной Армии и гражданской войне („Готовься" В. Маяковского, „Тени прошлого" Д. Бедного и др.).

Активным участием в жизни, постоянным вниманием к вопросам политики, борьбой за целеустремленное поэтическое искусство оба художника на практике утверждали метод социалистического реализма. Метод этот основан на правдивом изображении жизни в ее существенных закономерностях, в ее неодолимом движении к будущему, к коммунизму; органической чертой этого метода является активное воздействие литературы на жизнь, ее участие в могучем процессе строительства нового мира. Вот почему и в своей творческой практике и в высказываниях на литературные темы В. Маяковский и Д. Бедный с такой энергией подчеркивали идейно-воспитательное значение советской литературы.

Работа Д. Бедного в середине двадцатых годов была, как и прежде, направлена на укрепление социалистического государства, на борьбу против его внешних и внутренних врагов, на воспитание читателей в духе советского патриотизма.

Демьян Бедный выступил в своем творчестве страстным борцом за мир, разоблачителем коварных происков поджигателей новой войны. Колониальная политика британских империалистов, варварские методы борьбы с демократическим движением и культурой, применяемые властями в США, гонка вооружений в буржуазных

---

[1] В работе В. Катаняна „Маяковский. Литературная хроника" (изд. 2, „Советский писатель", 1948, стр. 305—306) сообщается об этом вечере и цитируются отклики прессы, однако содержание доклада Маяковского не раскрыто и приведенные нами строки отсутствуют.

[2] „Правда", 1930, № 104, 15 апреля.

странах, рост фашизма на Западе, попытки империалистов сорвать и потопить в крови национально-освободительное движение китайского народа — все эти и многие другие события зарубежной политической жизни нашли гневный отклик в стихах и памфлетах Демьяна Бедного. Чемберлен и Черчилль, Гувер и Бриан, Муссолини и Хорти, Чжан Цзо-лин и Чан Кай-ши, многие другие главари международной реакции и их прислужники в социал-соглашательском лагере были заклеймены в произведениях поэта.

В фельетоне „Дружеская беседа“ (декабрь 1926 г.) Демьян Бедный дал уничтожающий поэтический комментарий к речи Черчилля, содержащей клевету на советских рабочих. Во всем своем непритязательном виде выступила международная говорильня — Лига Наций — в фельетоне „Тайная вечеря“ XX века“ (март 1927 г.). По поводу попытки американской радиопропаганды „внушать“ мысли на расстоянии поэт писал в стихотворении „Кто внушает, а кто мешает“:

Давно б весь мир трясла война,
Когда б Советская страна
Внушеньям подлым не мешала!

Тому же делу разоблачения поджигателей войны была посвящена целая серия дипломатических „посланий“ и „телеграмм“, которые поэт адресовал буржуазным политикам.

Советские читатели видели в Демьяне Бедном неутомимого защитника интересов мира, верного патриота своей отчизны. Нередко они обращались к нему с прямой просьбой выразить в стихах те мысли и переживания, которые вызывают в советском человеке события текущей политической жизни. Вот одно из характерных писем, присланное поэту из гор. Ветлуги, Нижегородской губернии (январь 1928 г.):

„Дорогой товарищ Демьян Бедный,
просим Вас в стихах изложить смысл такого нашего вызова:

Товарищи! Буржуазные правительства Англии, Америки, Франции беспокоит укрепление и развитие хозяйства нашего Союза Сов. Соц. Республик, и они всячески стараются вызвать нас на войну. Однако до сих пор Советское правительство не приняло этого вызова, так как каждый трудящийся нашего Союза желает только мира. Нельзя поручиться, что в будущем мирное строительство в пролетарском государстве не будет нарушено...“

Письмо заканчивалось предложением начать сбор денежных взносов на постройку нового самолета.

Голосом поэта-обличителя, поэта-патриота говорил советский

народ, всеми силами стремившийся обеспечить условия для мирной жизни и труда, сохранить мир во всем мире.

Тема труда, возникшая в поэзии Д. Бедного в дни первых коммунистических субботников, заняла теперь в его творчестве одно из самых видных мест. Центральным героем его лирики стал советский труженик, беззаветно преданный делу строительства коммунизма и через все испытания проносящий высокое чувство советского патриотизма. В создании этого образа поэт достигает большого реалистического мастерства. Это отчетливо сказалось в стихотворении „Тяга", которое И. В. Сталин в письме к Демьяну Бедному от 15 июля 1924 года назвал „жемчужинкой", призывая поэта к поискам нового материала для произведений подобного рода.[1]

В этом стихотворении Демьян Бедный говорит, что место поэта — в гуще жизни: здесь он находит своих героев, здесь наблюдает их труд и быт, здесь „ловит меткое словцо". Далее поэт описывает привокзальный железнодорожный участок в Евпатории, группу рабочих, примостившихся на путях, и среди них — станционного работника Емельяна Димитренко. По должности Емельян — „служба тяги", он „на все и у всех под рукой", работает он бессменно, с него „пот ручьем", а сам он — босой. И все же Димитренко — человек „приветливый, бодрый, проворный" и при всех материальных трудностях жизни он силен неистребимым сознанием своего превосходства над „любым Ротшильдом, Фордом". И он по-настоящему щедр и широк, ибо при скромном своем заработке он поддерживает МОПР и Воздухофлот, и кассу взаимопомощи, и общество „Долой неграмотность!", и подписывается на газету — ибо он истинный советский патриот со всем присущим ему богатством духовных запросов.

Некоторые стороны быта, материальные трудности жизни, нашедшие отражение в стихотворении „Тяга", были особенностями того времени и давно уже отошли в прошлое. Но патриотическая гордость советского человека, выраженная в стихотворении, сохраняет для нас всю свою неувядаемую силу. Реализмом, высоким чувством гражданственности, оптимистическим настроением, утверждением непосредственной близости поэта к жизни – всем этим и ценно для нас стихотворение „Тяга".

Сталинская похвала укрепила Демьяна Бедного в этих творческих принципах. Стихи, полные теплого чувства к простым советским труженикам, занимают в творчестве Демьяна Бедного выдающееся место. Некоторые из них — „Мытарства товарища Белана, или

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 275.

Пролетарская Одиссея" (о железнодорожном смазчике), „Боевой выбрасыватель" (о советской девушке), „Не зря" (о красноармейце) — непосредственно развивают идеи и образы стихотворения „Тяга". Программное значение этой темы для нашей поэзии Демьян Бедный подчеркнул в стихотворении „Товарищ Борода" (1926), рисующем неутомимого труженика, юного в свои сорок лет:

Вниманью молодых товарищей поэтов,
Что ищут мировых — сверхмировых! — сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.
Вот вам бесхитростная быль.
Коль ничего она не скажет вашей братье,
Пустое ваше все занятье!
Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой — такой простой и скромный —
Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, „товарищ Борода".

Письмо товарища Сталина к Демьяну Бедному является свидетельством отеческой заботы о поэте — об его здоровье, настроении, творчестве.

„Это очень хорошо, что у Вас „радостное настроение", — пишет ему товарищ Сталин. — Философия „мировой скорби" не наша философия. Пусть скорбят отходящие и отживающие. Нашу философию довольно метко передал американец Уитман: „Мы живы, кипит наша алая кровь огнем неистраченных сил". Так-то, Демьян".[1]

„Лечитесь, лечитесь, обязательно лечитесь", — советует товарищ Сталин. И далее, отвечая на вопросы поэта, он освещает ряд сторон текущей политической жизни — борьбу с оппозицией, виды на урожай, нарастание революционных настроений на Западе.[2]

В октябре 1924 г. Демьян Бедный по заданию „Правды" отправился в гор. Николаев на процесс убийц селькора-общественника Григория Малиновского. Это нашумевшее дело, известное под именем „Дымовки" (так называлось село, где бандой кулаков было совершено преступление), получило широкое освещение в советской печати. Уроки „Дымовки" обсуждало заседание Оргбюро ЦК ВКП(б), в котором принял участие И. В. Сталин. На страницах „Правды" выступили М. И. Калинин, В. М. Молотов, М. И. Ульянова. В передовой статье от 12 октября 1924 г. В. М. Молотов писал: „Теперь на наших глазах в Николаеве проходит дело селькора Малиновского,

---

1 И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 273.
2 И. В. Сталин. Сочинения, т. 6, стр. 273—276.

который навсегда останется в памяти, как один из лучших образцов общественного работника в деревне".

События в Дымовке и образ селькора-общественника нашли свое отражение в стихах Демьяна Бедного. Стихи эти, давая правдивую картину событий, заканчивались пафосными строками о боевой смене, встающей на место погибшего:

Солнце осветит родные просторы.
Рыцари правды и света, вперед!
Мы — боевые селькоры!

И. В. Сталин, выступив с речью „О „Дымовке", поставил в заслугу Демьяну Бедному то, что у него при освещении этого события „хватило мужества вытащить кусок живой жизни и показать всей стране, — эту заслугу обязательно нужно отметить".[1]

Как в дооктябрьской „Правде", так и теперь указания товарища Сталина, его выступления по политическим вопросам имели руководящее значение для поэта. Целый ряд произведений Демьяна Бедного явился откликами на выступления И. В. Сталина (стихотворение „К шапочному разбору", 1924 г., — отклик на опубликование работы И. В. Сталина „Октябрьская революция и тактика русских коммунистов"; одна из глав сатирического обозрения „Похоронный обряд, или Оппозицию учить — что мертвого лечить", 1927 г., — отклик на выступления И. В. Сталина против оппозиции и др.).

Неоценимую роль сыграла для Д. Бедного и та требовательная, суровая критика, которой подверг И. В. Сталин политические ошибки, допущенные поэтом. Но об этом будет сказано ниже.

Образ творца и строителя, намеченный поэтом в стихах двадцатых годов, наполнился новыми чертами в годы Сталинских пятилеток. Восторженные строки посвятил автор „бойцам за красную жизнь" — создателям первых колхозов. О строителях Турксиба, героях трудового войска, прокладывавших железную дорогу в многовековой пустыне, писал он в поэме „Шайтан-арба". Значительны образы Степана Завгороднего и его шестерых сыновей — героев поэмы „Колхоз „Красный Кут" — представителей двух поколений советских людей. Жизнь простого русского человека, обессмертившего себя патриотическим подвигом, составила содержание поэмы „Красноармеец Иванов".

Черты характера советского человека выражены и в лирическом герое произведений Демьяна Бедного. Гражданин страны социализма,

---

[1] И. В. Сталин. Сочинения, т. 7, стр. 20.

зорко следящий за происками врагов, бдительно охраняющий интересы отечества, во всем проявляющий ум и сметку, житейский опыт и политическое чутье, — таков этот герой-рассказчик, которого мы встречаем и в лирических фельетонах Д. Бедного и в его агитационных стихотворениях.

Внимание Д. Бедного к основным вопросам социалистической эстетики — к проблеме взаимоотношения поэта и общества, к борьбе с литературным гурманством — было характерной чертой его литературно-общественной деятельности.

Поэт всегда иронизировал над убогими стихотворцами, которые в условиях жестокой классовой борьбы ищут благостного отдохновения и покоя (на эту тему им в свое время была написана лирическая шутка „Неизвестно, почему...“). Но особенно опасной считал он безидейную лирику в обстановке героических усилий народа на строительном фронте. В фельетоне „О писательском труде“ Д. Бедный яростно обрушивается на поэтических „жрецов“, на любителей „лавровых венков“, проповедников „эстетического худосочия“. Автор утверждает здесь поэзию как труд, как работу чеканщика мысли и образа, для которого строительство социализма — это „дум наших всех средоточие“. Решительно отвергая теорию „стихийности“ литературного творчества, отрицая роль бессознательного вдохновения, он призывает „облагородить по-новому боевой пролетарский писательский труд“.

Для эстетических позиций Д. Бедного характерны также его выступления против формалистической и декадентской трактовки комедий Гоголя и Грибоедова буржуазным эстетом В. Мейерхольдом (ряд фельетонов и эпиграмм 1927—1928 гг.), против грубого натурализма в кино (обозрение „Философы“ и фельетон „Что и требовалось доказать“, 1930). С особым негодованием писал Демьян Бедный о раболепии руководителей Камерного театра перед иностранщиной (эпиграмма 1927 г.).

В развернутой форме свои требования к поэзии Демьян Бедный выразил в беседе с молодыми литераторами, организованной редакцией „Комсомольской правды“.

Произведение советской литературы должно быть, по его словам, „...понятно широким трудящимся массам, оно должно возбуждать в них чувство радости, должно быть поэтому любимо ими, оно должно объединять чувство, мысль и волю трудящихся на достижение указанного Марксом „единства цели“, вот этой нашей живой, боевой, революционной цели — построения социализма“.

Но, как утверждал далее поэт, „новая жизнь требует новых форм". „У каждой поры, — говорил он, — свои песни и своя форма у этих песен. Труднейшее дело — эти самые новые формы. Особенно теперь, когда требуется отобразить невиданное в мире гигантское социалистическое жизнетворчество. Немудрено, что мы, писатели, нервничаем и бьем тревогу: „Отстаем! Отстаем!" Немудрено и отстать... если оторваться от жизни, замешкаться, не включиться своевременно в тот творческий поток, которым сносится, смывается старое и создаются новые формы жизни. Из глубин этого потока выйдут создатели и новых литературных форм, которые будут соответствовать новому содержанию литературы и новым формам жизни. Наше время — гениальное время. У гениального времени появятся и гениальные поэты. Они не могут не появиться".

Нашей литературе, по словам Демьяна Бедного, органически присущи высокая жизнерадостность и активность. Поэзия наша должна внушать читателю „радостное и бодрое настроение, облегчающее преодоление тех трудностей, которые мы во что бы то ни стало должны преодолеть". Малодушие и скептицизм нам глубоко враждебны, но столь же чужды нашим эстетическим принципам всякого рода приспособленчество и фальшь. Свою беседу с молодыми литераторами Демьян Бедный закончил призывом к учебе — ибо „самое высокое вдохновение может остаться немым, безгласным, будучи связано отсутствием технической выучки".[1]

Развивая эту мысль, Д. Бедный в статье „О революционно-писательском долге" писал: „В приобретении мастерства играют роль — труд и способности. Но и мастерство самое высокое может оказаться пустым, а то и вредным мастерством у того писателя, который безоговорочно, честно и горячо не поставит свое искусство на служение тому великому делу, которое называется — пролетарской революцией".[2]

В системе взглядов Демьяна Бедного на поэзию существенное место занимает вопрос об отношении к наследию классической литературы.

Еще на ранних этапах своей творческой деятельности он ставил себе в пример самоотверженность и трудолюбие русских писателей. „Лев Толстой был величайшим работником, — напоминал он в одном из писем 1913 г. — Гений — это труд. Любимый, конечно." Мы говорили уже о той резкой отповеди, которую дал поэт „пролеткультовцам" и футуристам, отрицавшим значение художественного

---

[1] Д. Бедный. О писательском труде, М.-Л., 1931, стр. 17—18, 22 и след.
[2] Д. Бедный. Очередное, М., 1935, стр. 215.

наследия классиков для советской культуры. Столь же решительны были выступления Д. Бедного и против вульгарных социологов, пытавшихся измельчить и принизить великие творения русской культуры.

„Только враги или недоумки, — говорил Демьян Бедный в 1931 г., — могут уверять нас, что изучение классических творческих приемов есть уход от современности. Что же тогда сказать о Марксе, который читал Шекспира, Эсхила и Гете? Вот куда „уводит“ нас Маркс...“ [1]

Спустя несколько лет поэт с удовлетворением отмечал:

Давно уже свое изживши малолетство,
Мы ценим, любим и храним
Свое культурное наследство.

(„В защиту басни“, 1936)

Содействовал поэт и делу популяризации классической литературы. Он участвовал в редактировании шеститомного собрания сочинений А. С. Пушкина (1930—1931). Под его редакцией вышел I том полного собрания сочинений И. А. Крылова (1944). В беседе с молодыми писателями он говорил: „Надо учиться. У кого? У классиков... Не подражать им безразборчиво, а в каждом отдельном случае стараться уяснить себе, почему именно эта, а не другая форма была избрана классиком для безукоризненного выражения своих мыслей, чувств и наблюдений“.

Удалось ли самому Демьяну Бедному творчески использовать богатейший опыт развития русской поэзии? Вопрос этот исключительно важен. Пройдя период ученичества, Бедный выступил как поэт-новатор, вводящий в поэзию новые темы, утверждающий новые принципы поэтической работы, обогащающий поэтический язык. Все это диктовалось стремлением приблизить поэзию к народу, сделать ее для широкого демократического читателя родной и понятной. В этом благородном стремлении Демьян Бедный опирался на лучшие традиции русской поэзии, находя в них то, что было ему наиболее близко по духу. Такими, более всего родственными его творчеству оказались традиции, разрабатывавшиеся Крыловым в баснях, Пушкиным в сказках, Некрасовым в стихотворениях и поэмах.

Связь творчества Д. Бедного с развитием русской басни была уже прослежена нами на материале дооктябрьских произведений поэта. Диапазон художественных исканий поэта в советские годы

---

[1] „О писательском труде“, назв. изд., стр. 28—29.

расширился, басня перестала быть в его творчестве ведущим жанром, но наследие Крылова не утратило для него значения великого образца.

„Всей правды о Крылове, — писал Демьян Бедный, — не мог сказать даже Белинский. Царская цензура не допустила бы того ни в коем случае... Белинский знал, „что такое Крылов“ и какой заслугой перед Родиной является его литературный подвиг, его, вросшее корнями в народную почву, гениальное творчество, которое в облюбованной Крыловым области по своему несравненному мастерству является вершинным. Белинский все это знал, когда определял Крылова словесной триадой, которая должна быть высечена на будущем крыловском всенародном памятнике: „Крылов — честь, слава и гордость нашей литературы“.[1]

То, что творчество гениального баснописца „вросло корнями в народную почву“, и определило отношение к нему потомков. Слова Крылова стояли на титульном листе первой книги Демьяна Бедного, вышедшей в 1913 г. („Таких примеров много в мире: не любит узнавать никто себя в сатире“). Но если уже тогда Демьян Бедный внес много своего в традиционный басенный жанр, — еще яснее сознавал он новаторское значение нашей литературы в советские годы. Недаром в 1936 году он писал:

Крылов... Не мне снижать его талант огромный.
Я — ученик его почтительный и скромный,
Но не восторженно-слепой...

И поэтому, как следует из дальнейших строк стихотворения, социальные вопросы, которые выдвигал в свое время Крылов, по-новому должен был ставить и разрешать баснописец нашей эпохи. Эпоха же наша открывает широчайшие возможности для расцвета всех видов искусства, в которых себя прославили русские классики. Вот почему Д. Бедный заявляет:

...басня и досель пригодна нам вполне,
И я скажу в защитном слове,
Что дело не в Крылове
(И не во мне).
В грядущей смене поколений
Средь одареннейших голов
Ужели басенный немыслим новый гений,
Пред кем спасует сам Крылов?!

(„В защиту басни“).

---

[1] Демьян Бедный. „Честь, слава и гордость русской литературы“. — „Правда“, 1944, № 279, 20 ноября.

Частично затрагивался выше и вопрос о влиянии на Д. Бедного традиций Некрасова. Интонации и ритмы некрасовской поэзии мы слышим во многих произведениях Д. Бедного — начиная со стихов 1910—1911 гг.:

Исполненный красы пленительной,
И буйной мощи, и огня,
Певучих слов поток стремительный
Переливается, звеня, —

(*„Бывает час...“*)

и кончая поэмой „Русские девушки“, написанной в период Великой Отечественной войны. Что же касается таких крупных произведений Д. Бедного, как „Про землю, про волю, про рабочую долю“ и „Колхоз „Красный Кут“, то — как мы уже отчасти показали — ни их построения, ни ритма, ни языка нельзя понять вне тех путей, которые проложил в поэзии Некрасов. Недаром автор этих произведений прибегает в ряде случаев к прямым реминисценциям из Некрасова. Так поступил он, приводя в поэме 1917 года „Письмо Якима Нагого“ (сам герой этот — из поэмы Некрасова). Так построил он и зачин поэмы „Колхоз „Красный Кут“:

„В каком году — рассчитывай,
В какой земле — угадывай“,
Жандармами усатыми
С глазами тупо-рачьими
Просмотрены, проверены,
Из поезда из прусского
На пограничной станции
Сошедши на перрон... и т. д.

Говоря о родстве образов, ритмики, интонаций, мы понимаем, конечно, что этим далеко не исчерпывается творческая близость обоих художников. Она охватывала не только отдельные элементы поэтики, но и явления более широкого идейного и эстетического порядка.

В своей борьбе за демократизацию поэзии, за тесное сближение поэзии с фольклором, в своих выступлениях против поэтических канонов, созданных дворянскими и буржуазными лириками, — во всем этом Демьян Бедный был продолжателем великого поэта революционной демократии. Он был продолжателем и в том смысле, что применил достижения революционно-демократической поэзии для создания произведений нового художественного стиля, для создания поэзии социализма.

Использовал Демьян Бедный в своих произведениях и богатства устного народного творчества. Жанры и образы фольклора свободно входили в его стихи; пословицы, частушки, присказки легко врастали в его язык, а тексты из редких фольклорных источников прямо включались им в стихотворную ткань. Широко использовал поэт и традиции русского раешного стиха, применив их в „беседах", сказках, стихотворных „отчетах".

„Народ, — говорил Демьян Бедный, — сам — великий творец, сам он — глубокий выразитель своих раздумий, сам он — коллективный создатель гениальных песен. Подойдите к нему с уважением, слушайте его любовно и унесите воспринятое от него с благодарностью. И тогда вы сами за свои песни будете иметь народную любовь, уважение и благодарность".[1]

Недаром многочисленны факты широкой „фольклоризации" текстов Д. Бедного: многие из них после первых же публикаций получали изустное распространение и превращались в фольклор. При всем том поэт очень редко грешил стилизацией: ориентируясь на фольклор, он не утрачивал признаков своей поэтической манеры, не терял своего голоса.

Таким образом, творчеству Демьяна Бедного были свойственны самые плодотворные художественные тенденции. Оно восприняло реализм и народность русской литературы, впитало в себя живые соки фольклора и вместе с тем сохранило черты авторской индивидуальности как в содержании, так и в особенностях поэтической формы.

Д. Бедному был присущ дар художественной импровизации, позволявший ему с необыкновенной живостью откликаться на все текущие события жизни. Стих Демьяна Бедного гибок и динамичен, сюжет в нем развертывается со стремительной быстротой, описательный материал сокращен до предела, характеристики людей, событий выразительны и остры. Отсюда — близкая к народной поэтике афористичность его стиха, особенно ярко выразившаяся в сатире.

Лирика Демьяна Бедного высоко патетична: используя классические ямбы, поэт смело вводит в нее ораторские интонации, создавая новые формы агитационно-лирического стиха.

Известные новшества внес Демьян Бедный и в разработку поэтических жанров. Наряду с многообразием использованных им форм русской поэзии, он выдвинул и новый жанр — стихотворное обозрение, в котором умело сочетаются элементы повести и фелье-

---

[1] „Правда", 1925, № 12, 15 января.

тона. Черты этого жанра обнаруживались уже в ряде строф его повести „Про землю, про волю...“ и в некоторых фельетонах 1918—1920 гг. Впоследствии Д. Бедный широко вводил в стих документальный и прозаический материал, используя как исторические источники, так и современные (стенограммы, хронику, письма). Правда, часть использованного им материала теперь устарела, другая часть не была органически включена в стихотворную ткань, что порою лишало произведения цельности и глубины, но поиски поэта в этой области должны быть отмечены.

Очень богат поэтический язык Демьяна Бедного. Работа Д. Бедного над языком заслужила одобрительные отзывы самых строгих ценителей. М. И. Калинин в беседе с молодыми писателями (1934) назвал Д. Бедного „большим знатоком русского языка“.[1] М. Горький упомянул его в числе „людей, весьма чутких к затейливой игре языка, и „словотворцев“, и требовал включения его имени в Словарь русского литературного языка, подготовлявшийся Академией наук СССР.[2] „Мастеру слова“ адресовали свое приветствие сотрудники „Правды“ еще в 1923 г.[3] „Великолепным знатоком народной речи“ охарактеризован Демьян Бедный в письме советских писателей (1945).[4]

В чем было главное достоинство его языка? В органической народной основе; в том, что живой родник народной речи питал язык его лирики, басен, фельетонов, поэм. Белинский, говоря о языке Крылова, отмечал в нем „неисчерпаемое богатство идиомов, руссизмов, составляющих народную физиономию языка, его оригинальные средства и самобытное, самородное богатство“.[5] В большой мере приложима эта характеристика к языку Демьяна Бедного, действительно богатому своеобразными оборотами национальной русской речи. Характерно, что именно эта сторона языка привлекала наибольшее внимание поэта в его учебе у классиков.

Касаясь языка пушкинской сказки „О попе и о работнике его Балде“, Демьян Бедный подчеркивал, что „тут Пушкин, несомненно, был близок к разгадке нашей народной ритмики“, включив „легкую народную скороговорку“ в строгие, четкие рифмующиеся стихи.

---

[1] „Беседа М. И. Калинина с низовыми авторами“, изд. „Крестьянской газеты“, М., 1934, стр. 13.

[2] Из письма М. Горького к О. Ю. Шмидту, приводимого в книге Б. Бялика „О Горьком“, изд. „Сов. писатель“, М., 1947, стр. 243.

[3] „Правда“, 1923, № 89, 24 апреля.

[4] „Правда“, 1945, № 125, 26 мая.

[5] В. Г. Белинский. Полное собрание сочинений, 1901, т. V, стр. 265.

„Я эту скороговорку, столь пренебрегаемую литературными барами, но почему-то особенно любимую народом, — признавался Д. Бедный, — вывожу умышленно на первое место“. В этом поэт ощущал свою близость к одной из сторон творчества Пушкина.[1]

В соответствии с традициями народной речи Демьян Бедный избегал сложной метафоричности в языке, придавая ему естественную гибкость, образность, выразительность. Щедро пользовался он при этом народными сравнениями, поговорками и вошедшим в широкий обиход современным политическим словарем. Его стихотворная речь, как сказано им самим, была „с народным говором в ладу“. Решительно и гневно осуждал поэт формалистические „выверты“ в языке, клеймя псевдоноваторов — „языколомов“ и тех горе-теоретиков, которые выдают за достижение „речь заумную, косноязычный бред“. Отвечая им, поэт говорил:

Нет, наша речь красна *здоровой красотой.*
В здоровом языке здоровый есть устой.
Гранитная скала шлифуется веками.
Учитель мудрый, речь ведя с учениками,
Их учит истине и точной и простой.

Язык нашего народа шлифовался на протяжении веков, — именно эта ценнейшая сокровищница народа, а не грошовая заумь эстетов, является и должна служить подлинным источником для поэта. Такова была принципиальная позиция Д. Бедного в вопросах языка. Она была выработана многолетней практикой работы, рассчитанной на интересы народа. Она была проверена жизнью. Этим и определялась твердость, с которою поэт в том же стихотворении („О соловье“) заявил:

Что до меня, то я позиций не сдаю,
    На чем стоял, на том стою,
И, не прельщаяся обманной красотою,
Я закаляю речь, живую речь свою,
Суровой ясностью и честной простотою.

К сожалению, в творческой работе Д. Бедного были и факты снижения литературного качества и тяжелые идейные срывы. Бывали случаи, когда он ориентировался не на передового, а на

[1] Кстати, в 1919 г. Демьян Бедный написал „Сказку о батраке Балде и о страшном суде“, в которой использовал образы пушкинской сказки. В том же году обе сказки были изданы вместе одной книжкой, причем в 1922 г. это издание было повторено.

отсталого читателя, оказываясь таким образом не впереди читательской массы, а в хвосте у нее.

Первым, кто указал на эту опасность в творчестве Д. Бедного, был В. И. Ленин. М. Горький вспоминает, что Владимир Ильич „усиленно и неоднократно подчеркивал агитационное значение работы Демьяна Бедного, но говорил: — Грубоват. Идет за читателем, а надо быть немножко впереди“.[1] И то, что прекрасно сознавал Маяковский („Настоящая поэзия, — писал он в 1926 г., — всегда, хоть на час, а должна опередить жизнь“), не всегда учитывал Д. Бедный.

Порою в работе своей он не считался с возросшим уровнем сознания читателей, с их повышенными требованиями к искусству; в этих случаях стихи его грешили поверхностной трактовкой темы, упрощенной внутренней логикой, грубоватой поэтической формой — всем тем, что делало такие произведения недейственными, непопулярными.

Особенно глубоки и серьезны были его идейно-политические ошибки. В некоторых произведениях Д. Бедный дал извращенное толкование национального характера русского народа и его исторического прошлого; критика недостатков в работе советских людей перерастала иногда у поэта в клеветнические выпады против нашей страны.

Такие грубые антипатриотические ошибки были допущены Д. Бедным в стихотворениях „Слезай с печки“, „Без пощады“, „Перерва“. Ошибки эти были с предельной глубиной вскрыты товарищем Сталиным в письме к Демьяну Бедному, датированном 12 декабря 1930 г.

„В чем существо Ваших ошибок? — говорилось в письме. — Оно состоит в том, что критика недостатков жизни и быта СССР, критика обязательная и нужная, развитая Вами вначале довольно метко и умело, увлекла Вас сверх меры и, увлекши Вас, стала перерастать в Ваших произведениях в клевету на СССР, на его прошлое, на его настоящее. Таковы Ваши „Слезай с печки“ и „Без пощады“. Такова Ваша „Перерва“, которую прочитал сегодня по совету тов. Молотова“.[2]

И. В. Сталин указывает в своем письме, что передовые люди всего мира с надеждой смотрят на Советский Союз как на очаг освободительной борьбы всех трудящихся. „Революционные рабочие всех стран единодушно рукоплещут советскому рабочему классу

---

[1] М. Горький. Собр. соч., ГИХЛ, 1933, т. XXII, стр. 221.

[2] И. В. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 24. Нижеследующие цитаты — оттуда же (стр. 24—25, 27).

и, прежде всего, р у с с к о м у рабочему классу, авангарду советских рабочих, как признанному своему вождю, проводящему самую революционную и самую активную политику, какую когда-либо мечтали проводить пролетарии других стран. Руководители революционных рабочих всех стран с жадностью изучают поучительнейшую историю рабочего класса России, его прошлое, прошлое России, зная, что кроме России реакционной существовала еще Россия революционная, Россия Радищевых и Чернышевских, Желябовых и Ульяновых, Халтуриных и Алексеевых. Все это вселяет (не может не вселять!) в сердца русских рабочих чувство революционной национальной гордости, способное двигать горами, способное творить чудеса".

В противовес этому Демьян Бедный в названных стихах изобразил русского человека увальнем, спящим на печке, ленивым и диким. Вместо того, чтобы осмыслить величие исторического прошлого России и подняться на высоту передовых идейных задач, поэт, по словам товарища Сталина, ушел куда-то в лощину и принялся „возглашать на весь мир, что Россия в прошлом представляла сосуд мерзости и запустения, что нынешняя Россия представляет сплошную „Перерву"..."

Осудив эти грубейшие ошибки, И. В. Сталин подчеркнул, что Демьян Бедный отступает от ленинизма. Товарищ Сталин привел бессмертные слова В. И. Ленина из его знаменитой статьи „О национальной гордости великороссов", характеризующие великие исторические заслуги русской нации и вызываемое ими чувство революционной национальной гордости сознательных русских рабочих.

„Возможно ли, — спрашивал, обращаясь к Д. Бедному, товарищ Сталин, — примирить эту революционную „программу" Ленина с той нездоровой тенденцией, которая проводится в Ваших последних фельетонах?

К сожалению, невозможно. Невозможно, так как между ними нет ничего общего.

Вот в чем дело и вот чего Вы не хотите понять.

Значит, надо Вам поворачивать на старую, ленинскую дорогу, н е с м о т р я н и н а ч т о".

Эти суровые слова заставили поэта призадуматься над всем существом его творческой работы. Работа эта в прошлом отвечала идейным потребностям народа, а теперь сбилась с правильного пути, играя наруку троцкистским выродкам, предателям, космополитам. Издевательская характеристика русского рабочего и крестьянина, как ленивца, сидящего на печке, прямо перекликалась с гнусной клеветой подлого врага народа Бухарина, который называл русский народ „нацией Обломовых".

Без глубокого осознания всей пагубности, всей политической вредности этих ошибок нечего было и думать о служении интересам народа. Письмо товарища Сталина помогло Демьяну Бедному признать и осудить эти ошибки. В беседе с молодыми писателями (февраль 1931 г.) Д. Бедный заявил: „...у меня как раз по линии сатирического нажима на дооктябрьское „былое" были свои „прорухи", выразившиеся в огульном охаивании России и русского и в объявлении „лени" и склонности к „сиденью на печке" чуть ли не русской национальной чертой". И далее: „Непонимание того, что нынешнюю Россию представляет ее господствующий класс, рабочий класс, и прежде всего русский рабочий класс, самый активный и самый революционный отряд мирового класса, и огульное применение к нему обвинения в склонности к „лени" и „сидению на печке" дает тот фальшивый тон, о котором я уже говорил".[1]

Вслед за этим Демьян Бедный процитировал ту же статью В. И. Ленина „О национальной гордости великороссов", из которой приводил строки и товарищ Сталин в своем письме.

Произведения, написанные Д. Бедным в 1931—1935 гг., проникнуты стремлением исправить допущенные ошибки. В поэмах о пятилетке, в стихотворениях „Перекопская", „Жить и работать!", „Мой рапорт XVII съезду", „Вперед", „Цветенье жизни" Д. Бедный писал о могучей силе народа, строящего социализм. Он подчеркивал, что победы, одержанные нами, — это достижения „народной силы неуемной" (стихотворение „Вперед", 1933). Внимательно всматриваясь в окружающее, он стремился к тому—

Не утерять чтоб малой крохи
Из дел великих, из идей
Незабываемой эпохи
Незабываемых людей...

(„К ответу!")

Но прежние ошибки не были изжиты поэтом до конца: правильно показывая труд советского народа, Д. Бедный не сразу преодолел в себе вульгаризаторское, антиленинское отношение к историческому прошлому России. В 1936 г. он написал текст для новой постановки комической оперы Бородина „Богатыри", исказив в нем облик русских богатырей и историю древней Руси.

В специально принятом по этому поводу 13 ноября 1936 г. постановлении Всесоюзного Комитета по делам искусств при

---

[1] Д. Бедный. О писательском труде, М.-Л., 1931, стр. 45—46.

Совнаркоме СССР указывалось, что пьеса „Богатыри" является „попыткой возвеличения разбойников Киевской Руси", что это „противоречит истории и насквозь фальшиво по своей политической тенденции", что названное произведение „огульно чернит богатырей русского былинного эпоса, в то время как главнейшие из богатырей являются в народном представлении носителями героических черт русского народа".

Решительно осудили пьесу „Богатыри" советские зрители и печать. Пьеса была снята с репертуара как чуждая советскому искусству.

В творческой биографии Демьяна Бедного беспощадная и суровая критика его ошибок сыграла исключительно важную роль. Все последующие годы проходят в поэзии Демьяна Бедного под знаком напряженной творческой перестройки, под знаком переосмысления и проверки тех представлений о прошлом, которые сложились у него в прежних стихах. Для этого потребовалась большая работа поэта над собой.

Советская действительность — бурный расцвет нашей страны, принятие Великой Сталинской Конституции, рекордные достижения нашей промышленности, прославленные победы советских арктических летчиков и т. д. — продолжает быть в центре творческого внимания поэта. Он пишет стихи „Героическая памятка", „Страна любуется" и другие, которые звучат как гимны победоносному советскому народу, как гимны нашему вождю. Поэт стремится проникнуть своим взором в завтрашний день советской отчизны — он видит лесозащитные полосы, прикрывающие от суховеев колхозные поля, творческое единение науки и труда, невиданный взлет советской экономики и культуры. И эти картины приобретают более глубокий смысл благодаря тому, что теперь поэт по-новому понимает пути развития народа, традиции, накопленные в прошлом.

Поэт вспоминает доблестных воинов-новгородцев, громивших ливонских рыцарей на льду Чудского озера; он пишет о героях 1812 года, которые

С наполеоновской карьеры
Сорвали пышную звезду,

он славит народ, осуществивший Великую Октябрьскую социалистическую революцию.

Критика ошибок Демьяна Бедного помогла ему подготовить себя и к выполнению почетной роли поэта-агитатора, поэта-трибуна в годы Великой Отечественной войны.

Еще задолго до войны тема защиты Родины стала выдвигаться в творчестве Демьяна Бедного на одно из первых мест — об этом

свидетельствуют его поэмы „Москва“, „Колхоз „Красный Кут“, „Красноармеец Иванов“. Борьба за мир, против реакции и войны — борьба, которую поэт вел неустанно, — приобрела особое значение в обстановке подготовлявшейся против СССР фашистской агрессии. Когда же грянула война, Демьян Бедный в числе первых писателей отдал свой труд и талант делу защиты отечества. Стихотворения Д. Бедного появляются в „Правде“, на плакатах, в листовках, газетах. За годы войны поэтом было написано свыше двухсот лирических стихотворений и фельетонов, а также несколько поэм. Лишь за первые месяцы 1945 года — незадолго до своей смерти — Демьян Бедный опубликовал в „Известиях“ (за подписью Д. Боевой) двадцать пять стихотворений.

Глубоко и верно воспринимал теперь поэт героические традиции русского народа, осознавал историческое прошлое страны. В стихотворении „Русь“ он писал:

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.
Служа ее опорой твердой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Народ, имеющий многовековой опыт успешной борьбы с захватчиками, народ свободолюбивый и непреклонный, спаянный волей большевистской партии, объединенный в братскую семью и вооруженный замечательной техникой, не может не победить — эта мысль пронизывает большинство произведений Д. Бедного. Его стихотворные повести и поэмы („Русские девушки“, „Орлята“, „Военный урожай“, „Наши дети“) возвеличивают героических русских людей, их подвиги на фронте и в тылу.

Весь арсенал своих поэтических средств мобилизует Демьян Бедный для пропаганды идей советского патриотизма, для разоблачения фашистских захватчиков. Поэт возвращается к своей излюбленной форме политической басни, высмеивая тупость и ханжество фашистских завоевателей, показывая их обреченность („Волк-моралист“, „По гостю — встреча“, „Обиженный вор“). Поэт пишет стихотворные агитки, песни, фельетоны, пользуется знакомой нам формой политического обозрения в стихах („Фашистские ангелочки“, „Раса господ“, „Разлука ты, разлука“, „Геббельсовские изречения рождественские до умопомрачения“).

Взятые вместе, стихи эти являются как бы живым календарем великих событий войны. И день, увенчавший эти события, День победы над фашистской Германией, поэт встретил одой, в которой прославил „бойцов-богатырей, чьей бранной доблестью гордимся мы по праву".

Демьян Бедный прожил всего шестнадцать дней после этого праздника. Он умер 25 мая 1945 г.

Его последнее стихотворение было напечатано за три дня до кончины в газете „Социалистическое земледелие". Оно было уже посвящено послевоенным задачам советских людей.

В правительственном сообщении, опубликованном 26 мая 1945 г. всеми газетами, говорилось о смерти „талантливого русского поэта-баснописца Демьяна Бедного (Придворова Ефима Алексеевича), боевое слово которого с честью служило делу социалистической революции".

Слова эти являются лучшим признанием заслуг поэта перед нашим народом, перед социалистической советской культурой.

И. С. Эвентов

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1914

* * *

С тревогой жуткою привык встречать я день
Под гнетом черного кошмара.
Я знаю: принесет мне утро бюллетень
О тех, над кем свершилась кара,
О тех, к кому была безжалостна судьба,
Чей рано пробил час урочный,
Кто дар последний взял от жизни — два столба,
Вверху скрепленных плахой прочной.
Чем ближе ночь к концу, тем громче сердца стук...
Рыдает совесть, негодуя...
Тоскует гневный дух... И, выжимая звук
Из уст, искривленных злой судорогой мук,
Шепчу проклятия в бреду я!
Слух ловит лязг цепей и ржавой двери скрип...
Безумный вопль... шаги... смятенье...
И шум борьбы, и стон... и хрип, животный хрип...
И тела тяжкое паденье!
Виденья страшные терзают сердце мне
И мозг отравленный мой сушат,
Бессильно бьется мысль... Мне душно... Я в огне...
Спасите! В этот час в родной моей стране
Кого-то где-то злобно душат!
Кому-то не раскрыть безжизненных очей:
Остывший в петле пред рассветом,
Уж не проснется он и утренних лучей
Не встретит радостным приветом!..

1908

О ДЕМЬЯНЕ БЕДНОМ, МУЖИКЕ ВРЕДНОМ

Поемный низ порос крапивою;
Где выше, суше — сплошь бурьян.
Пропало все! Как ночь, над нивою
Стоит Демьян.
В хозяйстве тож из рук все валится:
Здесь — недохватка, там — изъян...
Ревут детишки, мать печалится...
Ох, брат-Демьян!
Строчит урядник донесение:
„Так што нееловских селян,
Ваш-бродь, на сходе в воскресение
Мутил Демьян:
Мол, не возьмем — само не свалится, —
Один конец, мол, для крестьян.
Над мужиками черт ли сжалится...“
Так, так, Демьян!
Сам становой примчал в Неелово,
Рвал и метал: „Где? Кто смутьян?
Сгною... Сведу со света белого!“
Ох, брат-Демьян!
„Мутить народ? Вперед закается!..
Связать его! Отправить в стан!..
Узнаешь там что полагается!“
Ась, брат-Демьян?
Стал барин чваниться, куражиться:
„Мужик! Хамье! Злодей! Буян!“
Буян!.. Аль не стерпеть, отважиться?
Ну ж, брат-Демьян!..

1909

СОНЕТ

В родных полях вечерний тихий звон.
Я так любил ему внимать когда-то
В час, как лучи весеннего заката
Позолотят далекий небосклон.
Милей теперь мне гулкий рев и стон
И мощный зов тревожного набата:
Как трубный звук в опасный бой — солдата,

Зовет меня на гордый подвиг он.
Средь суеты, средь пошлости вседневной
Я жду, когда, как приговор судьбы,
Как вешний гром — торжественный и гневный,
В возмездья час, в час роковой борьбы
Над родиной истерзанной и бедной
Раскатится набата голос медный.

1911

* * *

Ночной порой, когда луна
Взойдет над темными лесами,
Внимай: родная сторона
Полна живыми голосами.
Но, зачарованный волной
Ночных напевов и созвучий,
Прильни к груди земли родной,
Услышишь ты с тоскою жгучей:
Среди лесов, среди степей,
Под небом хмурым и холодным,
Не умолкает звон цепей
В ответ стенаниям народным.

1911

КОГДА НАСТУПИТ СРОК

Однажды в лавке антиквара,
Среди товара,
Шпажонка ржавая, убогая на вид,
Хвалилась пред другою шпагой
Своею честью и отвагой:
„В алмазах, в золоте, в чеканном серебре,
В ножнах из вылощенной кожи
Висела гордо я на вышитом бедре
Не одного вельможи!
За чью я не боролась честь?
Каких не добивалась целей?
И не припомнить и не счесть
Моих триумфов и дуэлей.

Случалось, справиться с врагом я не могла
Путем прямым. Ну что ж? Не скрою:
Борьбу решал порою
Удар из-за угла.
Изведав крови благородной,
Нашла я после вкус в крови простонародной.
Вот, подлинно, где был кровавый пир!
Как не сказать судьбе спасибо?
В те времена, едва где-либо
Поднимет ропот сельский мир,
Готов был скорый суд для обнаглевшей черни.
Без лишних слов и без прикрас
Справляла я тогда не раз
Кровавые обедни и вечерни:
„Вой, подлый род, стенай, реви!
Не шутки шутим мы и не играем в прятки!“
Купалась я тогда в крови
От острия до рукоятки!
Нам сердце закаляет гнев:
Остервенев,
Без всякой жалости я буйный сброд колола,
Колола...“—
„Эх, замолола!
Опомнись, матушка, ей-ей! Ты мелешь вздор,—
Ввязался тут со Шпагой в спор
Топор.—
Нашла хвалиться чем, старуха:
Рядилась в золото, в шелка,
Походом шла на мужика...
Ох, баба, баба-говоруха!
В одной тебе беда б не велика.
Да шла-то ведь в поход ты, чай, не без полка?
Вовек мужицкого тебе б не видеть брюха,
Когда б не эта рюха,
Слуга твой верный — штык,
Сосед твой по стене.
Вот с кем потолковать хотелося бы мне,—
Все — непутевый — он деревню так бездолит.
Ему — кто подвернись, хотя бы мать, отец,—
Приказано — конец:
Знай, колет!
А только, милая, все это до поры.

Дождемся мы конечной свалки.
Куются где-то топоры
Иной закалки.
Слышь? Топоры,— не палки.
Эх, в та-поры я сам, чай, здесь не улежу!
Смекай-ка, что я доложу
Тебе, дворянке, не в угоду:
Не только топора, что на колоду!
Ему крестьянский люд обязан всем добром,
И, коль на то пошло, скажу: лишь топором
Себе добудет он и счастье и свободу!"

1911

КУКУШКА

Кукушка,
Хвастливая болтушка,
Однажды, сидя на суку,
Перед собранием кукушечьим болтала
О чем попало,
Что ни взбрело в башку.
Сначала то да се, по общему примеру:
Врала, да знала меру.
Но под конец — поди ж ты! — соврала,
Что видела орла.
„Орла! Ведь выпадет же случай! —
Кукушки все тут в крик наперебой. —
Скажи ж скорей, каков орел собой?
Чать, туча тучей?!" —
„Ну, это — как кому,— хвастуньи был ответ, —
Особого в орле, пожалуй, мало.
По мне, так ничего в нем нет,
Чего бы нам недоставало:
Те ж когти, клюв и хвост,
Почти такой же рост,
Подобно нам, весь сер — и крылья и макушка...
Короче говоря,
Чтоб слов не тратить зря:
Орел — не более, как крупная кукушка!"

—

Так, оскорбляя прах бойца и гражданина,
Лгун некий пробовал на днях морочить свет,
Что, дескать, обсудить — так выйдет все едино
И разницы, мол, нет,
Что Герцен — что кадет.

<1912>

19 ФЕВРАЛЯ

Так повелось, такая мода,
Что в этот предвесенний день
Все говорят, кому не лень,
О воле русского народа.

И говорят нам и поют!
Но... почему ж все эти годы
Чем больше воли нам дают,
Тем больше жаждем мы — свободы?!

<1912>

ЗВЕЗДА

Почти каждый номер газеты „Звезда“ конфискуется.

Земная хроника

Ученым Энебо открыта близ созвездия Близнецов новая звезда.

Небесная хроника

Куда ни кинь, везде беда!
Прикосновенно стало небо!
Узнав, что некиим Энебо
Открыта новая звезда,
Вскипело грозное начальство:
„Еще *Звезда*! Ведь вот нахальство!
Ну, что ж тут долго толковать?
Конфисковать!!“

<1912>

„ТРИБУН“

Трибуна славного, любимца муз и граций,
Раз некий юноша спросил: „Скажи, Маклаций,
Что значит этот сон? Ты с некоторых пор
Такими стал не брезговать речами,
Что вчуже пожимать приходится плечами!
Недавно вынес суд строжайший приговор
Лихому вору. Ты ж, не устыдясь позора,
Так на суде стоял за вора,
Как будто сам ты вор?
Беру другой пример — совсем не для эффекта:
Известный взяточник-префект влетел под суд,
А ты уж тут как тут,
Готовый вызволить преступного префекта.
Не ты ль в защитники был позван богачом,
Чью знают все звериную натуру,
Кто, на врага напав из-за угла, всю шкуру
Содрал с него бичом?
Ты с этим палачом
Предстал перед судом, хваля и обеляя,
Сам знаешь, негодяя!
А между тем забыт тобой твой долг прямой —
Быть люду бедному защитой!
Ответь же, ритор знаменитый,
Скажи по совести и не кривя душой,
Кто для тебя всего дороже:
Почтивший ли тебя доверием народ
Иль всякий темный сброд,
Пред коим честный люд быть должен настороже?“
И юноше ответствовал трибун,
Любимец муз и граций,
Маклаций:
„Хотя ты очень юн,
Рассудка у тебя, пожалуй, все же хватит
Понять — да и дурак поймет! —
Что всех дороже тот,
Кто всех дороже платит“.

1912

* * *

Сгустился мрак. Толпятся тучи.
Ревет сердитый ураган.
Гром, хохот, шум, хаос созвучий...
За валом вал встает могучий,
Рокочет глухо океан.
Летит мой челн, в волнах ныряет...
Скользит... Над бездною повис...
Упал... Нырнул отважно вниз
И вверх опять стрелой взлетает!

... Не страшен бури злой порыв!
Взыграй, реви, простор безбрежный!
— Мой кроткий друг, мой ангел нежный,
Я слышу, слышу твой призыв!
Вперед, мой челн! Не рвитесь, снасти!
Мой зорок глаз! Сильна рука!
Стихии разъяренной власти —
Верь! — не отдамся я, пока
Звучит призыв твой, полный страсти,
И твой привет издалека.

1912

ЛЕНА

4 апреля 1912 года. Ленский расстрел рабочих.

Жена кормильца-мужа ждет,
Прижав к груди малюток деток.
— Не жди, не жди, он не придет:
Удар предательский был меток.
Он пал, но пал он не один:
Со скорбным, помертвелым взглядом
Твой старший, твой любимый сын
Упал с отцом убитым рядом.
Семья друзей вкруг них лежит,—
Зловещий холм на поле талом!
И кровь горячая бежит
Из тяжких ран потоком алым.
А солнце вешнее блестит!

И бог злодейства не осудит!
О братья! Проклят, проклят будет,
Кто этот страшный день забудет,
Кто эту кровь врагу простит!

1912

ГУМАННОСТЬ

С.-Петербургское Общество Призрения Животных сообщило Пермской Городской Управе, что вешать бродячих собак — не гуманно. Удобнее пользоваться специальным удушливым газом.

Из газет

„Барбос!“ — „Трезор!“ —
„Ты что же смотришь истуканом?
Собачник, вижу я, бежит сюда с арканом!“ —
„Шмыгнем-ка под забор!“
Шмыгнули,
Улепетнули
На чей-то задний двор
И продолжают разговор:
„Слыхал, Барбос, ты новость эту?
Намедни в мусоре я выудил газету,
Так в ней прочел я: дан по городам приказ,
Что вешать, мол, собак бродячих... не гуманно...
А дальше... как-то так... туманно:
Удушливый удобней, дескать, газ...“ —
„Туман — в твоей башке!.. Однакоже, как странно! —
Ворчит в ответ Барбос
Трезору. —
Ты, чай, слыхал про Лисий Нос?
Не дай господь попасть туда в ночную пору!
И все же это — пустяки.
Хоть я учен на медяки,
Газетки ведь и я читаю между прочим, —
Так слушай: у людей — какую богачи
На Ленских приисках пустили кровь рабочим!

Вот тут гуманность-то людскую и сличи:
Без виселиц, без газу,
А живота лишить сумели город сразу!"

—

Барбосу выводов подсказывать не будем.
Сказать по совести, не знаю я и сам,
Кому завидовать кто должен: люди — псам
Иль псы-бродяги — людям?

⟨1912⟩

* * *

Полна страданий наших чаша,
Слились в одно и кровь и пот.
Но не угасла сила наша:
Она растет, она растет!

Кошмарный сон — былые беды,
В лучах зари — грядущий бой.
Бойцы в предчувствии победы
Кипят отвагой молодой.

Пускай кипит слепая злоба,
Пускай грозит коварный враг.
Друзья, мы станем все до гроба
За правду — наш победный стяг!

1912

ГАЗЕТА

Конфискованы №№ 1 и 2
рабочей газеты „Правда".

„Слыхал?" — „Слыхал!" —
„Видал?" — „А не видал!" —
„Подумай: наша, брат, рабочая газетка...
Чай, жиру не придаст хозяйским-то горбам!" —
„Да... Кой-кому не по зубам
Конфетка.

А нам, гляди, как выйдет впрок!
Пойдем-ка-сь купим номерок".
Пошли, по переулкам рыщут,
Газету ищут.
„Тьфу! Будто черт газетчиков посмёл!" —
„Нашел газетчика, нашел!"
И впрямь нашел, судя по бляхе медной:
Стоит парнишка сам не свой,
Весь бледный.
„Газетку..." — „Братцы, все унес городовой!" —
„Ой, прах его возьми!.. Теперь хоть волком вой...
Ты шутишь, аль взаправду?!"

—

Нет, не шутил бедняк:
Под глазом у него синяк
За „Правду".

‹1912›

ПОРОДА

У барыни одной
Был пес породы странной
С какой-то кличкой иностранной.
Был он для барыни равно что сын родной:
День каждый собственной рукой
Она его ласкает, чешет, гладит;
Обмывши розовой водой,
И пудрит и помадит.
А если пес нагадит —
Приставлен был смотреть и убирать за ним
Мужик Аким.
Но под конец такое дело
Акиму надоело:
„Тьфу, — говорит, — уйду я к господам другим!
Без ропота, свободно
Труд каторжный снесу.
Готов служить кому угодно,
Хоть дьяволу, но только бы не псу!"

Так порешив на этом твердо,
Оставшись как-то с псом наедине,
Аким к нему: „Скажи ты мне,
Собачья морда,
С чего ты нос дерешь так гордо?
Ума не приложу:
За что я псу служу?
За что почет тебе, такому-то уроду?!“ —
„За что? — ответил пес, скрывая в сердце злость.—
За то, что ты — мужичья кость
И должен чтить мою высокую породу!“

—

Забыл Аким: „По роду и удел!“
Так ведь Аким — простонародье.
Но если я какого пса задел,
Простите, ваше благородье!

1912

СВАТОВСТВО

„Ну чем, скажи ты мне, сынок мой не жених?“ —
„Дочь у меня, чай, тож невеста
Не из худого теста!“
Вот были мужики! И не сошли ведь с места,
А дело слажено у них:
Едва ль не за вторым стаканом
Толкуют о приданом.
А только кулака, ей-ей, надул кулак:
Жених известный был плутяга и маклак
И бил в глаза фальшивым глянцем.
Невеста же, хотя и впрямь брала
И телом и румянцем,
Однакоже давно промеж парней слыла
Девицею... с „изъянцем“!

—

Слыхал я, что кадет стал нынче в женихах,
Что к „прогрессистке“ он заслал московских свах;
Не думайте, что сдуру или спьяна!

Купчиха хоть проста, да сдобна и румяна.
А что касается изъяна,
Девица — спору нет — с „грешком“,
Зато жених с „хорошим тоном“.
Так все покроется „законом“
И золотым мешком!

‹1912›

ДОМ

В шестиэтажном доме г. Торкачева, выходящем на Лиговскую, Разъезжую и Глазовую ул. и Скорняков пер., произошла катастрофа: обвалились своды, потолки и балки всех шести этажей. Утверждают, что обвал произошел вследствие того, что из экономии большая часть дома построена из старого кирпича.

„Новое время“, № 13056, 1912 г.

Знавал я дом:
От старости стоял, казалось, он с трудом
И ждал разрухи верной.
Хозяин в оны дни весьма любил пожить,
И расточительность его была безмерной,
А тут — пришлось тужить:
Дом — ни продать, ни заложить,
Жильцы — вразброд бежали,
А кредиторы — жали,
Грозили под конец судом.
Хозяин их молил: „Заминка, братцы, в малом.
В последний раз меня ссудите капиталом.
Когда я новый дом
Наместо старого построю,
Доходами с него я все долги покрою“.
Вранье не всякому вредит:
Хозяин получил кредит.
А чтоб вранье хоть чем загладить,
Он к дому старому почал подпорки ладить,
Подлицевал его немного кирпичом,
Кой-где скрепил подгнившие устои,

Переменил обои
И — смотрит богачом!
Дом — только б не было насчет нутра огласки, —
По виду ж — ничего: жить можно без опаски.
Тем временем пошла охота на жильцов:
Хозяин нанял молодцов,
Чтоб распускали слухи,
Что в „новом“ доме все с заморских образцов,
От притолок до изразцов;
Покои все светлы и сухи;
Жильцам — бесплатные услуги и дрова
И даже —
Живи в подвале, в бельэтаже —
Всем честь одна и та же
И равные права.
Порядков новых-де хозяин наш поборник:
Он для жильцов — всего послушный только дворник,
Хозяева ж — они. А что насчет цены,
Так дешевизне, впрямь, дивиться все должны.
Для люда бедного вернее нет привадки,
Как нагрузить ему посулами карман.
Хоть были голоса, вскрывавшие обман:
Снаружи, дескать, дом сырой, вчерашней кладки,
Внутри же — весь прогнил, —
На новые позарившись порядки,
Жилец валил!
Хозяин в бурное приходит восхищенье:
„Сарай-то мой, никак, жилое помещенье!“
Набит сарай битком
Не только барами, но и простым народом.
Трясет хозяин кошельком,
Сводя расход с приходом.
Как только ж удалося свесть
Ему концы с концами,
К расправе приступил он с черными жильцами:
Пора-де голытьбе и время знать и честь,
И, чтоб чинить свои прорехи и заплаты,
Ей след попроще бы искать себе палаты,
Не забираться во дворец.
Контрактов не было, так потому хитрец
Мог проявить хозяйский норов
И выгнать бедноту без дальних разговоров.

А чтобы во „дворец“ не лез простой народ,
Он рослых гайдуков поставил у ворот
И наказал швейцарам:
Давать проход лишь благородным барам,
Чинам, помещикам, заводчику, купцу
И рыхлотелому духовному лицу.

—

Слыхали? Кончилась затея с домом скверно:
Дом рухнул. Только я проверить не успел,
Не дом ли то другой, а наш покуда цел.
Что ж из того, что цел? Обвалится, наверно.

1912

ЛАПОТЬ И САПОГ

Через года полтора
Все уйдут на хутора.
Худо ль, лучше ль
будет жить,
А нет охоты выходить.

„Псковская жизнь“, 1911, № 557, „Деревенские частушки“.

Где в мире найдем мы пример, подобный русской аграрной реформе? Почему не могло бы совершиться нечто подобное и среди тружеников промышленного дела?

„Россия“, 17/VIII 1912 г.

Над переулочком стал дождик частый крапать.
Народ — кто по дворам, кто под навес бегом.
У заводских ворот столкнулся старый лапоть
С ободранным рабочим сапогом.
„Ну что, брат лапоть, как делишки?“ —
С соседом речь завел сапог.
„Не говори... Казнит меня за что-то бог:
Жена больна и голодны детишки...
И сам, как видишь, тощ,
Как хвощ...
Последние проели животишки...“ —
„Что так? Аль мир тебе не захотел помочь?“ —
„Не, мира не порочь.

Мир... он бы, чай, помог... Да мы-то не миряне!“ —
„Что ж? Лапти перешли в дворяне?“ —
„Ох, не шути...
Мы — хуторяне“. —
„Ахти!
На хутора пошел?! С ума ты, что ли, выжил?“ —
„Почти!
От опчества себя сам сдуру отчекрыжил!
Тупая голова осилить не могла,
Куда начальство клонит.
Какая речь была: „Вас, братцы, из села
Никто не гонит.
Да мир ведь — кабала! Давно понять пора:
Кто не пойдет на хутора,
Сам счастье проворонит.
Свое тягло
Не тяжело
И не надсадно,
Рукам — легко, душе — отрадно.
Рай, не житье: в мороз — тепло,
В жару — прохладно!“
Уж так-то выходило складно.
Спервоначалу нам беда и не в знатье.
Поверили. Изведали житье.
Ох, будь оно неладно!
Уж я те говорю... Уж я те говорю...
Такая жизнь пришла: заране гроб сколотишь!
Кажинный день себя, ослопину, корю.
Да что?! Пропало — не воротишь!
Теперя по местам по разным, брат, пойду
Похлопотать насчет способья“.
Взглянув на лапоть исподлобья,
Вздохнул сапог: „Эх-ма! Ты заслужил беду.
Полна еще изрядно сору
Твоя плетеная башка.
Судьба твоя как ни тяжка, —
Тяжеле будет, знай, раз нет в тебе „душка“
Насчет отпору.
Ты пригляделся бы хоть к нам,
К рабочим сапогам.
Один у каши, брат, загинет.

А вот на нас на всех пусть петлю кто накинет!
Уж сколько раз враги пытались толковать:
„Ох, эти сапоги! Их надо подковать!“
Пускай их говорят. А мы-то не горюем.
Один за одного мы — в воду и в огонь!
Попробуй-ка, нас тронь.
Мы повоюем!“

1912

КЛАРНЕТ И РОЖОК

Однажды летом
У речки, за селом, на мягком бережку
Случилось встретиться пастушьему рожку
С кларнетом.
„Здорово!“ — пропищал кларнет.
„Здорово, брат, — рожок в ответ, —
Здорово!
Как вижу — ты из городских...
Да не пойму: из бар аль из каких?“
„Вот это ново, —
Обиделся кларнет. — Глаза вперед протри,
Да лучше посмотри,
Чем задавать вопрос мне неуместный.
Кларнет я, музыкант известный.
Хоть, правда, голос мой с твоим немного схож,
Но я за свой талант в места какие вхож?!
Сказать вам, мужикам, и то войдете в страх вы.
А все скажу, не утаю:
Под музыку мою
Танцуют, батенька, порой князья и графы!
Вот ты свою игру с моей теперь сравни:
Ведь под твою — быки с коровами одни
Хвостами машут!“
„То так, — сказал рожок, — нам графы не сродни.
Одначе помяни:
Когда-нибудь они
Под музыку и под мою запляшут!“

1912

СВЕЧА

„Хозяин! Пантелей Ильич! Гляди-ко... Волга...
Взбесилась, видит бог. И потонуть недолго.
А не потонем — все равно
Водой промочит все зерно“.
Приказчик мечется, хлопочет,
А Пантелей Ильич, уставя в небо взор,
Дрожащим голосом бормочет:
„Святители! Разор!
Чины небесные, архангелы и власти!
Спасите от лихой напасти!
Я добрым делом отплачу...
Сведу в лампадах пуд елею...
Под первый праздничек свечу
Вот с эту мачту закачу...
И сотельной не пожалею!“
То слыша, говорит приказчик Пантелею:
„Ты это что ж, Ильич? Про мачту-то... всурьез?
Да где же ты свечу такую раздобудешь?“
„Молчи, дурак, — умнее будешь! —
Хозяин отвечал сквозь слез. —
Дай только вымолить скорей у неба жалость,
Чтоб я с моим добром остался невредим, —
А там насчет свечи мы после... поглядим...
Укоротим, пожалуй, малость!“

—

Читатель, за вопрос нескромный извини:
Скажи, ты помнишь ли те дни,
Когда везде толпы народа
Гудели, как шмели
У меда:
„Свобода!
Свобода!“
А дела до конца не довели.
На радостях, забыв о старом,
Обмякли перед вольным даром.
Читатель, если ты один из тех шмелей,
Сам на себя пеняй и сам себя жалей, —

А мне тебя не жаль. Польстившись на подарок,
Что заслужил, то получи:
Заместо сотенной свечи —
Копеечный огарок.

1913

ПРЕДПРАЗДНИЧНОЕ

Полиция не позволяла говорить за продолжение стачки и одного говорившего рабочего стащила за ногу с трибуны.

Из письма рабочего

Хозяин потчует под праздник батраков:
„Я, братцы, не таков,
Чтоб заговаривать вам зубы.
Судьбину вашу — кхе! — я чувствую вполне...
Кому по рюмочке?“ —
„Да что ж? Хотя бы мне“,—
Илья облизывает губы.
„Кто, други, по второй?“—
„Да я ж и по второй!“ —
„Ребята! Аль к вину мне подгонять вас плетью?
Ну, кто по третьей? А?.. Раздуло б вас горой...“—
„Да я ж!—кряхтит Илья.—Как третью, так и третью“.—
„А как же с праздничком?.. Пропащий, значит,
день?..
Аль потрудились бы... кому из вас не лень“, —
Вздохнув умильно, речь повел хозяин снова.
„Что ж, братцы, — батракам тут подмигнул Илья, —
Все я да я!
А вы — ни слова!“

—

Нет, не совсем-то так. Ответ, я знаю, был,
Ответ такой, что наш хозяин взвыл.
И я бы повторить его непрочь, ей-богу,
Но... кто-то дергает за ногу!

‹1913›

КЛОП

Жил-был на свете клоп. И жил мужик Панкрат.
Вот как-то довелось им встретиться случайно.
Клоп рад был встрече чрезвычайно,
Панкрат — не слишком рад.
А надо вам сказать: судьба свела их вместе —
Не помню точно, где,
Не то в суде,
Не то в присутственном каком-то важном месте.
Кругом — чины да знать. Нарядная толпа
Изнемогает в кривотолках.
Панкрат и без того сидел как на иголках, —
А тут нелегкая несет еще клопа!
Взобравшись ловко по обоям
К Панкрату на рукав, клоп этаким героем
Уселся на руку и шарит хоботком.
От злости наш Панкрат позеленел весь даже:
„Ах, черт, и ты туда же,
Кормиться мужиком!“ —
И со всего размаху
Хлоп дядя по клопу свободною рукой.
Мир праху
И вечный упокой!

—

Читатель, отзовись: не помер ты со страху?
А я — ни жив, ни мертв. Наморщив потный лоб,
Сижу, ужасною догадкой потрясенный:
Ну что, как этот клоп —
Казенный?

1913

ПАУК, МУХА И ПЧЕЛА

„Одно движение! Один хотя бы звук!
Что с вами, господин паук?
Изволите терпеть лихую голодуху? —
Набравшись как-то духу,
Спросила муха паука...
Издалека. —
Быть может, вы больны? Иль, может, вы оглохли?

Обложка первой книги Д. Бедного. 1913 г.

Иль гордость ваша такова,
Что вы скупитесь на слова,
Иль, извините, вы... издохли?
Как жаль! Я вам словечка два
Таких сказать хотела
(Тут муха ближе подлетела), —
Словечка два таких, что сразу прочный мост
Меж нами был бы перекинут.
Подумайте: от вас так часто мухи гинут,
А все-таки знавать приходится вам пост.
Меж тем, хоть мы враги, — сказать нелицемерно! —
Мы с вами бой вести могли бы планомерно.
Ни вы, ни мы в борьбу не лезли б напролом.
Весь спор наш принял бы культурную личину".
Увлекшись, муха тут крылом
Задела паутину.
И в тот же миг стрелой
Паук напал на муху:
„Поговори теперь со мной
Про голодуху!"
Все это видела рабочая пчела.
„Эх, муха, чтоб тебя! Ты сдуру начала
Свою нелепую затею!
С какими планами ты лезла к лиходею?
У паука в уме всегда одно лежит..." —
„Ох, знаю, что лежит!.. Ох! — муха чуть жужжит. —
Ох, пчелка, холодею!..
А план был... все-таки хорош!.."
Погибла муха за идею,
Цена которой — грош.

1913

ХОЗЯИН

Заводчик с книжечкой застал однажды внука:
„А ну-ка, миленький, а ну-ка,
Что говорит твоя хваленая наука?" —
„Да вот... рассказ про паука".
„Ась? — екнуло у старика. —
Паук?.. Ну что же он, к примеру?" —

„Вишь, сам-от мал, а ест не в меру.
Добро, что нет средь пауков
В рост человечий великанов:
Такой паук бы съел в день дюжину быков
И дюжину баранов“.
„Ух! — захлебнулся старичок. —
Ай, божья тварь! Ай, паучок!
Приноровился б, чай, подлец, да наловчился,
Уж то-то бы... хозяин получился“.

1913

„ГАЗЕТА-КОПЕЙКА“

Содержание №-ра

Билет
Варшавской лотереи,
Жилет,
Лакейских две ливреи,
Чулки,
Бумажные ботинки,
Брелки,
Секретные картинки,
„Эффект“ —
Мазь для особых целей,
Комплект
Резиновых изделий,
Одна
Продажная идейка.
Цена
За весь товар — копейка!

<1913>

ЕРШИ И ВЬЮНЫ

Слоняяся без дела,
В реке, средь камышей,
Компания вьюнов случайно налетела
На общий сбор ершей.
(„Случайно“, говорю, — а может, „не случайно“?)

Ерши решали тайно,
Как им со щукою вести дальнейший бой,
Каких товарищей избрать в Совет ершиный
Для руководства всей борьбой
И управления общиной.
Достойных выбрали.—„Все любы вам, аль нет?“ —
„Все любы!“—„Все!“—
„Проголосуем“. —
„Согласны, что и подписуем“.—
„Позвольте! Как же так? Уж утвержден Совет?—
Пищит какой-то вьюн.—Да я ж не подписался!“—
„Ты к нам откуда притесался?—
Кричат ерши. —
Не шебарши!“ —
„Чего — не шебарши? Вьюны, чай, тоже рыбы.
Вы на собрание и нас позвать могли бы.
Есть промеж нас, вьюнов, почище вас умы.
Со щукой боремся и мы“. —
„Вы?“— „Чем напрасно горячиться
Да подыматься на дыбы,
Вам у вьюнов бы поучиться
Культурным способам борьбы“. —
„Каким?“—„Сноровке и терпенью.
Уметь мелькнуть неслышной тенью,
Где попросить, где погрозить,
Где аргументом поразить, —
Зря не казать своих колючек:
Колючки — это уж старо!“—
„Постой! Наплел ты закорючек.
Да у вьюнов-то есть перо?“ —
„Есть“. — Без колючек всё?“ —
„Вестимо“. —
„Тогда... плывите, братцы, мимо!“

1913

ДРУЗЬЯМ

Восходит день... И как там дальше?
Не мастер я по части од,
Не выношу нарядной фальши,
Хотя б и с маркою свобод.

У одописцев — ну их к богу! —
Рассудок с сердцем не в ладу.
Авось без вымыслов дорогу
Я к сердцу вашему найду,
И вряд ли кто меня осудит
И горький мне пошлет упрек,
Не говорю я: „Дня не будет“,
Но говорю, что „день далек“.

Утешен сказкою обманной
Тот, кто свободу жадно „ждет“.
Она — увы! — небесной манной
Сама собой не упадет.
Все, кто, в тоске о сроке скором,
Готов проклятья слать судьбе,
Все обратитеся с укором
К самим себе — к самим себе.
Вы, вы творцы свободной доли,
„Судьбу“ куете вы одни,
От ваших сил и вашей воли
Зависят сроки все и дни.
От вас зависит: пить отраву
Иль гнать трусливую ораву
Тех, кто лукаво вам твердит:
„Порыв несдержанный вредит,
А полегоньку, понемножку
Мы — глядь — и выйдем на дорожку“.

Да, говорю я, день далек,
Но пусть не робкий уголек,
Пусть ваше слово будет — пламя
Огня, горящего в груди;
Пусть, развернувшись, ваше знамя
Зареет гордо впереди;
Пусть гневом вспыхнут ваши очи
И с лиц сойдет унынья тень, —
Тогда скажу я: „Нет уж ночи,
Восходит день!..“

1913

И ТАМ И ТУТ

Химический анализ мази показал, что она не содержит никаких ядовитых веществ, за исключением свинца.

Из речи Литвинова-Фалинского

Умер рабочий завода „Вулкан“ Андреев, застреленный городовым во время демонстрации.

Из газет

На фабрике — отрава,
На улице — расправа,
И там свинец и тут свинец...
Один конец!

1914

МАЙ

Подмяв под голову пеньку,
Рад первомайскому деньку,
Батрак Лука дремал на солнцепеке.
„Лука,— будил его хозяин,— а Лука!
Ты что ж? Всерьез? Аль так, валяешь дурака?
С чего те вздумалось валяться, лежебоке?
Ну, полежал, и будет. Ась?
Молчишь. Оглох ты, что ли?
Ой, парень, взял себе ты, вижу, много воли.
Ты думаешь, что я не подглядел вчерась,
Какую прятал ты листовку?
Опять из города! Опять про забастовку?
Все голь фабричная... У, распроклятый сброд...
Деревня им нужна... Мутить простой народ...
„Ма-ев-ка!“ Знаем мы маевку.
За что я к Пасхе-то купил тебе поддевку?
За что?.. Эх, брат Лука!..
Эх, милый, не дури... Одумайся... пока...
Добром прошу... Потом уже не жди поблажки...
Попробуешь, скотина, каталажки!
До стражника подать рукой!..“
Тут что-то сделалось с Лукой.

Вскочил, побагровел. Глаза горят, как свечи.
„Хозяин! — вымолвил. — Запомни... этот... май!.. —
И, сжавши кулаки и разминая плечи,
Прибавил яростно: — Слышь? Лучше не замай!!“

1914

EVET EFFENDIM[1]

Басня

В свободной Турции, в счастливом вилайете
Был Представительный Совет,
И председателем в Совете
Был... был... Каких лишь нет
Имен на свете:
И вспомнить сразу-то нельзя!
Не то Абу-, не то Али-Родзя!
Персоной, как-никак, считаяся большою,
Он, тем не менее, перед любым пашою
И особливо пред вали
Едва не падал до земли.
Но заглянули б вы в Совет — клянусь Аллахом! —
Здесь выглядел Али
По меньшей мере падишахом:
Всем, грудью кто стоял за трудовой народ,
Умел закрыть он рот:
„Что?.. Власть грабителей?.. Что?! Райя встать готова?!
Лишаю слова!!“
Но вслед за первым храбрецом
Шли новые бойцы за черный люд, — и снова
С перекосившимся лицом
Али вопил: „Лишаю слова!!“
Порой же, действуя и круче и скорей,
Он очищал Совет совсем от „бунтарей“.
Оставшись с теми, с кем он был в общеньях тесных,
Зане они себя вели, — ах, как вели! —
Восторженно глаза закатывал Али:
„Как хорошо средь... бессловесных!!“

‹1914›

---

[1] Evet effendim — „Да, господин!“ — турецкое юмористическое прозвище, данное тем депутатам, которые покорно одобряют всякое действие правительства.

1914—1917

БАСНИ ЭЗОПА

БРАК БОГОВ

Когда, среди богинь метнувши жребий, боги
Вводили жен в свои небесные чертоги,
Суровый бог войны, омытый весь в крови,
Взял в жены чуждую отраде материнства
Богиню грабежа и гнусного бесчинства.
Восторгов неземных и знойных чар любви
Неиссякаемый родник найдя в богине,
Бог неразлучен с ней поныне.
С тех пор, однако, для страны,
Охваченной огнем кровавого пожара,
Изнемогающей от вражьего удара,
Не так ужасен бог войны,
Как подвиги его божественной жены.

1914

ВОЛК И ЛЕВ

У Волка Лев отбил овцу.
„Грабеж! Разбой! —
Волк поднял вой.—
Так вот какой ты есть защитник угнетенных!
Так вот изнанка какова
Твоих желаний затаенных!
Вот как ты свято стал чужие чтить права!
Пусть льстит тебе низкопоклонник,
А я... Когда при мне нарушил царь закон,
Я, не боясь, скажу, что он

Из беззаконников — первейший беззаконник!
Но, царь, есть божий суд! Есть справедливый гнев!..“
„Брось! — усмехнулся Лев.—
Все это без тебя мне хорошо известно,
Как не в секрет и волчий нрав.
В своих упреках ты, конечно, был бы прав,
Когда бы сам овцу добыл ты честно!“

‹1915›

ВОЛК И ОВЦА

Волк тяжко занемог:
Почти лишившись ног,
Лежал он, как колода,
Без ласки, без ухода.
В такой беде, увидевши Овцу,
Взмолился Волк:
„Роднулечка Овечка,
Остановись на два словечка!
Ты видишь: жизнь моя приблизилась к концу.
Ах, знаю, я — злодей, и нет мне оправданья!
Но злость ко мне растет пусть в ком-нибудь другом,
А ты, ты сжалишься в порыве состраданья
Над умирающим врагом!
Предсмертной жаждою томимый нестерпимо,
Святая, кроткая, я об одном молю:
Помочь мне доползти к реке, текущей мимо,
Где я жестокие страданья утолю!“
„Ужель,— Овца в ответ,— я сделаюсь виною
Того, чтоб ты остался жив,
Себя водою освежив
И закусивши после... мною?“

‹1915›

КОЛЕСО И КОНЬ

В телеге колесо прежалобно скрипело.
„Друг,— выбившись из сил,
Конь с удивлением спросил,—
В чем дело?

Что значит жалоба твоя?
Всю тяжесть ведь везешь не ты, а я!“

—

Иной с устало-скорбным ликом,
Злым честолюбьем одержим,
Скрипит о подвиге великом,
Хвалясь усердием... чужим.

‹1915›

ПЛАКАЛЬЩИЦЫ

Лишившись дочери любимой, Антигоны,
Богач Филон, как должно богачу
(Не скареду, я то сказать хочу),
Устроил пышные на редкость похороны.
„О матушка, скажи, как это понимать? —
В смущеньи молвила сквозь слезы дочь вторая,—
Сестре-покойнице ужели не сестра я,
И ты — не мать,
Что убиваться так по ней мы не умеем,
Как эти женщины, чужие нам обеим?
Их скорбь так велика
И горе — очевидно,
Что мне становится обидно:
Зачем они сюда пришли издалека
При нас оплакивать им чуждую утрату?“
„Никак,— вздохнула мать,— ты, дочь моя, слепа?
Ведь это — плакальщиц наемная толпа,
Чьи слезы куплены за дорогую плату!“

—

В годину тяжких бед умейте отличать
Скорбь тех, кто иль привык иль вынужден молчать,
От диких выкриков и воплей неуемных
Кликуш озлобленных и плакальщиц наемных!

1916

—

„ПРЕДУСМОТРЕННЫЕ“

За 1914 год министерство внутренних дел получило от штрафов и административных взысканий 1 186 274 р. Печать дала 194 760 р. По смете на 1916 г. предполагается получить штрафов 1 200 000 р.

Много, много их, „злодеев“:
Сам М. Горький, Л. Андреев,
Короленко,— кто еще там?—
Все стоят под „общим счетом“
В черной рубрике прихода
„Сметы будущего года“.
И пигмеи и гиганты,
Все грядущие таланты,
С новизною, с левизною,
„Предусмотрены казною“.
Плод святого озаренья,
Гениальные творенья,
Коих нет еще и в плане,
„Предусмотрены заране“.
Публицист, в статье задорной
Ты идешь дорогой торной!
Я, сатирик, в басне, в сказке
Подчинен чужой указке
И живу на белом свете—
„Предусмотренный по смете“!

‹1915›

ЗАКОН И „ПРАВДА“

По распоряжению судебных установлений отменен арест на 18 и 19 №№ газеты „Правда“ за 1913 г.

„День“, 20 ноября 1915 г.

На белом свете „Правда“
Жила во время оно.
Была на свете „Правда“,
Но не было Закона.
И вот Закон обрелся,

Но... что ж мы видим ныне!
Закон-то есть, да „Правды“
Давно уж нет в помине!

‹1915›

СТРОКИ

Люблю грозу в начале мая.
Ф. Тютчев

Люблю „читать“ газеты ныне:
За белой полосой белеет полоса.
Идешь-бредешь, как по пустыне,
И вдруг — о чудеса! —
Оазис, кажущийся раем:
„Три пальмы“ — три строки. О чем их „шум“, бог весть.
Какой-то смысл в них, верно, есть,
Хоть мною он непостигаем!
Но, может, предо мной лишь сладостный мираж:
Где строки — все пустыня та ж,
Немое, выжженное поле?
Ах, все равно! Так хорошо порой
Подумать, помечтать на воле,
Представить строк иных живой и плотный строй
О вешней зелени, о буре,
Сносящей все, над чем повис нещадный рок...
Читаю я и знаю: этих строк
Не выжечь ни одной цензуре!

‹1915›

ДЕЛО ХОЗЯЙСКОЕ

Два добрых друга, два коня,
Корнеев конь да конь Вавилы,
Вели беседу у плетня:
„Ну как дела, товарищ милый?“ —
„Да что! Скорей бы до могилы!
Хозяин лютый у меня:
То недокормит, то отлупит...“ —

„Ох, мой хозяин твоему,
Пожалуй, тоже не уступит!
Впрямь — не хозяин, а напасть!“
Ан в этот миг хозяин — шасть!
И ну стегать кнутом Пегашку:
„Ты с кем шептаться взял замашку?“ —
„Как с кем? С товарищем!“ —
„Вот на!
Да он Вавилы конь?“ —
„Вавилы!“ —
„Так у меня же, в бок те вилы,
Давно с Вавилою война!“

‹1916›

ТОФУТА МУДРЫЙ

В далеком-предалеком царстве,
В ненашем государстве,
За тридевять земель
Отсель,
Средь подданных царя мудрейшего Тофуты
Случилось что-то вроде смуты.
„Разбой! — кричали все.— Грабеж!“
Шли всюду суды-пересуды:
Порядки, дескать, в царстве худы,
Насилья много от вельмож!
Одначе
Хоть бунтовали все, но в общей суете
Верх брали те,
Кто посильней да побогаче:
„Чем лезть нам, братцы, напролом,
Нарядимте послов — Тофуте бить челом;
Проведавши от них о нашей злой обиде,
Царь нас рассудит в лучшем виде“.
Но — то ли сам дошел, то ль, расхрабрясь от слов
Вельможи главного, злодея Протоплута,
Не допустил к себе послов
Мудрейший царь Тофута:
„Нелепо,— молвил он,— мне слушать их, зане
Все, что известно им, известно также мне.

А ежли что мне неизвестно,
О том им толковать подавно неуместно!"
Но черный люд не сдал: боролся до конца,
Пока не выкурил Тофуту из дворца.
И что же? Не прошло, поверите ль, минуты,
Как власть, отбитую народом у Тофуты,
Присвоили себе все те же богачи,
Да так скрутили всех, хоть караул кричи,
У бедных стали так выматывать все жилы,
Как „не запомнят старожилы".
Пошел в народе разговор:
„Попали мы впросак!" —
„Того ль душа хотела?" —
„Эх, не доделали мы дела!" —
„От богачей-то нам, гляди, какой разор!"
Потолковали,
Погоревали —
И богачей смели, как сор.
Жизнь сразу вышла на простор!
Я в этом царстве жил недавно.
И до чего живут там славно,
На свой особенный манер!
Как это все у них устроено на месте,—
В *коммунистическом* прочтете *манифесте*.

1917, март

* * *

„Твердыня власти роковой"
А. С. Пушкин (о Петропавловской крепости)

„Власть" тосковала по „твердыне",
„Твердыня" плакала по „власти".
К довольству общему, отныне
В одно слилися обе части.
Всяк справедливостью утешен:
„Власть" в подходящей обстановке.
Какое зрелище: повешен
Палач на собственной веревке!

5 марта 1917 г.

„ПЕТЕЛЬКИ“

Ка-дет дрожит, как в бурю лист,
Ка-дет наводит новый глянец:
Вчера лишь был он монархист,
Сегодня он „республиканец“.
Ка-деты — сколько там „голов“!
Каких от них не слышишь слов!
Посовещались полнедельки,
В программе краску навели,
Тут поскребли, там подмели...
А как коснулося земельки —
Давай выкручивать петельки!

5 апреля 1917 г.

ЗА ЖИВОЕ

Со всех сторон на нас поход:
Слились буржуи в злобном вое.

Пусть знает трудовой народ,
Что всех насильников-господ
Задела „Правда“ за живое!

1917

НАРОДНАЯ ПРИМЕТА

В чем сказалась перемена
Нам со строем новым? —
В дружбе сэра Бьюкенена
С сэром Милюковым.
Где один нас приутюжит,
Там другой пригладит.
А народ сидит да тужит:
„Англичанка гадит!“

16 апреля 1917 г.

УКРЕПЛЯЙТЕ „ПРАВДУ“!

Товарищи, мы видели вчера:
В перчатках лайковых кадеты,
Офицера и юнкера
По Невскому возили эстафеты

О том, что сократить рабочих всех пора!
Цилиндры, котелки, каракули-жакеты,
Собольи муфты и боа...
Все дармоеды-„буржуа“,
Герои кабаков шикарных и панелей,
Как тараканы, вдруг
Повылезли из щелей,
Куда недавно их загнал тупой испуг.
Кость барская, изъеденная злостью,
Рискнула в бой вступить с рабочей крепкой костью,
И поддержать господ весь черный стан готов.
Сошлись — не различить: банкир, помещик,
поп ли —
Из гнилозубых ртов
Несутся яростные вопли!

—

Товарищи, что невская панель,
Что буржуазная газета, —
Какого цвета?
Один их желтый цвет, одна их злая цель.
Товарищи, когда, дав волю блудословью,
В желаньи затопить весь мир рабочей кровью,
Клевещет бешено продажная печать,
Мы не должны молчать!
На весь господский бред помойный,
На клеветнический их вздор
Должны мы каждый раз давать ответ достойный,
Врагом заслуженный отпор.
Так укрепляйте же, друзья, трибуну вашу.
Чтоб „Правду“ поддержать, пусть круговую чашу
Наполнит до краев товарищеский сбор!

—

Пишу, ей-богу, на бегу.
Сказать бы лучше — сердце радо.
Но... было б сказано что надо.
Хоть малость, как-нибудь, но делу помогу!

6 мая (23 апр. ст. ст.) 1917 г.

МОЙ СТИХ

Пою. Но разве я „пою“?
Мой голос огрубел в бою,
И стих мой... блеску нет в его простом наряде.
Не на сверкающей эстраде
Пред „чистой публикой“, восторженно-немой,
И не под скрипок стон чарующе-напевный
Я возвышаю голос мой —
Глухой, надтреснутый, насмешливый и гневный.
Наследья тяжкого неся проклятый груз,
Я не служитель муз:
Мой твердый, четкий стих — мой подвиг ежедневный.
Родной народ, страдалец трудовой,
Мне важен суд лишь твой,
Ты мне один судья прямой, нелицемерный,
Ты, чьих надежд и дум я — выразитель верный,
Ты, темных чьих углов я — „пес сторожевой“!

〈1917, сентябрь〉

СОЦИАЛ-ЗАИКИ

Отец, как водится, был злостным воротилой,
Но не таков
Обычай нынче у сынков:
Там, где им взять нельзя ни окриком, ни силой,
Они берут улыбкой милой
И ласковым словцом.

—

Встречаться мне пришлось в деревне с молодцом.
Шла про него молва в народе:
„Михал Иваныч-то!.. Богач, помещик вроде, —
Какая разница, меж тем, гляди, с отцом.
Как распинается за бедноту на сходе!
„Мы, братцы, — грит, — одна семья...
Как, значит, вы да, значит, я...“ —
Не разобрать хотя, что „значит“, —
Заика, видишь ли, с суконным языком!
Но видно, что скорбит: в грудь тычет кулаком
И горько плачет!
Бог с ним, что не речист: была бы голова!“ —
Такая шла молва.

И никому-то мысль в башку не приходила,
Что сын пошел в отца: такой же воротила,
Да только что дела ведет на лад иной.
Где? — За народною спиной.
Сойдутся, снюхавшись, добряк Михал Иваныч
Да черт Степаныч,
Мошна с мошной,
Да толковать почнут, кого где можно скушать.
Вот тут бы нашего заику и послушать:
Скупой сначала на слова,
Кряхтит он, охает, вздыхает... Но едва
Запахнет жареною коркой,
Заика речь ведет — что чистый жемчуг льет,
Не говорит, подлец: поет!
Не как-нибудь: скороговоркой!

—

Друзья! Скажу вам напрямик:
Держитесь за сто верст от „социал-заик“,
Их развелася нынче стая.
Но распознать их — вещь простая.
Высоких нот они — зарежьте — не берут.
А и затянут, так соврут.
С доподлинным борцом блистая внешним
сходством,
Иной из этаких господ юлит-юлит.
Но вы узнаете, где у него болит,
Когда он заскулит с поддельным благородством:
„Тов...арищи! В борь...бе все ль
средства... хор...оши?
Ну... ну... к чему... н...алог на
б...ары...ары...ши?
И... и... з...ачем контр...оль... н...ад
пр...оиз...оиз...водством?!“
А дальше уж пошло: „Ваш разум затемнен,
И разгорелись ваши страсти;
Рабочим — надо ждать, а до иных времен,
Пока там что, должны буржуи встать у власти“,
Что „пролетариев другие ждут дела“...

—

А ждет „хозяйская“, конечно, кабала!

1917, <сентябрь>

СТРАДАНИЯ СЛЕДОВАТЕЛЯ ПО КОРНИЛОВСКОМУ (ТОЛЬКО ЛИ?) ДЕЛУ

Песня

Ты не спрашивай,
Не выпытывай.

Из народной песни

Ох, сложу-сложу
Полномочия.
Не допрос пишу, —
Многоточия!
Положеньице
Невылазное,
И в башку бредет
Несуразное:
То корнилится,
То мне керится,
Будет вправду ль суд, —
Мне не верится.

7 октября (24 сентября) 1917 г.

1917—1920

ПОСЛЕВЫБОРНЫЙ АСТРОНОМИЧЕСКИЙ БЮЛЛЕТЕНЬ

Большевистская звезда
Ярким светом светит.
В чистом небе без труда
Всяк ее заметит.

Словно выцветший плакат,
Звездочка кадета:
Повернула на закат
Мертвая планета.

Смотрит горестно эсэр
На свою комету:
„Был весной какой размер,
Нынче — трети нету!“

Меньшевик клянет судьбу
Очень уж обидно:
„И в подзорную трубу
Ничего не видно!“

30 ноября (17 ноября ст. ст.) 1917 г.

ПТИЦЕЛОВЫ

Весною некий птицелов
Ловил перепелов:
Лежал в траве густой часами,
На сети на свои глядел издалека, —
Перепела ж ловились сами.

Была ли на сетях приманка велика?
Да ровно никакой! Доверчиво и смело
Шли птицы на привычный зов:
Обманщик ловкий, птицелов
Перепелиный бой подделывал умело!

—

Как много в наши дни вот этаких ловцов
Средь политического поля!
„Земля и воля!"
„Земля и воля!"
„Права!" — „Порядок!" — „Хлеб!" —
Свистят со всех концов.
Кто верит всякому „на вид — социалисту",
Те уподобятся легко перепелам.
Друзья, судите не по свисту,
А по делам!

1917

ПЛОХОЕ УТЕШЕНИЕ

Оренбургское войсковое правительство энергично готовится к борьбе с большевиками.
Атаманом *Дутовым* стягиваются все мобилизованные казаки, причем концентрация казачьих войск происходит в направлении Царицына, Кинели и Астрахани.

„Нов. луч", 8 дек.

„Нет Каледина! Авось
Поякшаемся мы с *Дутовым!*"
Меньшевик, надежды брось:
Дутов станет *Подведутовым!*
Вот, как пить дать, подведет!
Кто осилит рать свободную?
Трудовой казак нейдет
На измену всенародную!

<1917, декабрь>

У ГОСПОД НА ЕЛКЕ

Помню — господи, прости!
Как давно все было! —
Парень лет пяти-шести,
Я попал под мыло.

Мать с утра меня скребла,
Плача втихомолку,
А под вечер повела
„К господам на елку“.

По снежку на черный ход
Пробрались искусно.
В теплой кухне у господ
Пахнет очень вкусно.

Тетка Фекла у плиты
На хозяев злится:
„Дали к празднику, скоты,
Три аршина ситца!

Обносилась, что мешок:
Ни к гостям, ни к храму.
Груне дали фартушок —
Не прикроешь сраму!“

Груня фыркнула в ладонь,
Фартушком тряхнула.
„Ну и девка же: огонь! —
Тетушка вздохнула, —

Все гульба нейдет с ума —
Нагуляет лихо!
Ой, никак, идет „сама“!
В кухне стало тихо.

Мать рукою провела
У меня под носом.
В кухню барыня вошла, —
К матери с вопросом:

„Здравствуй, Катя! Ты — с сынком?
Муж, чай, рад получке?“
В спину мать меня пинком:
„Приложися к ручке!“

Сзади шум. Бегут, кричат:
„В кухне — мужичонок!“
Эвон сколько их, барчат:
Мальчиков, девчонок!

„Позовем его за стол!“ —
„Что ты, что ты, Пепка!“
Я за материн подол
Уцепился крепко.

Запросившися домой,
Задал реву сразу.
„Дём, нишкни! Дурак прямой,
То ль попорчен с глазу“.

Кто-то тут успел принесть
Пряник и игрушку:
„Это пряник. Можно есть“. —
„На, бери хлопушку“. —

„Вот — растите дикарей:
Не проронит слова!..
Дети, в залу! Марш скорей!“
В кухне тихо снова.

Фекла злится: „Каково?
Дали тож... гостинца!..
На мальца глядят как: во!
Словно из зверинца!“

Груня шепчет: „Дём, а Дём!
Напечем-наварим,
Завтра с Феклой — жди — придем.
То-то уж задарим!“

Попрощались и — домой.
Дома — пахнет водкой.

Два отца — чужой и мой —
Пьют за загородкой.

Спать мешает до утра
Пьяное соседство.
Незабвенная пора,
Золотое детство!

<1917, декабрь>

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ МАРСЕЛЬЕЗА

Мы — пожара всемирного пламя,
Молот, сбивший оковы с раба.
Коммунизм — наше красное знамя,
И священный наш лозунг — борьба.
Против гадов, охрипших от воя,
Пожиравших все наши труды,
Для последнего страшного боя
Мы сомкнем трудовые ряды.

Кто честен и смел, пусть оружье берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть, иль победа.
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

Наших братьев погибших мильоны,
Матерей обездоленных плач,
Бедняков искалеченных стоны —
Скажут нам, где укрылся палач.
Пусть же знает, укрывшись в палаты,
Кто служил золотому тельцу,
Что настал час жестокой расплаты
Кулаку и банкиру-дельцу.

Кто честен и смел, пусть оружье берет и т. д.

Всем насильникам воли народной,
Всем кормившимся нашим трудом,
Всем, кому был статьею доходной
И завод и молитвенный дом,

Всем, чьих прибылей ради разбойных
Наша кровь и текла и течет,—
Умиравшие, гнившие в войнах,
Неоплатный предъявим мы счет.

(Припев)

Нам грозят еще гнусные гады.
Но уж пробил последний их час,
И не будет в бою им пощады,
Им, не знавшим пощады для нас.
Пусть не знают бойцы состраданья,
Чтобы враг обмануть нас не мог.
На развалинах старого зданья
Возведем мы наш светлый чертог.

(Припев)

Никакая на свете работа
Для мозолистых рук не страшна.
Но ничья от народного пота
Не разбухнет уж больше мошна.
Хищный плут будет жадничать втуне,
Не набьет он своих сундуков.
В трудовой пролетарской коммуне
Нет богатых и нет бедняков!

(Припев)

Против общего злого вампира,
Против шайки попов и господ
Встаньте, все пролетарии мира,
Обездоленный черный народ!
Встаньте, рыцари нового строя!
Встаньте, дети великой нужды,
Для последнего страшного боя
Трудовые смыкайте ряды!

Кто честен и смел, пусть оружье берет,
Свергай кабалу мироеда!
Нас ждет или смерть, иль победа.
Вперед, вперед, вперед, вперед, вперед!

1918

РЕВОЛЮЦИОННЫЙ ГУДОК

Глубокою ночью воздух морозный
Прорезал призыв твой тревожный и грозный:
„Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!“

Твой голос, стозвучным подхваченный гудом,
Звучал, как набат, над трудящимся людом:
„Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Насильник стоит у ворот!“

Твой клич повторил пролетарий всесветный,
Доносится к нам его голос ответный:
„Проклятье злодеям, творящим разбой!
К оружью, народ трудовой!“

Услышав твою боевую тревогу,
К нам рать трудовая спешит на подмогу,
И, слыша ее сокрушительный шаг,
Трепещет зарвавшийся враг.

Священные храмы *труда* и *свободы,*
Застыли в суровом молчаньи заводы,
Проходят пред ними в щетине штыков
Ряды пролетарских полков.

Гуди же, гудок! Всему миру поведай,
Что все мы умрем иль вернемся с победой!
„Вставай, поднимайся, рабочий народ!
Смертельный твой враг — у ворот!“

1918

РАБОТНИЦЕ

Язык мой груб. Душа сурова.
Но в час, когда так боль остра,
Нет для меня нежнее слова,
Чем ты — „работница-сестра“,

Когда казалось временами,
Что силе вражьей нет числа,
С какой отвагой перед нами
Ты знамя красное несла!

Когда в былые дни печали
У нас клонилась голова,
Какою верою звучали
Твои бодрящие слова!

Пред испытанья горькой мерой
И местью, реющей вдали,
Молю, сестра: твоею верой
Нас подними и исцели!

〈1918〉

МАЯК

Мой ум — мужицкой складки,
Привыкший с ранних лет брести путем угадки.
Осилив груды книг, пройдя все ранги школ,
Он все ж не приобрел ни гибкости, ни лоска:
Стрелой не режет он воды, как миноноска,
Но ломит толстый лед, как грузный ледокол.
И были для него нужны не дни, а годы,
Чтоб выровнять мой путь по маяку Свободы.

Избрав, я твердо знал, в какой иду я порт,
И все ненужное, что было мне когда-то
И дорого и свято,
Как обветшалый хлам, я выбросил за борт.
Душа полна решимости холодной —
Иль победить, иль умереть свободной.
Все взвешено. Пути иного нет.
Горят огни на маяке Свободы.
Привет вам, братья, с кем делю я все невзгоды!
Привет!

1918

„ХРИСТОС ВОСКРЕСЕ“

У батюшки Ипата
Водилися деньжата.
Конечно, дива тут особенного нет:
Поп намолил себе монет!
Однакоже, когда забыли люди бога
И стали сундуки трясти у богачей,
Взяла попа тревога:
„Откроют, ироды, ларек мой без ключей!“
Решив добро свое припрятать повернее,
Поп, выбрав ночку потемнее,
Перетащил с деньгами ларь
В алтарь
И надпись на ларе искусно вывел мелом:
„Сей ларь — съ Христовымъ тѣломъ“.
Но хитрый пономарь,
Пронюхав штуку эту
И выудивши всю поповскую монету,
Прибавил к надписи: *„Нѣсть Божьихъ здѣсь тѣлесъ:*
Христосъ воскресъ!“
Что пономарь был плут, я соглашусь, не споря,
Плут обманул плута — так кто ж тут виноват?
Но я боюсь, чтоб поп Ипат
Не удавился с горя.

1918

МОЛОДНЯК

Годков тому примерно пять
Помещик некий в лес заехал погулять.
На козлах Филька красовался,
Такой-то парень — богатырь!
„Вишь, как тут заросло, а был совсем пустырь. —
Молодняком помещик любовался. —
Как, Филька, думаешь? Хорош молоднячок?
Вот розги где растут. Не взять ли нам пучок?
В острастку мужикам... на случай своеволья!“
„М-да! — Филька промычал, скосивши вбок глаза. —
М-да... розги — первый сорт...
Молоднячок... Лоза...
Как в рост пойдут, ведь вот получатся дреколья!“

Какой же в басенке урок? Смешной вопрос.
Года всё шли да шли — и молодняк подрос.

17 мая 1918 г.

ДВА ГРЕНАДЕРА

Новая кадетская баллада

> По слухам, Милюков и Винавер намерены посетить в Киеве германского посланника барона Мумма и просить его о высочайшей аудиенции в Берлине.
>
> *Из газет*

В Германию цвей гренадирен
С кадетской программой брели.
„Маршипен! Маршипен! Маршипен!" —
Командовал Мумм им вдали.

„Теперь, брат, мы вольные птицы
Под сенью немецких штыков! —
Винаверу так у границы,
Вздохнувши, сказал Милюков. —

Тот лозунг сбывается ныне,
С которым мы шли воевать,
Что будем Вильгельму в Берлине
„Условия" мы диктовать.

Недаром толкались мы к Мумму,
И нас обласкал он не зря.
Вернут нам четвертую Думу!
Вернут дорогого царя!

Затянем мы старым напевом,
Родзянкою тон будет дан!
Нам будут на секторе левом
Подтягивать Мартов и Дан.

Все будет у нас, как в Европах:
Монархия в стиле нувб.
Поедут паны на холопах, —
Заправим а ля Дурново!

Винавер! Опять твои нервы?
Опять ты глотаешь свой бром?!" —
„Ах, Павел, скажи мне: где первый
Начнется еврейский погром?!"

28 июня 1918 г.

ПОД КАЗАНЬЮ

Привет

Гудит-ревет аэроплан.
Летят листки с аэроплана.
Читай, белогвардейский стан,
Посланье Бедного Демьяна!

Победный звон моих стихов
Пусть вниз спадет, как звон набата.
Об отпущении грехов,
Буржуй, молись! Близка расплата!

Готовься отвечать и ты,
Правоэсэровский Иуда,
За слезы темной бедноты,
За кровь обманутого люда!

Где меньшевик? Иди сюда,
Трус, онемевший от испуга,
Ты стоишь строгого суда,
Как все вы стоите друг друга.

Одни дела — один ответ:
Всем воздадим по равной чести!
Друзья-рабочие! Привет!
Я вас зову к жестокой мести!

Пусть мой, знакомый вам напев
Откроет всем глаза и уши.
Да будет свят ваш правый гнев!
Да закалит он ваши души!

Пусть в вас воскреснет прежний пыл
И доблесть рати пролетарской!

Сомкните строй! Ударьте в тыл
Остаткам гнусным банды царской.

Друзья, вперед! Стальным кольцом
Врагов трепещущих охватим,
Всё завершим одним концом,
За всё сторицею отплатим!

К стене проклятых подлецов!
Отмстите, новые титаны,
За смерть товарищей-бойцов,
За нашу кровь, за наши раны!

Мы раны нашего вождя
Слезами ярости омоем.[1]
Клянись, рабочий, в бой идя,
Иль победить, иль пасть героем!

Сметя врагов стальным дождем,
Докажем всем шипящим змеям,
Что с нашим раненым вождем
Мы победить весь мир сумеем.

Мир торгашей и богачей
Напором пламенным разрушим,
Своих извечных палачей
В стальных объятиях задушим.

Мы, авангард передовой
Великой рати пролетарской,
С ней на арене мировой
Поднимем алый стяг бунтарский.

Горят зловещие огни,
Сплелись пророчески созвездья.
К оружью все! Привет вам, дни,
Дни пролетарского возмездья!

7 сентября 1918 г.

---

[1] Владимир Ильич Ленин предательски ранен правоэсэровской наемницей англо-французского капитала на рабочем митинге в Москве 30 августа 1918 г., в те часы, когда солдаты рабочей и крестьянской Красной Армии доблестно проливали свою кровь за советскую власть под стенами Казани, Симбирска и Самары.

ПРОВОДЫ

Красноармейская песня

Как родная мать меня
Провожала,
Как тут вся моя родня
Набежала:

„А куда ж ты, паренек?
А куда ты?
Не ходил бы ты, Ванек,
Да в солдаты!

В Красной Армии штыки,
Чай, найдутся.
Без тебя большевики
Обойдутся.

Поневоле ты идешь?
Аль с охоты?
Ваня, Ваня, пропадешь
Ни за что ты.

Мать, страдая по тебе,
Поседела.
Эвон в поле и в избе
Сколько дела!

Как дела теперь пошли:
Любо-мило!
Сколько сразу нам земли
Привалило!

Утеснений прежних нет
И в помине.
Лучше б ты женился, свет,
На Арине.

С молодой бы жил женой,
Не ленился!“
Тут я матери родной
Поклонился.

Поклонился всей родне
　　У порога:
„Не скулите вы по мне,
　　Ради бога.

Будь такие все, как вы,
　　Ротозеи,
Что б осталось от Москвы,
　　От Рассеи?

Все пошло б на старый лад,
　　На недолю.
Взяли б вновь от вас назад
　　Землю, волю;

Сел бы барин на земле
　　Злым Малютой.
Мы б завыли в кабале
　　Самой лютой.

А иду я не на пляс,
　　На пирушку,
Покидаючи на вас
　　Мать-старушку:

С Красной Армией пойду
　　Я походом,
Смертный бой я поведу
　　С барским сбродом.

Что с попом, что с кулаком —
　　Вся беседа:
В брюхо толстое штыком
　　Мироеда!

Не сдаешься? Помирай,
　　Шут с тобою!
Будет нам милее рай,
　　Взятый с бою, —

Демьян Бедный

Фотография периода гражданской войны

Не кровавый пьяный рай
Мироедский, —
Русь родная, вольный край,
Край советский!“

Свияжск. 1918

ПУТЕВОДНАЯ ЗВЕЗДА

Боевая песня

Глухая ночь — не навсегда,
Не вечны мрак и жуть:
Уж предрассветная звезда
Нам освещает путь.

Фабричный молот, сельский плуг
В ее лучах горят.
Рабочий, пахарь — брат и друг, —
Мы стали в тесный ряд!

Навеки спаяны одной
Жестокою судьбой,
Мы нерушимою стеной
Идем на смертный бой.

Идем на смертный бой с врагом.
В бой! Отступленья нет!
Пусть мрак еще царит кругом,
Но близится рассвет!

Глухая ночь — не навсегда,
Исчезнут мрак и жуть.
Нам наша *красная звезда*
Указывает путь!

1918

ПЕСНЯ ДЕДА СОФРОНА

Ты играй, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, иду, я все иду,
Я все иду, —

По дорожкам, по проселочкам плетусь,
Плетусь, плетусь...
Приюти меня, прими, родная Русь,
Родная Русь!
Побреду я от деревни до села,
И до села,
Зазвоню я, дед, во все колокола,
Колокола.
Ой, ты медь, ты медь певучая, гуди,
Гуди, гуди.
Всю Рассеюшку набатом разбуди,
Да разбуди.
Как я гряну во все сорок сороков,
Да сороков, —
Как я кликну на Москве всех батраков,
Всех батраков:
Гей, ты черный люд, рабочий, трудовой,
Люд трудовой,
Стань за вольную отчизну головой,
Стань головой!
Лютый ворог стал ногой в родной земле,
В родной земле!
Гей, не быть — не быть нам, братцы, в кабале,
Да в кабале!
Не потерпим вновь татарской злой поры,
Лихой поры.
Гей, точите-ко вы, братцы, топоры,
Да топоры!
А чтоб вышли ваши косы все остры,
Да все остры,
Чтоб готовы были вы зажечь костры,
Зажечь костры,
И по первой по тревоге боевой,
Да боевой,
Заградить себя стеною огневой,
Да огневой.
То-то вороги заскачут! Их-ха-ха!
И эх-ха-ха!
Как мы красного им пустим петуха,
Да петуха.
Гей, ты Русь, ты Русь родная, вольный край,
Наш вольный край,

Боевую свою силушку сбирай,
Да собирай!

Ты дуди, моя дуда: ду-ду, ду-ду,
Ду-ду, ду-ду!
А я, старенький, проселками иду,
Иду, иду!..
Ге-ей!!.

<1918>

„ДО ЭТОГО МЕСТА!"

В промокших дырявых онучах,
В лохмотья худые одет,
Сквозь ельник, торчащий на кручах,
С сумой пробирается дед.

Прибилися старые ноги,
Ох, сколько исхожено мест!
Вот холмик у самой дороги,
Над ним — покосившийся крест.

„Могилку какого бедняги
Кругом обступили поля?
И где для меня, для бродяги,
Откроет объятья земля?"

Вперед на дымки деревушки
Идет старичок чрез овраг.
Над крышею крайней избушки
Кумачный полощется флаг.

Плакат на стене с пьяной рожей
Царя, кулака и попа.
„Час добрый!" —
„Здорово, прохожий!"
Вкруг деда сгрудилась толпа.

„Пожалуй-ка, дед, на ночевку". —
„Видать, что измаялся ты". —

„Куда я пришел?“ —
„В Пугачевку“. —
„А тут?“ —
„Комитет бедноты“.

Прохожему утром — обновка,
Одет с головы и до ног:
Рубаха, штаны и поддевка,
Тулуп, пара добрых сапог.

„Бери! Не стесняйся! Чего там!
Бог вспомнил про нас, бедняков.
Была тут на днях живоглотам
Ревизия их сундуков“.

Надевши тулуп без заплатки,
Вздохнул прослезившийся дед:
„До этого места, ребятки,
Я шел ровно семьдесят лет!“

6 ноября 1918 г.

ПРЕДИСЛОВИЕ К ПОЭМЕ А. С. ПУШКИНА „ГАВРИИЛИАДА“

Друзья мои, открыто говорю,
Без хитростных раздумий и сомнений:
Да, Пушкин — *наш*! Наш добрый, светлый гений!
И я ль его минувшим укорю?
Он не стоял еще... за „власть Советов“,
Но... к ней прошел он некую ступень.
В его лучах лучи других поэтов —
Случайная и трепетная тень.
Ему чужда минувшей жизни мерзость,
Он подходил с насмешкой к алтарю:
Чтоб нанести царю земному дерзость,
Он дерзко мстил небесному царю.
Он говорил: „Тиран несправедливый,
Библейский бог, угрюмый и строптивый!“
А у Невы, средь Зимнего дворца,
Набитого охраною гвардейской,
Бродил другой тиран с душой злодейской,

Земной портрет небесного творца,
И не одну он возлюбил Марию,—
И в час, когда он в свой гарем входил,
Попы в церквах свершали литургию
И дым синел над тысячью кадил.
— Благослови, господь, царево дело!
Пошли успех его святым трудам!—
И сколько их, таких царей, сидело
По деревням, по селам, городам!
Им долгий день казался сладким мигом,
В хмельном чаду летел за годом год.
Под их ярмом, под их жестоким игом
Стонал народ, рабы своих господ!

Друзья, для нас пришла пора иная:
Мы свергли всех земных своих богов.
Клянитесь же, что больше Русь родная
Не попадет под гнет ее врагов!
Пусть будет свят для вас завет пророка,
Рукой врагов сраженного до срока,
И пусть его разбитой лиры глас
Ободрит вас в тревоги жуткий час!
Меня ж, друзья, прошу, не обессудьте
И, отдохнув за пушкинским стихом,
Таким простым и мудрым, позабудьте
О „предисловии“ плохом.

Ноябрь 1918 г.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

МЕМОРИАЛЬНАЯ ДОСКА

На Красной площади, у древних стен Кремля,
Мы—стражи вечные твои, товарищ милый.
Здесь кровью полита земля.
Здесь наши братские могилы.
Бойцы, сраженные в бою,
Мы в вечность отошли. Но ты—еще в строю,
Исполненный огня и пролетарской силы.
Так стой же до конца за власть и честь свою,
За пролетарскую великую семью,
За наши братские могилы!

30 сентября 1919 г.

КРАСНЫЙ ФЛОТ

Жуя огрызок папиросы,
Я жду из Питера вестей:
Как наши красные матросы
Честят непрошенных „гостей“!

Фортов кронштадтских ли снаряды
Сметают „белые“ ряды?
Или балтийские отряды
С пехотой делят все труды?

Но — без вестей я знаю твердо:
Там, где стоит наш Красный Флот,
Там — красный флаг алеет гордо,
Там — революции оплот,

Там красный фронт — броня стальная,
Там — нерушимая стена,
Там — тщетно пенится шальная
Белогвардейская волна!

‹1919›

ТАНЬКА — ВАНЬКА

Фронтовая песня

Красноармейцы Петроградского
фронта называют танки „таньками“.

Танька козырем ходила,
Пыль по улице мела,
Страх на Ваньку наводила,
Форсовитая была!

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..
Подступиться — думать брось!“
Расхрабрился как-то Ванька, —
Танька, глядь, копыта врозь!

Уж как Ванька размолодчик,
Он прицел берет на глаз.
Нынче красный он наводчик
В артиллерии у нас.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Эх ты, дуй ее наскрозь!“
Как пальнет по таньке Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

В Красной Армии воякой
Ванька стал за первый сорт,
В переделке был он всякой,
И в бою Ванюха — черт.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Эх ты, дуй ее наскрозь!“
Как пальнет по таньке Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

Ежли кто при виде таньки
Вдруг начнет ошалевать,
Ванька лается: „Без няньки
Не привыкли воевать?!“

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!..“ Как ухнет Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

Вишь от таньки как подрали
Все под Детским-то Селом.
Мы ж руками танек брали
Под Одессой и Орлом.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!..“ Как ухнет Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

Таньке ходу нет в болоте,
Не пойдет она в снегу.
С пушкой подступы к пехоте
Не один я стерегу.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Где она? Собьем, небось!..“

Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

„Пусть лишь танька подвернется,
Угощу я калачом.
Танька к белым не вернется,
Не вернется нипочем“.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Не уйдет от нас, небось!“
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

И у нас теперь умело
Стали танек снаряжать.
Да не в таньках, братцы, дело:
Трус всегда охоч бежать.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Ну так что?! Сплошал, небось?
Эх ты, трус!“ Как ухнет Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Шкурник вечно в злой тревоге,
Смотрит в страшные очки.
Все телеги на дороге
Для него — броневички.

„Ванька! Танька прет с разбега!
Защищаться - думать брось!“ —
„Да ведь это же телега,
Пронесло б тебя наскрозь!“

Жалкий трус от бабьей палки
Убежит наверняка.
Но бойцы стальной закалки
Посильней броневика.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Лезет, стерва, на авось!“
Как пальнет по таньке Ванька,—
Танька, глядь, колеса врозь!

Танька тож не без осечек,
Таньке люб не всякий грунт —
И завзятый человечек
Подорвет ее в секунд.

„Ванька, глянь-ка: танька, танька!..“ —
„Ладно. Справимся, небось“.
Как пальнет по таньке Ванька, —
Танька, глядь, колеса врозь!

Танька — ценный приз для смелых,
Трусу — пугало она.
Стоит таньку взять у белых —
Белым сразу грош цена.

Взвоют белые ребятки, —
Тут их малость поднажать,
Засверкают только пятки,
Как начнут они бежать.

На карачках за машиной
Лезет белая орда.
Таньку сбей — толпой мышиной
Все помчат нивесть куда:

Унести лишь ноги рады.
Красный, знай-ка, напирай,
Таньки, пушки и снаряды —
Всё у белых забирай!

Хоть не в таньках, братцы, дело
(Надо смелость уважать!),
Но и мы теперь умело
Стали таньки снаряжать.

Ванька — эвон! — через ниву
Прет на таньке молодец,
Дует белых в хвост и в гриву!
Тут и песенке конец!

⟨1919⟩

ПРАВДА-МАТКА, ИЛИ — КАК ОТЛИЧИТЬ НА ФРОНТАХ ПОДЛИННЫЕ ЛИСТОВКИ ДЕМЬЯНА БЕДНОГО ОТ БЕЛОГВАРДЕЙСКИХ ПОДДЕЛОК ПОД НИХ

Вожу пером, ребятушки,
По белому листу.
С народом я беседовать
Привык начистоту.
За словом, сами знаете,
Не лезу я в карман,
Но не любил я отроду
Пускаться на обман.
За *правду* распинаюсь я
Уж много-много лет,
И за словечко каждое
Готов держать ответ.
Написано — подписано,
Читай меня — суди.
Любовь и злая ненависть
Сплелись в моей груди:
Любовь — к народу бедному,
И ненависть — к панам,
К царям, попам, помещикам
И всяческим „чинам“.
За то, что раскрываю я
Всю правду бедняку,
Меня б дворяне вздернули
На первом же суку.
Пока же на другой они
Пускаются прием:
Печатают стишоночки,
Набитые враньем.
Стишки моею подписью
Скрепляют подлецы,
Чтоб их вранье за истину
Сочли бы простецы.
Но с подписью поддельною
Уйдешь недалеко.
Мои ль стихи иль барские, —
Друзья, узнать легко:
Одной дороги с Лениным
Я с давних пор держусь.

Я Красной нашей Армией
Гордился и горжусь.
Мне дорог каждый искренний
И честный большевик.
В моем углу два образа:
Рабочий и мужик.
За строй коммунистический
Стоял я и стою.
Помещикам, заводчикам
Пощады не даю.
Стремясь рассеять знанием
Души народной мрак,
Я — враг всех бабьих выдумок
И всех поповских врак.
Как вы, люблю я родину,
Но — не рабыню-Русь,
Которой помыкала бы
Разъевшаяся гнусь.
Люблю я Русь народную,
Советский вольный край,
Где мироедам — места нет,
Где труженикам — рай.
Еще, друзья, приметою
Отмечен я одной:
Язык — мое оружие —
Он ваш язык родной.
Без вывертов, без хитростей,
Без вычурных прикрас,
Всю правду-матку попросту
Он скажет в самый раз.
Из недр народных мой язык
И жизнь и мощь берет.
Такой язык не терпит лжи,
Такой язык не врет.
У Кривды — голос ласковый,
Медовые уста,
У Правды — речь укорная,
Сурова и проста;
У Кривды — сто лазеечек,
У Правды — ни одной;
У Кривды — путь извилистый,
У Правды — путь прямой;

В сапожках Кривда в лайковых,
А Правда — босиком, —
Но за босою Правдою
Пойдем мы прямиком!

<1919>

КОММУНАРЫ

Ни достатка, ни порядка;
Ходит сам не свой Касьян:
У Касьяна есть лошадка,
Нету плуга и семян.

У Емели дует в щели.
С горя, бедный, будто пьян:
Плуг есть старый у Емели,
Нет лошадки и семян.

Злая грусть берет Нефеда,
Дед клянет весь белый свет:
Семена нашлись у деда,
Нет лошадки, плуга нет.

Повстречал Касьян Нефеда,
Подошел к ним Емельян.
Слово за слово — беседа
Завязалась у крестьян.

„Охти, брат, не жизнь, а горе“.—
„Я вот стал совсем моща“.
Все на том сошлися вскоре:
С горем биться сообща.

Что у всех имелось втуне,
То теперь слилось в одно:
Есть *коммуна*, а в коммуне —
Плуг, лошадка и зерно.

Дед с Касьяном поле пашет,
С ними, спаянный трудом,
Молотком Емеля машет,
Подновляя общий дом.

Труд не в труд, одна утеха,
Стал милее белый свет.
— Братцы, счастья и успеха!
Коммунарам мой привет!

1919

ДЕНЬ ПРОЗРЕНИЯ

В руках мозолистых — икона,
Блестящий крест — в руке попа.
Вкруг вероломного Гапона
Хоругвеносная толпа.
Толпа, привыкшая дорогу
Топтать к Христову алтарю,
С мольбою шла к земному богу,
К самодержавному царю.
Она ждала, молила чуда.
Стон обездоленного люда
Услыша, добрый царь-отец
Положит мукам всем конец.
Царь услыхал, и царь ответил:
Толпу молящуюся встретил
Его губительный свинец.

Великий, страшный день печали,—
Его мы скорбью отмечали.
Но — крепкий плод его дозрел.
Так пусть же песни наши грянут!
Победным гимном пусть помянут
День этот все, кто был обманут
И кто, обманутый, прозрел!

1920

ТРУД

Связь потеряв с обычной обстановкой,
Отдавшись весь работе фронтовой,
Ищу я слов, рифмующих с „винтовкой",
Звучащих в лад с командой боевой.
Но слово есть одно, святое слово,
То слово — Труд. Оно горит огнем,
Оно звучит чеканно и сурово.
Вся наша мощь, все upованье в нем.
Товарищ, знай, справляя наш субботник:
К победе путь — тернист и каменист.
Кто коммунист — тот истинный работник,
Кто не работник — тот не коммунист!

3 октября 1920 г.

БЛАГОСЛОВЕНИЕ

Былых господ прогнавши взашей,
Мы знаем: есть страшнее враг, —
Мы по пути к победе нашей
Свершили только первый шаг.

Страшнее барской шайки дикой
Нас изнурившая нужда.
Вперед же, воины великой
Единой армии труда!

Отбив рукой вооруженной
Всю злую, вражескую гнусь,
Спасем работой напряженной
Коммунистическую Русь.

Работать все станки заставим,
Исправим всё и пустим в ход, —
И от смертельных мук избавим
Нуждой измаянный народ.

Мы деревушкам скажем черным:
„Довольно жутких, темных зим!
Себя трудом, трудом упорным,
Мы к светлой жизни воскресим!"

Есть на Руси один хозяин —
Народ свободный, трудовой.
С рабочим пахарь кровно спаян
Одною спайкой боевой:

В одном строю — герой с героем —
Шли в бой, опасности деля.
Вперед же, братья, бодрым строем!
Свои заводы мы откроем,
Свои запашем мы поля.

Свои богатства мы умножим
И возрастим *свои* плоды,
У общих фабрик горы сложим
Из торфа, угля и руды.

Жизнь забурлит живым потоком,
Не зная вражеских запруд. —
И мы, в спокойствии глубоком,
Окинув Русь хозяйским оком,
Благословим наш общий труд!

‹1920›

ЧЕСТЬ КРАСНОАРМЕЙЦУ!

Красноармеец — Пров, Мефодий,
Вавила, Клим, Иван, Софрон, —
Не ты ль, смахнув всех благородий,
Дворян оставил без угодий,
Князей, баронов — без корон?

Вся биржа бешено играла
„На адмирала Колчака".
Где он теперь, палач Урала?
Его жестоко покарала
Твоя железная рука!

Деникин? Нет о нем помина.
Юденич? Вечный упокой.
А Русь Советская — едина.
Сибирь, Кавказ и Украина
Защищены твоей рукой!

Ты сбавил спеси польской своре,
Сменив беду полубедой.
Кто победит, решится вскоре.
Пока ж — ты мудро доброй ссоре
Мир предпочел полухудой.

Ты жаждал подвига иного:
Рабочей, творческой страды.
Где места нет у нас больного?
Пора, дав жить тому, что ново,
Убрать гнилье с родной гряды.

Но оставалася корона,
Еще не сбитая тобой.
И — всходов новых оборона —
Ты на последнего барона
Пошел в последний, страшный бой.

Под наши радостные клики
Хвалой венчанный боевой,
Гроза всех шаек бело-диких,
Ты — величайший из великих,
Красноармеец рядовой!

Герой, принесший гибель змею,
Твоих имен не перечесть!
Тебе — Вавиле, Фалалею,
Кузьме, Семену, Еремею —
Слагаю стих я, как умею,
И отдаю по форме *честь*!

Ноябрь 1920 г.

1921—1929

„ВЛАДИМИРКА“

„Н-но!.. Туда же, брыкаться... Нашлась недотрога!..“
Туго врезалась в твердую землю соха.
„Здравствуй, дядя! Гляжу я: земля не плоха“.—
„Да крепка. Утоптали. Была ведь дорога.
Слышь, в Сибирь, значит, гнали по ней в старину...
Эй, ты, н-ну,
Шевелись, сухопарая!“...

Борозда к борозде... Ком ложится на ком...
Кто узнал бы тебя нынче в виде таком,
Роковая путина, „Владимирка старая“?!
Брат мой, пахарь! Погибших бойцов помяни.
Окруженные серым, суровым конвоем,
Пыльной летней порой — под мучительным зноем,
Хмурой осенью — в тускло-ненастные дни,
И студеной зимой — в ночи темные, вьюжные,
Кандалами гремя, испитые, недужные,
По „Владимирке старой“ шагали они.
Не склоняя голов непокорных,
Не смыкая усталых и скорбных очей,
Мимо жалких лачуг, покосившихся, черных,
Мимо пышных усадеб своих палачей,
Подло-мстительной царской покараны карой,
В рудники за бойцом посылавшей бойца,
Шли они — без конца, без конца, без конца —
По „Владимирке старой“!

Сколько скорбных, невидимых нами, теней,
Может быть, в это время проходят по ней

И дивятся на новые яркие всходы!
Пахарь! Празднуя праздник труда и *свободы*,
Не забудь благодарной слезой помянуть
Всех, кто в оные, злые, проклятые годы
Ради нас проходил этот жертвенный путь!

7 ноября 1921 г.

ОСЫ

Элегия

Ос растревоженных осатанелый рой, —
Он был опасен нам весеннею порой.
Теперь он, сбившись в ком, под колпаком судебным,
Наводит грусть своим жужжанием враждебным.
Разбойники полей, грабители цветков,
Последний точат яд с осиных хоботков,
Заране чувствуя, что мудрым пчеловодом
Они осуждены со всем своим приплодом.

9 июня 1922 г.

ЮНОЙ ГВАРДИИ

Время темное, глухое...
И забитость и нужда...
Ой ты, времечко лихое,
Мои юные года!

—

Перед кем лишь мне, парнишке,
Не случалось спину гнуть?
К честным людям, к умной книжке
Сам протаптывал я путь.

—

Темь. Не видно: ров иль кочка?
Друг навстречу или гад?
Сиротливый одиночка,
Брел я слепо, наугад.

—

Вправо шел по бездорожью,
Влево брал наискосок,
И дрожал пугливой дрожью
Мой незрелый голосок.

—

Нынче красной молодежи
В дядьки я уже гожусь.
На ребяческие рожи
Все гляжу — не нагляжусь.

—

Зашумит ли резвым роем
В светлых залах новых школ
Иль пройдет военным строем
Предо мною Комсомол.

—

Я, состарившись наружно,
Юным вновь горю огнем:
„Гей, ребятки! В ногу! Дружно!
Враг силен. Да шут ли в нем?

—

Враг стоит пред грозной карой,
Мы — пред заревом побед!“
Юной гвардии от старой
Героический привет!

3 сентября 1922 г.

ЛЮБИМОМУ

Живые, думаем с волненьем о живом
И верим, хоть исход опасности неведом,
Что снова на посту ты станешь боевом,
Чтоб к новым нас вести победам.
В опасности тесней смыкая фронт стальной,
Завещанное нам тобой храня упорство,
Мы возбужденно ждем победы основной,
Которой кончишь ты, любимый наш, родной,
С недугом злым единоборство!

Апрель 1923 г.

ВПЕРЕД И ВЫШЕ!

На ниве черной пахарь скромный,
Тяну я свой нехитрый гуж.
Претит мне стих языколомный,
Невразумительный к тому ж.

—

Держася формы четкой, строгой,
С народным говором в ладу,
Иду проторенной дорогой,
Речь всем доступную веду.

—

Прост мой язык, и мысли тоже:
В них нет заумной новизны, —
Как чистый ключ в кремнистом ложе,
Они прозрачны и ясны.

—

Зато, когда задорным смехом
Вспугну я всех гадюк и сов,
В ответ звучат мне гулким эхом
Мильоны бодрых голосов:

—

„Да-ешь?!“ — „Да-ешь!“ — В движеньи массы.
„Свалил?“ — „Готово!“ — „Будь здоров!“
Как мне смешны тогда гримасы
Литературных маклеров!

—

Нужна ли Правде позолота?
Мой честный стих, лети стрелой —
Вперед и выше! — от болота
Литературщины гнилой!

1924

ТЯГА

Нагляделся я на большие собрания:
В глазах пестрит от электрического сияния,
Народу в зале — не счесть,
Давка — ни стать, ни сесть.
На эстраде — президиум солидный,
Ораторствует большевик видный,
Стенографистки его речь изувечивают,
Фотографы его лик увековечивают,
Журналисты ловят „интересные моменты“,
Гремят аплодисменты,
Под конец орут пять тысяч человек:
— Да здравствует наш вождь Имя-Рек!

—

Мне с Имя-Реками не равняться,
Мне бы где-либо послоняться:
У поросшего лопухом забора
Подслушать обрывок разговора,
Полюбоваться у остановки трамвайной
Перебранкой случайной,
Уловить на улице меткое словцо,
Заглядеться на иное лицо,
Обшарить любопытным взглядом
„Пивную с садом“,
Где сад — чахоточное деревцо
С выгребной ямой рядом,
Где аромат — первый сорт,
Хоть топор вешай.
— М-м-мань-ня... ч-черт-р-р-т!
— Не цапайся, леш-шай!..
У пивного древа
Адам и Ева, —
Какой ни на есть, а рай!
Не разбирай.
Без обману.
Соответственно карману.

А карманы-то бывают разные:
Пролетарские и буржуазные.

Не пробуйте ухмыляться заранее:
Мол, у меня в башке туман:
Начал писать про собрание,
А свел на карман.
Сейчас вам будет показано,
Как одно с другим бывает связано.

Есть такой город — Евпатория,
У него есть своя история.
Но прошлое нас мало касается,
Когда настоящее кусается.
К Черному морю этот городок
Выпятил свой передок,
Приманчивый, кокетливый,
К нэпманам приветливый;
А спиной пролетарской
Разоренною, мертвой, „татарской“
Повернулся к равнине степной,
Где пылища и зной.
Здесь, за этой спиною,
Задыхаясь от зною,
Приютился вокзальчик невзрачный,
По ночам сиротливый, покинутый, мрачный,
На припеке на три изнурительных дня
Приютивший в вагоне меня.

Как мужик я изрядно известный,
То пролетариат весь местный,
Железнодорожный,
Прислал мне запрос неотложный:
Не угодно ли мне, так сказать,
Себя показать
И обменяться живыми словами?
— Интересуемся оченно вами...

Без председательского звона,
Без заранее намеченного плана,
Разместились на путях у вагона,
Вокруг водопроводного крана

Человек... ну, едва-едва
Десятка полтора или два.
Может быть, я ошибся в количестве:
Не заметил тех, кто лежал на животе.
Ведь собрание шло не при электричестве,
А в ночной темноте.
Тем не менее
Был оркестр, проявивший большое умение,
Оркестр собранью под стать,
Какого в Москве не достать:
От чистого сердца, отнюдь не халтурно,
Кузнечики — вот кто! — звенели бравурно,
Без дирижера — и явного и тайного —
Показали пример искусства чрезвычайного,
Оттеняя старательно каждый нюанс.
Гениальный степной Персимфанс!..[1]
Под эту игру бесконечную
Повели мы беседу сердечную.
Разливаться ли тут соловьем
Иль противно ломаться под видом всезнайки?
Говорили душевно. И я без утайки
Говорил даже что-то о детстве своем.
Обо всем говорило собрание,
Под конец — про карман.
Обратил на это внимание
Рабочий, *Димитренко Емельян.*
Спросите у Димитренка, бедняги,
Кто он — по чину — такой?
— Я, — скажет он, — служба тяги,
Я — на все и у всех под рукой.
Одна по штату, незаменимая,
Эта „тяга“ неутомимая.
Начальник вокзала — всему голова,
У него заместителей два.
Телеграфист с телеграфистом чередуются.
Одна „тяга“ бессменно „мордуется“,
Праздник, не праздник — Емельян на пути.
— Емельян, подмети! —
Емельян подметает.

---

[1] Первый симфонический ансамбль.

— Емельян, угля нехватает! —
Емельян кряхтит под кулем
С углем.
— Емельян, на уборку поездного состава!
— Емельян, есть во всех ли вагонах вода? —
Емельян танцует и слева и справа,
Емельян тянет шлангу туда и сюда.

— Емельян, на промывку вагонов для соли! —
С Емельяна — пот ручьем, не росой!
На ногах ему соль разъедает мозоли,
Потому что — босой.
— Емельян, — кличет слесарь, — в депо
на минутку!
— Емельян, в водопроводную будку,
Там у бака какой-то изъян!..
— Емельян!..
— Емельян!..
— Емельян!..
Емельян надрывается зиму и лето.
Ему отдыха нет: не гуляй, не болей!
Емельян Димитренко получает за это
В месяц... *девять рублей!*
Димитренко — весь потный и черный —
Он богач бесспорный.
Любому Ротшильду, Форду
Он плюнет презрительно в морду.
Его щедрость достойна удивления.
Подсчитайте его отчисления.
— Емельян, два процента в союз.
— Даю-с!
— Емельян, отчисление в МОПР.
— Отчисляю, я добр!
— Емельян, дай на Воздухофлот.
— Вот!
— Емельян, Доброхим.
— Дадим!
— На „Долой неграмотность“ гони четвертак.
— Так!
— В кассу взаимопомощи...
— Сколько?
— Процент!

— В момент!
— Емельян, в Ох... мат... млад...[1]
— Что такое?
— Ох... мат...
— Что ж, и я не лохмат!
— Емельян, на борьбу с этим... с этим...
— Говори сразу: сколько? Ответим!
— На газету „Гудок"... надо всем поголовно...
— Сколько нужно?
— Расход — пустяков:
Шестьдесят пять копеек ровно.
Результат получился таков:
На пятнадцать рабочих — пятнадцать „Гудков".
— Понимаю, — кряхтит Емельян, — значит, нужно. —
Горе: в грамоте слаб. И читать недосужно.
Дома ждут Емельяна жена и ребята.
Рубль за угол. На что этот угол похож!..
Дочка в школе, и в месяц по рублику тож.
Рубль. А где его взять? Вон как тает зарплата...
На руках остается от всех прибылей...
Пять рублей!
Ночь. Кузнечики шпарят симфонию ту же.
Димитренко кончает о быте своем.
— Да, живем все еще не просторненько, друже,
Но, одначе, живем.
Из деревни не кума дождешься, так свата.
Кум — не кум, сват — не сват без муки или круп.
Хоть деревня, сказать, и сама небогата... —
Кто-то сплюнул: — Ну, да. Знаем ихнего брата.
Привезет на пятак, чаю схлещет на руп...
— Чем еще, — я спросил, — есть у вас похвалиться?
— Есть у нас Крымтепо, чтоб ему провалиться!
На картошку, товарищ, имейте в виду,
Деньги взяты еще в двадцать третьем году.
А картошки все нет. Деньги канули в воду!
— В Евпатории ж цены — беда!
Летом сколько народу приезжает сюда!
— Цены скачут, как блохи!
Все же летом бывали делишки неплохи.
Вещи нэпманам раньше носили. Доход.

[1] Охматмлад — Охрана материнства и младенчества.

За сезон кой-чего мы б себе накряхтели.
Да от нас отошло это в нынешний год.
Появились носильщики. Вроде артели.
— Что носильщики скажут?
— Да нету их тут!
— Почему?
— Потому. Так они и придут!
Ведь они у нас летний кусок отобрали.
— Братцы! Поздно. Итти по домам не пора ли? —
Рано утром я высунул нос из вагона,
Посмотрел. Димитренко-то — вона!
„Служба тяги“ на рельсах.
— Здоров, Емельян!
Тянем?
— Тянем, товарищ Демьян! —
Пригляделся к нему. Тот же потный и черный,
Но — приветливый, бодрый, проворный,
Не вчерашний, какой-то другой.
Вправду ль он? Горемыка ли?
Говорит мне: — Простите уж нас, дорогой,
Что вчера мы пред вами маленько похныкали.
Это верно: бывает порой чижало,
Точно рыбе, попавшей на сушу.
А в беседе-то вот отведешь этак душу,
Глядь — совсем отлегло.
— Е-мель-я-я-ян!.. Будешь там толковать до
обеда!.. —
Емельян встрепенулся: — Прощайте покеда! —
И, на лбу пот размазав рукою корявою,
Побежал к паровозу со шлангой дырявою.

Евпатория — Москва.
Вагон.

8—11 июня 1924 г.

СНЕЖИНКИ

Засыпала звериные тропинки
Вчерашняя разгульная метель,
И падают и падают снежинки
На тихую, задумчивую ель.

Заковано тоскою ледяною
Безмолвие убогих деревень.

И снова он встает передо мною —
Смертельною тоской пронзенный день.

Казалося: земля с пути свернула.
Казалося: весь мир покрыла тьма,
И холодом отчаянья дохнула
Испуганно-суровая зима.

Забуду ли народный плач у *Горок,*
И проводы вождя, и скорбь, и жуть,
И тысячи лаптишек и опорок,
За Лениным утаптывавших путь!

Шли лентою с пригорка до ложбинки,
Со снежного сугроба на сугроб.
И падали и падали снежинки
На ленинский — от снега белый — гроб.

21 января 1925 г.

„ТОВАРИЩ БОРОДА“

Бытовое

Взращенный деревенским полем,
Обкочевавший все большие города,
Куда его гнала не роскошь, а нужда,
Он прозывается не Жаном и не Полем,
А попросту — „товарищ Борода“.
Ему уж сорок два, немалые года.
Он закалил свой ум и волю в тяжкой школе
Мучительной борьбы и черного труда,
„Товарищ Борода“.
Десяток лет батрацкого скитанья
По экономиям помещиков былых;
Другой десяток лет голодного мотанья
Ремонтной клячею средь гула, грохотанья
Бегущих поездов и треска шпал гнилых;
Хватанье за букварь, а после — за листовки,
„Тюремный курс“ за забастовки,
„Февральский“ натиск на царя,

Потом „Октябрь“, потом — как не считал мозолей,
Так не считал и ран — защита „Октября“
От барских выродков, от Жанов и от Полей
И прочей сволочи, грозившей нам неволей.
Победно кончилась кровавая страда.
Мы обратилися к хозяйственным основам.
Но где же он теперь, „товарищ Борода“?
Усталый инвалид, негодный никуда?
Нет, он — силач, ведет борьбу на фронте новом.
„Усталость? Чепуха! Живем в такой момент!“
Он нынче „вузовец“, студент.
Штурмует знание. Такие ли препоны
Брать приходилося? А это что! Да-ешь!!
Он твердый коммунист. Такого не собьешь.
„Пускай там, кто сплошал, разводит вавилоны
О страшных трудностях при нашей нищете
И не рассеянной в два счета темноте.
Да мы-то — те или не те?
Какой там пессимизм? Какие там уклоны?
Понятно, трудности. Нашли скулить о чем!
Да новое — гляди! — повсюду бьет ключом.
За гуж взялись-то миллионы!
Народец жилистый. Взять нас, студентов. Во!
Не из дворян, не из дворянок.
Студенческий паек известен: на него
Не разгуляешься. Да нам не до гулянок!“
Разметил все свои часы — какой куда —
„Товарищ Борода“.
Он времени без толку не растратит,
Свой труд — и нынешний и будущий — ценя.
„Как выучусь, других учить начну. Меня
Годков еще на двадцать хватит.
Ведь замечтаешься: работа какова!
Откроюсь — что уж за секреты! —
Когда-то, засучив по локти рукава,
Случалось убирать господские... клозеты.
А нынче — разница! Сравни-ко: тьма и свет!
Да ежели бы мне не то что двадцать лет,
А жить осталось месяц, сутки,
Не опустил бы рук я, нет!
Работе отдал бы последние минутки!..

Я...“ —
        Тут, как девушка, зардевшись от стыда,
Он вдруг забормотал, „товарищ Борода“:
„Учебник я уже... того... Мое творенье...
        Послал в Москву на одобренье...
Волнуюсь очень... Жду ученого суда...“

—

Вниманью молодых товарищей поэтов,
Что ищут мировых — сверхмировых! — сюжетов,
Друг другу темами в глаза пуская пыль.
        Вот вам бесхитростная быль.
Коль ничего она не скажет вашей братье,
        Пустое ваше все занятье!
        Спуститесь, милые, туда,
Где подлинный герой — такой простой и скромный —
        Свершает подвиг свой огромный,
Советский богатырь, „товарищ Борода“.

1 мая 1926 г.

НЕПОВТОРИМЫЕ

Мы в даль наши взоры вперяем
И, в пламени новых идей
Сгорая, теряем, теряем
Неповторимых людей.

Не стало вождя — рулевого
И многих не стало бойцов,
И чаще средь дела живого
Мы, сдвинувши брови сурово,
Хороним своих мертвецов.

Но, с каждою тяжкой утратой
Теснее смыкая ряды,
Взрываем мы той же лопатой
Нетронутость почвы богатой
Для новой культурной гряды.

21 июля 1926 г.

ГРОЗИТ

На мать-страдалицу и на детей голодных
Владелец шахт, пустых и бездоходных,
„Цивилизованный“ бандит,
С ухмылкой хищною глядит.
Но в сердце хищника — смертельная заноза,
И рана у него — она кровоточит!
Слепым отчаяньем звучит
Его трусливая угроза!
Грозит! Он все еще грозит!
Но — сквозь гниющий жир — его скелет сквозит!

9 октября 1926 г.

ЗАВЕТ СРАЖЕННОГО БОЙЦА

НАДПИСЬ НА НАДГРОБНОМ ПАМЯТНИКЕ СОВЕТСКОГО ДИПКУРЬЕРА т. Т. И. НЕТТЕ, УБИТОГО БЕЛОБАНДИТАМИ 5 ФЕВРАЛЯ 1926 г.

Сраженный вражеским свинцом,
Я не последним был бойцом
Среди бойцов, погибших с честью.
Но смерть героям не страшна.
Смерть наша будет отмщена
Грядущей пролетарской местью.

5 февраля 1927 г.

ПЕРСПЕКТИВЫ

Чьей судьбы и чьих талантов,
Сэры, лорды и милорды,
Сколь собою вы ни горды,
Вам чураться нету смысла:
Туча черная нависла
И над вами. Ваша стая
Нынче мчится из Китая,
Завтра рядышком — похоже! —
Приключиться может то же.
Послезавтра, лорды, сэры,
От британской атмосферы —
Уж куда, не знаю точно! —

Вам бежать придется срочно.
Чтоб подохли все в пути вы!..
. . . .
Перспективы!
Перспективы!

30 марта 1927 г.

МЫ БУДЕМ ГОВОРИТЬ...

Кто нам ни угрожай и кто нас ни морочь:
Культурных наций, мол, обязанность святая
Душить Китай (как нас семь лет назад, точь-в-точь!),
Но, к удушаемым сочувствие питая,
Мы будем говорить:—Бандиты! Руки прочь
От возмущенного Китая!

6 апреля 1927 г.

ДЛЯ МИЛОГО ДРУЖКА — СЕРЕЖКА ИЗ УШКА, ИЛИ НА ХОРОШЕГО БАНДИТА НЕ ЖАЛЬ НИКАКОГО КРЕДИТА

„Культурная“, „счастливая“ страна!
(Не надо называть, известна всем она.)
Для безработных в ней — недостает кредитов,
Зато в любой момент, сполна,
Есть у нее особая казна
Для душегубов и бандитов.

13 апреля 1927 г.

КИТАЙСКИЕ ТЕНИ

Писать мне тушью иль кармином?
Какие взять карандаши,
Чтоб дать эскиз — „Пред Чжан Цзо-лином
Подручный новый — Чан Кай-ши“?

Дыша коварством, скрытой местью,
Сидит разбойник матерой.
Пред ним навытяжку, честь-честью,
Стоит кантонский экс-герой.

Поток взаимных многолетий,
С бандитом снюхался бандит.
За их спиною кто-то третий
На них восторженно глядит.

17 апреля 1927 г.

ХРИСТОС ПО-АМЕРИКАНСКИ

(„ХРИСТОС АМЕРИКЕН“)

Согласен держать небольшое пари, что долгожданное второе пришествие Христа совершится в течение 5 лет.

Объявление, помещенное в газете „Виндикэйтор“, город Янгстон, штат Огайо, подписанное — Норман Э. Гулли.

Ах, Норман, шут тебя дери!
Коль разоряться на пари,
Воображение больное
Могло бы выдумать иное:
„Христос в Америке!..“ Ура!
Парад... Оркестр... Прожектора...
Трюк боевой на кинолентах:
„Христос в своих аппартаментах“,
„Христова спальня, гардероб“,
„А ля Христос пробор, бородка“,
„Вино Христово (райских проб!)“,
„Христов мотор, аэролодка“
И — заключительный аккорд —
„Христос и Форд!“
„Два божества в автомобиле!“
„Христос на гонках и в жюри!“

. . . .

Вот это было бы пари
В американском чисто стиле!

27 апреля 1927 г.

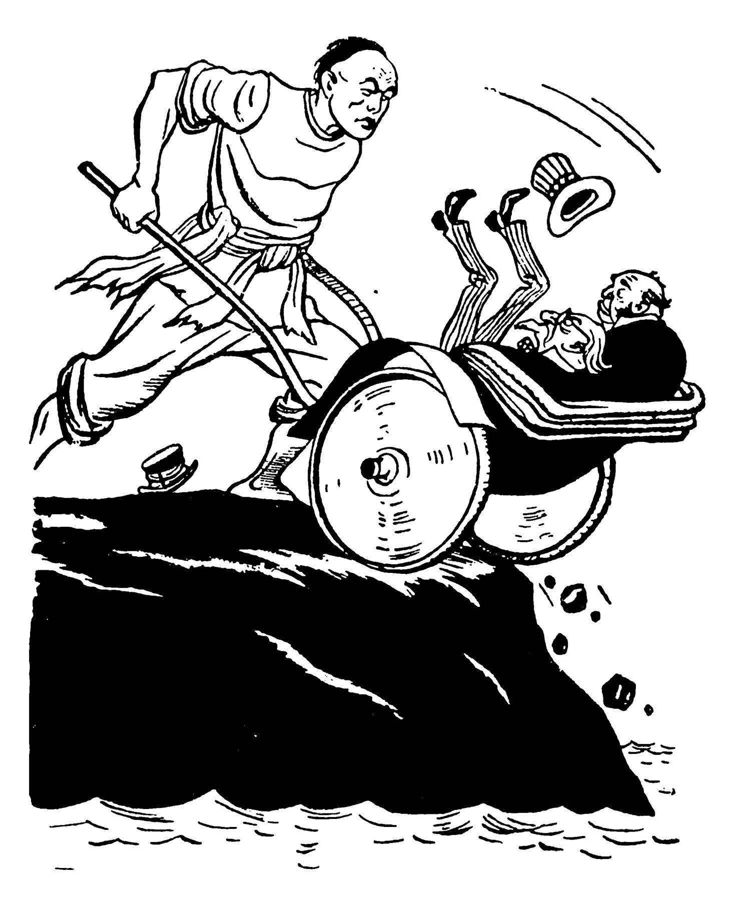

Рисунок Б. Ефимова к стихам Д. Бедного о Китае

ПАРАЛЛЕЛИ РУССКО-АМЕРИКАНСКИЕ

I

В „ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ“ СТРАНЕ...

В связи с предстоящей казнью Сакко и Ванцетти и бурным возмущением рабочих общая численность мобилизованных полицейских сил в Нью-Йорке составляет 14 000 человек.

Специальная охрана выставлена также на железных дорогах. Отряду, назначенному для охраны правительственных учреждений в Чикаго, отдан приказ: *„Сначала стрелять, а затем задавать вопросы“*.

Личная охрана Кулиджа удвоена. Представитель федеральных властей в Питтсбургском округе приказал взять под наблюдение и арестовать ряд местных радикальных лидеров. В Нью-Йорке полиции приказано обыскивать на улицах всех лиц, у которых в руках имеются „подозрительные пакеты“.

Из газет

В „демократической“ стране
Остатки... царского „расейского“ наследства
В борьбе с рабочими — все, все по старине,
Те ж неоправданные средства!
Бывали обыски, была тюрьма и плеть,
И грозный был приказ — „Патронов не жалеть!“
Полиция... Ее тож загоняли в мыло.

Все это было!
Все это было
И поросло быльем!

У революции — особые моторы.
Как пыль, сметет она банкирские конторы,
Всех Фордов, Фуллеров, их золотые горы,
Какие б ей ни ставились заторы
„Демократическим“ жульем!

II

КОГДА НАКАЛЯЕТСЯ ПОЧВА...

„Во время разгона полицией демонстрации в Бостоне арестован Эдвард Джемс, племянник известного философа Вильяма Джемса. Сегодня Джемс приговорен к трехмесячному заключению.

Когда дело Джемса рассматривалось в суде, он отказался встать перед судьями, заявив: „Я не намерен стоять перед убийцами, будь они судьями, полицейскими или губернаторами".

Из газет

Отнюдь нельзя сказать, что мы
Удивлены ответом этим.
Нас радует, что есть — вот это мы отметим! —
Интеллигентные в Америке умы,
Которым уж „дают три месяца тюрьмы"!
Потом дадут еще повторные надбавки.
А дальше — Фуллеры потребуют голов
Для электрической удавки!
Конечно, Джемс Эдвард
Не пролетарский бард,
В нем большевистского, конечно, нет азарту.
Пусть трансцендентная сидит в нем белена,
И склонность будет в нем не к Марксу пусть сильна,
А к дяде — Джемсу иль Декарту, —
Но где пришлось вопить подобному Эдварду,
Там, значит, многое поставлено на карту,
И почва, значит, там уже накалена!

11 августа 1927 г.

ПО ГОСПОДАМ И ЛАКЕИ

„Эдинбургский конгресс трэд-юнионов наконец усвоил мои взгляды на большевиков".

Слова злейшего советского врага английского министра Черчилля

Так, генсоветчики, — уж рады вы, не рады, —
Открыто, без обиняков
Черчилль вас „разъяснил". Ответ его таков,

Что вы на нас, большевиков,
Усвоили его, черчиллевские, взгляды!

Черчилля с Томасом — не то что вас на свет,
Под микроскоп гляди — различий нет особых,
Теперь ни у кого уже сомнений нет,
Что твердолобый кабинет
Завел — себе под стать — лакеев твердолобых!

15 сентября 1927 г.

КТО ОНИ?

В Торонто (Канада) избран почетным доктором Чемберлен, которого ректор университета представил собранию на торжестве как „европейского миротворца“.

Из газет

Взбесить иль рассмешить так можно мертвецов:
Чин „миротворца“ дать злобнейшему из злобных!
Не разберешь в конце концов:
Свет не видал еще — подобных *подлецов*
Или *насмешников* подобных?!

14 ноября 1928 г.

ТОЖЕ „РЕКОРД“

Сенат штата Арканзас запретил преподавание во всех без исключения учебных заведениях штата теории дарвинизма.

Из газет

Доллар против дарвинизма!
Арканзасский янки горд:
Хоть по части *кретинизма*,
А поставлен все ж рекорд!

16 ноября 1928 г.

ТАКИЕ КАПИТАЛИЗМУ НЕ НУЖНЫ

В Лондоне покончили самоубийством два врача, братья-близнецы Артур и Сидней Смит. Оба брата, посвятившие свою жизнь изучению болезни рака, очутились в крайней нужде, так как все свои средства истратили на дорого стоившие опыты, а государство отказалось оказать им поддержку.

Из газет

Сколачивать повстанческие штабы
В чужой стране... Свозить оружье, динамит...
Вот тут поддержечка была бы!
Не так, как двум врачам: их шансы были слабы.
Лежат в могиле братья Смит.
А имя Лоуренса „афганского“ гремит!

27 января 1929 г.

НЕСКРОМНЫЙ ВОПРОС

В районе Панамского канала начались большие маневры американского флота, в которых участвуют 174 боевые единицы. Объект защиты и нападения — Панамский канал.

Из газет

„Пакт Келлога“ — и вдруг маневры, дух войны...
Канал Панамский... Тьфу! Дойдешь до обалденья!
Ну разъясните ж — мы темны! —
А с чьей же это стороны
Ждать нужно на канал Панамский нападенья?

2 февраля 1929 г.

БУДЕТ ДЕЛО

На шахтах „Найн Майл“ в Южном Уэльсе, на которых рабочими объявлена забастовка, 3 штрейкбрехера были доставлены к месту работы... 70-ю полицейскими.

Из газет

Поглядеть на трех джентльменов:
Они гордо так идут.
Семь десятков полисменов
Трех штрейкбрехеров ведут!

Нехватает только пушек!..
Схватке быть невдалеке!
Жалко: нет моих частушек
На английском языке!

17 февраля 1929 г.

НЕРВНОСТЬ

На майском военном гулянии в Лондоне в этом году специально для детей демонстрируются эффектные действия технических частей армии.

Из газет

Капитал, судите сами,
Нервен в майскую жару:
Где — сражается с отцами,
Где — пугает детвору.

В чем же смысл такой „науки“
Для рабочей детворы?
Их пугать такие штуки
Могут только... до поры.

Час пробьет, и эти ж танки
С этой самой детворой
Будут бить дворцы и банки
И вводить народный строй!

28 мая 1929 г.

МРАК!

Ровно 150 лет после выхода в свет известного романа Вольтера „Кандид". Бостонский суд на днях издал приказ о запрещении продажи этой книги, как „неприличной". В книжных магазинах Бостона конфисковано 13 экземпляров.

Недавно *Дарвина* кляли,
Глядь — на *Вольтера* уж гоненье!
Теперь — вращение земли
Осталось взять лишь под сомненье!

Старорежимных дураков
Громил когда-то смех Вольтеров.
И вдруг теперь — пассаж каков!
В пещерный мрак каких веков
Идет страна миллиардеров?

30 мая 1929 г.

ПОКАЗНОЙ ЗНАМЕНАТЕЛЬ

Лондонская полиция насчитывает сейчас до 17 000 полицейских. Полицейское начальство проектирует увеличить число полисменов до 22 000.

Тем, в конторах чьих не пусто,
Нет милее красоты,
Как рассыпанные густо
Полицейские посты.

Там, где царство биржевое,
Полицейщина в чести:
„Увеличить кадры вдвое!“
„Сверхрезервы завести!“

—

Тип смешной — английский бобби
И не блещет новизной?
Мелочь? Дробь? Но в этой дроби
Знаменатель показной.

—

Буржуазная основа,
Значит, явно не цела
И опять еще и снова
Где-то трещину дала!

30 мая 1929 г.

МЕЛОЧЬ, А ВАЖНАЯ

Верховный суд США отказал в правах гражданства одной уроженке Венгрии за „пацифистские убеждения, недостойные американки“.

Страх люблю такие факты!
Весь вместился в три строки,
А пред ним все Келлог-пакты
Пустяки!

1 июня 1929 г.

У НАС НЕ ТО, У НАС ИНАЧЕ

В центре Нью-Йорка сносятся два театра и будет построен небоскреб в 65 этажей под конторы.

Из газет

Пример, как деньги сушат чувства.
— Театры? Сцена? Что за вздор! —
И отступает *храм искусства*
Пред мощным натиском *контор*.

У нас не то. У нас иначе.
Мы кое в чем пока бедны,
Но сколь духовно мы богаче
Долларизованной страны!

2 июня 1929 г.

МУЗА, ВОСПОЙ...

Нефтяной лабораторией Ленинградского политехнического института закончен анализ уральского бензина, полученного из нефти Чусовских городков. Установлено, что качество уральского бензина значительно выше грозненского.

Вот для поэзии лирической
Какие чудные мотивы:
В лаборатории химической
Бензин, анализ, реактивы!..

—

Урал — бензин! На славу — качество!
И в этом качестве — все дело!
Нет, соловьи, луна — чудачество!
Читать и слушать надоело!

—

Певцы! На горы на Уральские!
Не на Пегасе,— на дрезине!
Милей, чем все ключи кастальские,
Фонтаны — с „качеством“ в бензине!

9 июня 1929 г.

ПОДЛИННО ЧЕРНЫЙ

Американский миллиардер Кип-Райнлендер возбудил дело о разводе, возмущенный тем, что жена его скрыла наличие в ее роду негритянской крови.

Видали? Сцена недурна.
Миллионер взбешен! Он гневно сдвинул брови!
Он не выносит „черной“ крови,
Он, совесть чья черным-черна!

15 июня 1929 г.

ЗА РАБОТУ

Ушли, мелькнув, весна и лето,
И осень шлепает с зимой.
А на земле-то, на земле-то
Событий сколько, бог ты мой!
(Тьфу! Бог! Нельзя без оговорки!)
Итак, начнем-ка *„Обо всем“:*
Кого на все расчистим корки,
Кого легонько потрясем.
В своей реке — всегда с уловом.
Но вот в заморском камыше...
Тут об ином пустоголовом...
Помянешь этак крепким словом,
И то уж легче на душе!

11 сентября 1929 г.

ЧИРИЙ

В папском „государстве“ (Ватикане) числится всего 382 жителя.

Тож государство! Слышать дико.
Молитвы царство — не труда.
Такое малое, поди-ко,
А сколько от него вреда!

18 сентября 1929 г.

А ПОД БОКОМ...

Бриан в раздумии глубоком
О „Пан-Европе“. План высок:
Набаловавшися теперь германским соком,
Потом сосать „пан-европейский“ сок!
А как очнется он да кинет трезвым оком,
У Франции, взамен Германии, под боком,
Глядь, „Пан-Америки“ кусок!

18 сентября 1929 г.

ЧУВСТВУЮТ ГРОЗУ

Американская полиция открыла авиационную школу. К пулеметам и пушкам полиция сможет прибавить воздушные бомбы для подавления забастовок.

Из газет

Итак: полиция — в эфире,
А забастовщики — внизу.
О социальном пишут мире,
А шкурой чувствуют — грозу!

21 ноября 1929 г.

1930—1940

ДИВО-ДИВНОЕ, КОЛЛЕКТИВНОЕ

„Но, но, но, ты, разледащая!
Надорвала жилы все!
Эх, работа распропащая
На аршинной полосе!“

Растрепала баба косыньку,
Разомлела от серпа.
Вышла баба жать полосыньку
И нажала... три снопа!

Рядом пахоть — не аршинная!
Трактор весело гудит.
Чудо-силушка машинная
Пашне, явно, не вредит.

Урожаи диво-дивные!
Не узнать: не та земля!
Вот что значит: коллективные,
Обобщенные поля!!

3 февраля 1930 г.

РЕВОЛЮЦИОННАЯ МОЛНИЯ

Сверкает хищный глаз. Оскалены клыки.
Последний, острый взмах вредительской руки.
И — нет вредителя! Его настигла кара.

Его пронзила и сожгла
Неотразимая стрела
Молниеносного удара!
Знай, враг, шагающий к вредительской меже:
Наш часовой — настороже!

27 сентября 1930 г.

„ПЕРЕКОПСКАЯ“

Походная песня

Посвящается Краснознаменной
51-й Перекопской дивизии.

Уж как мы под Перекопом
С белым скопом
Бой вели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
С белым скопом бой вели!

—

Тлю господскую густую
Всю вчистую
Подмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всех буржуев подмели!

—

Нынче снова строят плутни
Злые трутни
И шмели.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Заграничные шмели!

—

Но... скажи нам только: „Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!“

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

—

Против нас плетут капканы
Все Брианы,
Черчилли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Лиходеи Черчилли!

—

Воют в страхе чуть живые
Биржевые
Короли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Биржевые короли!

—

Их машины и вагранки,
Биржи, банки
На мели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Вражье дело на мели!

—

А у нас иные думы.
Все в поту мы
И в пыли.
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Все в поту мы и в пыли!

—

Заводских громадин только
Эвон сколько
Возвели!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Сколько фабрик возвели!

—

Пахнет слаще нам, чем роза,
Дух навоза
И земли!

Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Прут колхозы из земли!

—

Чтоб свалить судьбу-недолю,
Всю мы волю
Напрягли!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Всю мы волю напрягли!

—

С богатырской силой дивной,
Коллективной
Не шали!
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Нынче с нами не шали!

—

А не то... нам скажут: „Хлопцы,
Перекопцы,
Навали!“
Эх-х! Лю-ли, лю-ли, лю-ли!
Где очутятся шмели?!

Почетный красноармеец 51-й
Перекопской дивизии
Демьян Бедный

23 февраля 1931 г.

НОВЫЕ ВРЕМЕНА — НОВЫЕ ПЕСНИ

Старая пословица:
„В Москву за песнями“.

Новая пословица:
„Из Москвы за песнями!“

У поэтов в оны годы
Социальный был заказ:
Воспевалися походы
На „погибельный Капказ“.

С боевым клеймом картинок
Всякий школьник был знаком.
Всем известен поединок
Делибаша с казаком:

„Мчатся, сшиблись в общем крике...
Посмотрите! Каковы?
Делибаш уже на пике,
А казак — без головы!“

Раньше были — „те“ и „эфти“.
Нынче лагерь — *общий, наш:*
Делибаш — герой Азнефти,
А казак — крепит Сельмаш!

Из завода ли иль с поля
Прежде несся стон раба:
„Эх ты, доля наша, доля!“
„Эх ты, горькая судьба!“

Клокотали в общем хоре —
Брань, проклятья, плач и вой.
„Вьется коршун — злое горе —
Над покорной головой!“

Сбит проклятый коршун! Ныне
Власть у *горя* отнята.
Нет *покорности* в помине,
Песня сделалась не та:

Нет созвучий „доли — боли“,
Новых рифм растет запас.
Взять меня: махнуть мне, что ли,
На Урал или в Донбасс?

На *Урал!* Там зреет чудо
Над *Магнитною горой!*

В Первомайский день не худо
Повидать *Магнитострой!*

А потом трубить победу:
Вот где песен я набрал!
...До свиданья, братцы! Еду
От *„Известий“* — на Урал!

26 апреля 1931 г.

БОЙЦАМ ЗА КРАСНУЮ ЖИЗНЬ

Деревенским активистам

Октябрьский праздник... Речи...
Флаги...
Нет смятых дракою боков.
Не воют пьяные ватаги
У деревенских кабаков.

Сосредоточенно и строго
Колхозник складывает речь.
Работы срочной, новой много,
И время надобно беречь.

Чересполосица и давка
Кому, отсталому, мила?
Сохе-кормилице — отставка:
Плохой кормилицей была.

Доселе дикой целиною
Идут ряды стальных коней.
Кулак лишь бредит стариною,—
Не беднякам рыдать по ней.

Как жили? Полосы делили.
Земля была худа, тесна.
И сельский „мир“ за то хвалили,
Что „на миру и *смерть красна!*“

Октябрь был битвой не напрасной,
Иным крестьянский стал уряд:
В собраньях не о „смерти красной“,
О *красной жизни* говорят.

Вперед от старого бурьяна!
Бойцы за Ленинский завет,
Вам всем от Бедного Демьяна
Октябрьский пламенный привет!

7 ноября 1931 г.

ЖИТЬ И РАБОТАТЬ!

...колоссальной важности факт, что колхозное движение, принявшее характер мощной, нарастающей *антикулацкой* лавины, сметает на своем пути сопротивление кулака, ломает кулачество и прокладывает дорогу для широкого социалистического строительства в деревне.

...Разве можно отрицать, что колхозы (я говорю о колхозах, а не лжеколхозах) представляют при наших условиях базу и очаг социалистического строительства в деревне, выросшие в отчаянных схватках с капиталистическими элементами?

Из речи И. В. Сталина на 1-й Всесоюзной конференции аграрников-марксистов в Коммунистической академии 27 декабря 1929 года.

Речь — веха. Ей всего исполнилось два года.
  В два эти года — только в два! —
Как много старого ушло из обихода,
Как много нового в свои вошло права!
Уже теперь каким рисуется уроком
Путь, измеряемый всего двухлетним сроком!
  Кулак — давно ли жег он бедноту огнем
И ночью выходил с обрезом из овина?

И вот — кулацкая крушится сердцевина:
Идет, и ширится, и крепнет с каждым днем
Антикулацкая колхозная лавина.
Антикулацкий фронт собрать, вооружить,
Социализм в деревне заложить,
В два года укрепить его очаг и базу...
Как хочется в такую пору жить!
Жить и работать без отказу!

27 декабря 1931 г.

ПЧЕЛА

В саду зеленом и густом
Пчела над розовым кустом
Заботливо и радостно жужжала.
А под кустом змея лежала.
„Ах, пчелка, почему, скажи, судьба твоя
Счастливее гораздо, чем моя? —
Сказала так пчеле змея. —
В одной чести с тобой мне быть бы надлежало.
Людей мое пугает жало,
Но почему ж тогда тебе такая честь
И ты среди людей летаешь так привольно?
И у тебя ведь жало есть,
Которым жалишь ты, и жалишь очень больно!“—
„Скажу. Ты главного, я вижу, не учла,—
Змее ответила пчела,—
Что мы по-разному с тобою знамениты,
Что разное с тобой у нас житье-бытье,
Что ты пускаешь в ход оружие свое
Для нападения, я ж — только для защиты“.

16 мая 1933 г.

ЕЖ

Где объявился еж, змее уж там не место.
„Вот черт щетинистый! Вот проклятущий бес-то!
Ну, погоди ужо: долг красен платежом!“
Змея задумала расправиться с ежом,
Но, силы собственной на это не имея,

Она пустилася вправлять мозги зверьку,
Хорьку:
„Приятель, погляди, что припасла к зиме я:
Какого крупного ежа!
Вот закусить кем можно плотно!
Одначе, дружбою с тобою дорожа,
Я это лакомство дарю тебе охотно.
Попробуешь, хорек, ежиного мясца —
Век не захочешь есть иного!“
Хорьку заманчиво и ново
Ежа испробовать. Бьет у хорька слюнца:
„С какого взять его конца?“—
„Бери с любого!
Бери с любого! —
Советует змея.— С любого, голубок!
Зубами можешь ты ему вцепиться в бок
Иль распороть ему брюшину,
Лишь не зевай!“
Но еж свернулся уж в клубок.
Хорь, изогнувши нервно спину,
От хищной радости дрожа,
Прыжком метнулся на ежа
И напоролся... на щетину.
Змея шипит: „Дави! Дави его! Дави!..
Да что ты пятишься? Ополоумел, что ли?!“
А у хорька темно в глазах от боли
И морда вся в крови.
„Дави сама его! — сказал змее он злобно.—
И ешь сама... без дележа.
Что до меня, то блюдо из ежа,
Мне кажется, не так-то уж съедобно!“

—

Мораль: враги б давно вонзили в нас клыки,
Когда б от хищников, грозящих нам войною,
Не ограждали нас щетиною стальною
Красноармейские штыки.

16 мая 1933 г.

ЛОДЫРСКИЙ ПАЕК

Вешней ласкою Алешку
Воздух утренний свежит.
Растянулся лодырь влежку
И — лежит, лежит, лежит.

Пашут пусть, кому охота,
Кто колхозом дорожит,
Для кого мила работа.
Он, Алешка, полежит.

Встала рожь густой стеною,
Спелым колосом дрожит.
Книзу брюхом, вверх спиною
Лодырь рядышком лежит.

Весь колхоз воспрянул духом:
„Урожай нам ворожит!"
Вверх спиною, книзу брюхом
Лодырь, знай свое, лежит.

Вот и осень. После лежки
Лодырь мчит с мешком в колхоз.
„Ты чего?"—„Насчет дележки!"—
„Шутишь, парень, аль всерьез?!"

Все смеются:—„Ну, и штуки ж!"
У Алешки сердце — ёк!
Обернулся в голый кукиш
Полный лодырский паек!

2 ноября 1933 г.

* * *

Мы с улыбкою презренья
Вспоминаем ряд имен,
Чьих поверженных знамен
После жаркой с нами схватки
Перетлевшие остатки
Уж ничто не обновит.

Жалок их позорный вид,
Как жалка, гнусна порода
Догнивающего сброда,
Что гниет от нас вдали,
Точно рыба на мели.
Вид полезный в высшей мере
Тем, кто с тягой к злой афере,
Злобно выпялив белки,
Против нас острит клыки!

‹1933›

МОЙ РАПОРТ XVII СЪЕЗДУ ПАРТИИ

Писатель я простой породы,
И простота — моя черта.
Мои стихи — сатиры, оды
Про героические годы —
Мои живые рапорта.

Я рапортую ежедневно,
Еженедельно, как могу,
И наношу я раны гневно
Непримиримому врагу.

Свалив противника ударом,
Я — не отравленный угаром —
Горжусь открыто — вот, гляди! —
Что знаки доблести недаром
Я на своей ношу груди.

Моих стихов лихая рота,—
Я с нею весело иду.
Моя газетная работа
У всех свершалась на виду.

Все, все нашло в ней отраженье:
Враждебной силы разложенье,
Ее погибель и погост,
Уклада старого сверженье
И новой жизни буйный рост;

И власть рабочих, и комбеды,
Борьба при *Ленине* живом,
На боевых фронтах победы
И героизм на трудовом;

Троцкизма труп зло-эмигрантский,
Что нами начисто отпет,
И образ *Сталина* гигантский
На фоне сказочных побед;

Уклон кулацкого покроя,
Убивший дряблые сердца,
И чудеса Магнитостроя,
Всех Чудостроев без конца;

Рост, несмотря на все уклоны,
Колхозных сел и деревень
И укрепленье обороны,
Готовой встретить грозный день.

От заводских громад до хаты
Искал я верной колеи,
И любо мне, что в них плакаты
Со стен беседуют — мои.

Я не писал про одалисок,
Про нежных котиков и кисок,—
Рабочей формы я стилист.
Моих стихов обширный список
Мне не вместить в печатный лист.

В них были промахи, не скрою
(Впадают в дурь и мудрецы!),
Но удавалось мне порою
Давать в работе образцы.

Сквозь поэтическую давку —
Наперекор моим годам —
Иду, неся мой паспорт-справку,
Что в инвалидную отставку
Не так-то скоро я подам.

Но как бы ни был век мой краток,
Коль враг пойдет на нас стеной,
В боях, в огне жестоких схваток
Я дней и сил моих остаток
Удорожу тройной ценой.

Пусть грянут вражьи тулумбасы!
В грядущей грозной полосе,
Когда в боях столкнутся массы,
Узнает враг, кривя гримасы,
Что я — не перепел в овсе,
Что я — певец рабочей массы,
И что мои огнеприпасы
Еще истрачены не все!

‹1933›

ЦВЕТЕНЬЕ ЖИЗНИ

Цветенье жизни радостно и пестро,
Над ним простерт воздушно-синий зонт.
Но опытен наш вождь и смотрит остро,
Обозревая горизонт.
Он говорит. Спокойная, прямая,
Достоинства исполненная речь.
Словам вождя взволнованно внимая,
Мы в памяти все, все хотим сберечь —
От формулы и до щедринской сценки,
Весь ход и стиль критической оценки
Вещей, событий и людей,
Всю глубину, все краски, все оттенки
Кристаллизованных идей.
Как ярок блеск магических кристалин!
Мы на вождя восторженно глядим.
— *Наш вождь и друг, товарищ Сталин,*
С тобой наш фронт непобедим!

2 февраля 1934 г.

УВЕРЕННАЯ СИЛА

Бойцы и вождь. Единая семья.
Горят глаза отвагою орлиной.
Завороженный, думал я:
Жизнь героической оформилась былиной.

Вот — от станка и бороны —
Рожденные из глубины
Могучих недр народной силы нашей,
Богатыри родной советской всей страны
Сидят с вождем своим за дружескою чашей.
И как далек их юный, крепкий рост
От старости, надломленной и хилой!
Звенят слова, и дышит каждый тост
Уверенной в себе, спокойной силой.
Все те, кто, в бешенстве над пропастью скользя,
Пытается нас взять нахвальщиной отпетой,
Рискуют — в горький час узнать, что с силой этой
Шутить нельзя!

2 мая 1934 г.

СИМФОНИЯ МОСКВЫ

И красочный и песнозвонный
Весь день — такой неугомонный! —
Звенел в ушах, сверкал в очах.
Москва, отпраздновав Октябрьский день парадом,
Вся изукрашена сверкающим нарядом,
Купалась вечером в прожекторных лучах.

Так было радостно, торжественно-бравурно!
Так необычен был для глаз
Людской поток, спадавший бурно
К проспектам, зримым в первый раз.

В Охотном выросли два дивных исполина.
Как будто лампа Аладина
Их в ночь в одну произвела.
На месте Моховой асфальтная долина
Волшебным видом расцвела.

Проспект, ликующий и светом и простором,
Открылся удивленным взорам
Там, где бесследно сметены
Остатки хилой старины:
Поросшей мхом, покрытой сором
Китайгородской нет стены!

Затмивши древности величие седое,
Там, где грядущего строительства крыльцо —
Ряд площадей слился в одно полукольцо,
Явилось нам Москвы советски-молодое,
Неузнаваемо прекрасное лицо.
С сияющих витрин перед народной гущей,
Перекрывая гул восторженной молвы,
Звучала красками строительной канвы
Архитектурная симфония грядущей,
Великой, Сталинской, победно-всемогущей,
Гранитно-мраморной Москвы!

10 ноября 1934 г.

К ОТВЕТУ!

Есть радость в творческом гореньи,
Присуща силе красота,
Мысль напряженная в пареньи,
Ясны — в волшебном озареньи —
Даль, глубина и высота.
В борьбе геройской и опасной
Жизнь представляется другой —
Такой приманчиво-прекрасной,
Такой бесценно-дорогой;
Так жаждешь каждое мгновенье,
Чтоб полноценный дали плод
И сердца каждое биенье
И мысли каждый поворот,
Не утерять чтоб малой крохи
Из дел великих, из идей
Незабываемой эпохи
Незабываемых людей;
Так жаждешь в винтик претвориться,
Ремнем по валикам ходить,
В рабочей массе раствориться
И в общем фронте победить!
Но пригвожденным к делу взглядом,
Не озираяся кругом,
Недосмотреть легко, что рядом

Ползет, смертельным полный ядом,
Злой гад, подосланный врагом,
Врагом, не прямо, так окольно
Ведущим линию свою.
Урок получен. С нас довольно.
Убийц — на общую скамью!
Слова? Им нету больше веры.
Дела? Мы видели дела.
Предатели и лицемеры
Берут прицел из-за угла.
Коварство их — оно пред нами,
Разоблаченное насквозь.
Мы с их знакомы именами,
Все те ж они, звучат не врозь,
Те ж языки и те же перья.
Лжецы, искавшие доверья,
Должны ответить все — пора! —
Ученики, и подмастерья,
И — вместе с ними — „мастера“,
Все, кто в прохвостах обалдело
Своих пророков признавал,
И — кто пустил оружье в дело,
И — кто оружье им ковал!

23 декабря 1934 г.

ДО НОВОЙ ВСТРЕЧИ

В момент торжественно-серьезный
Гремела песней зала вся.
...Ушли на подвиг на колхозный,
С собою образ грандиозный
Вождя и друга унося
И унося с собою гордость
Не только им, но и собой,
Своею радостной судьбой,
Пред миром всем явившей твердость
Того, что́ добыто борьбой,
Что́ — если день настанет грозный —
Покажет всем, что строй колхозный
Вмиг из ограды трудовой
Оградой станет боевой.

Друзья мои, до новой встречи!
Мужик природный, „столбовой“,
С какою радостью живой
Я жадно слушал ваши речи!
Как много дали мне они!
Мне показались эти дни
Сплошною сказкою волшебной
По силе творчески-целебной
И ваших слов и ваших дел.
На вас глаза я проглядел.
В быту взращенный стародавнем,
Я вспоминал свой „отчий дом“,
Избу, стоявшую с трудом,
Окно слепое с ветхим ставнем,
Пустой сарай, амбар пустой,
Среди двора бурьян густой,
Соседей рваных и соседок,
Детей, ходивших нагишом,
Все, что терпел я малышом
И от чего — пример не редок —
Сбежал я в город напоследок.
Я расскажу когда-нибудь,
Какой прошел я тяжкий путь.
О нем лишь к слову говорю я.
Его, не плачась, не горюя,
Будь этот путь трудней стократ,
Преодолеть я был бы рад,
Чтоб, несмотря на все подвохи,
Что жизнь чинила мне порой,
Дожить до радостной эпохи,
Несущей миру новый строй,
Дожить до этой встречи с вами,
Упиться вашими словами
О том, что прошлому — капут,
Что не страшны его угрозы,
Что в деревнях и там и тут
В достатке крепнущем растут
Культурно-крепкие колхозы.
Как много хочется сказать!
Но трудно мне слова низать.
Я пел, когда я был моложе,
Как птица вешним днем в лесу,—

Теперь пишу я реже, строже,
Любое слово на весу.
К чему восторженные „охи“
И пестрых красок карусель?
Мы все — работники эпохи,
Какой не видел мир досель.
Мы строим, учимся, мы пашем
И — кулаками зря не машем.
Мы сами чувствуем свой рост,
Язык речей на съезде вашем
Был деловит и крайне прост.
А сколько было в нем кристалин,
Достойных речи мудреца!
И как ловил их жадно *Сталин*,
Не пропускавший ни словца!
Венчало сталинское „браво!“
Удачный мысли оборот.
Нет, как же выросли мы, право!
Неузнаваемый народ!

На этом свой привет кончаю,
Кончаю просто, без прикрас.
До съезда третьего, я чаю,
Поговорим еще не раз.

18 февраля 1935 г.

НОВАЯ ГЛАВА

О людях. Надо их беречь!..
Взволнованный и потрясенный,
Крепяся, чтоб не дать слезам потечь,
Я голову склонил и слушал речь,
Воспоминаньями в былое унесенный.
Беречь людей!..
Предстала предо мной,
Вместившися в обзор молниеносный,
Вся жизнь моя, вся жизнь страны моей родной,
Весь старый быт ее — жестокий, темный, косный.
Беречь людей!..
Их разве берегли

В века минувшие, кабально-трудовые?
Не миллионами ль в могилах полегли
    Народных сил ростки живые?
Беречь людей!..
    Два слова. Только два.
    Но эти краткие слова
Не говорят ли нам — сквозь вещие всполохи, —
Что открывается в них новая глава
    Великой Сталинской эпохи?

11 мая 1935 г.

ПЕРВОЕ СЛОВО

(Пленуму Союза советских писателей, назначенному в г. Минске и посвященному советской поэзии)

Через Минск шли части фронтовые,
На панов шли красные бойцы.
Я тогда увидел вас впервые,
    Белорусские певцы.
Не забыть мне кипы книжных связок
    Белорусского письма.
От легенд от ваших и от сказок
    Я тогда сходил с ума.

Нынче жизнь все сказки перекрыла.
Бодрый гул идет со всех концов.
И летит — звонка и быстрокрыла —
В красный Минск семья родных певцов
Из Москвы, из Киева, Казани,
    Из Тбилиси, из Баку,
Сходных столь по духу их писаний,
    Разных столь по языку.

Речь пойдет о мастерстве о новом,
О певцах, о всех и о себе,
Но средь слов пусть будет первым словом
Ваше слово о борьбе,
О борьбе, которой нету краше,
О борьбе, которой нет грозней,

О борьбе, в которой знамя наше
Возвестит конец фашистских дней,
О борьбе великой, неизбежной,
Мировой, решающей борьбе,
В коей мы призыв к семье мятежной,
Боевой, рабоче-зарубежной,
Позабыв на срок о флейте нежной,
Протрубим на боевой трубе!

8 февраля 1936 г.

ХУДОЖНИК, БОЕЦ, ДРУГ

Художник удивительной судьбы,
Боец несокрушимейшей удачи,
Друг класса, сбившего дворянские гербы,
И буревестник классовой борьбы...
Дать верный лик его — труднее нет задачи.
Отдавший жизнь свою великой цели, он,
Чей путь был боевым и мудро-человечным,
Войдет в советский пантеон
Художником, бойцом и нашим другом вечным!

<1936>

РАСТЕТ СТРАНА

(Из цикла „Родина")

Когда, волнуясь, я прочел
Законов сталинских скрижали,
Мне показалось: сотни пчел
Вокруг внезапно зажужжали,
Запели рядом соловьи,
В окно приток живой струи
Внес полевые ароматы...
И в этот час, друзья мои,
Я отстегнул броню и латы
И отложил колчан и меч.
Каких не знал я с ними сеч!
В какие их не брал походы!

Мне показалося, что с плеч
Упали прожитые годы,
Что предо мною впереди
С пути исчезло все худое,
Что в молодой моей груди
Вновь бьется сердце молодое, —
И услыхал я голос — чей?
Казалось, знойных дней услада,
Звенит серебряный ручей
Средь очарованного сада.
С той стороны, где пламенел
Восход, разлившийся безбрежно,
То голос девичий звенел
И упоительно и нежно.

„Я родилася и живу
В стране свободной и счастливой.
Я вижу сказки наяву
Сквозь утреннюю синеву
Над колосящеюся нивой.

Везде — вблизи, вдали, кругом, —
Границ для творчества не зная,
Окрепшая в борьбе с врагом
Растет страна моя родная.

Средь дивных подвигов труда
И в вёдро ясное и в грозы
Растут в ней чудо-города,
Заводов мощная чреда
И плодоносные колхозы.

Юг, север, запад и восток
Слились в один электроток
С Москвою, радостной столицей.
Я в этот творческий поток
Вольюся творческой частицей.

Хочу со всеми наравне
Расти культурно с каждым годом.

О, как хотелося бы мне
В моей родимой стороне
Быть самым лучшим садоводом!

Мичурин был. Его уж нет.
Он был великим чудодеем.
О, если б мне узнать секрет,
Как дать невиданный расцвет
Его заветам и идеям,
Чтоб превратились города
В сады тенистые и парки,
Чтоб мак расцвел и резеда
Там, где железная руда
Стремится в пламя сталеварки;

Чтоб дуб и клен, сквозь царство хвой
Дойдя до Арктики самой,
Где ледяные рвут пороги,
Зеленой обвели каймой
Все улицы и все дороги;

Чтоб там, где в мусоре, в пыли
Серели тощие осины,
Весной магнолии цвели
И летом зрели апельсины;

Чтоб на заводах средь станков,
В домах рабочих и в столовых
Глаза ласкал бы вид цветков,
Цветков невиданных и новых;

Чтоб межевые тополя
Срослись в защитные аллеи,
Чтоб на колхозные поля
Не прорывались суховеи;

Чтоб там, где нашу мощь и честь
Хранят советские дозоры,
Вдоль всех границ, какие есть,
Могли приманчиво расцвесть
Садов пленительных узоры!

Демьян Бедный

Дружеский шарж художника Дени. 1936.

И я сказала бы тогда
Всем нашим братьям зарубежным,
Всем, всем невольникам труда,
В трущобах чьих живет нужда
И дышит воздухом ночлежным:

„Друзья, взгляните все сюда,
На наши села, города
С их достояньем всенародным,
На все, чем наша власть тверда,
Чего в геройские года
Достигли мы трудом свободным:

От мест, где недр земных наклон
Дает нам руд мильярды тонн,
И до любой площадки детской
Здесь дышит сталинский закон,
Дух Конституции советской.

Он дышит всюду и везде,
Он правит творческой волною,
Он — в нашем радостном труде
И в каждом сладостном плоде,
Любовно выращенном мною.

Вы, все, кто жаждет свергнуть ад
Любой страны фашистской дикой,
Войдите в мой цветущий сад,
Сад родины моей великой.

Но если... если, вместо вас,
Осатанелые от злости,
Для нападенья выбрав час,
Иные ринутся к нам гости,

Свой полк на фронте я найду
И, приколов к мундиру ветку,
В атаку первою пойду
И первой вызовусь в разведку;

С винтовкой меткою в руках
Я покажу своим ударом,
Что в ворошиловских стрелках
Я числюсь снайпером недаром!“

—

Очнулся я. Передо мной
Газеты свежие лежали.
В них был закон наш основной,
Законов сталинских скрижали.

Их смысл всемирный разобрав,
Сказал я, помня вражий нрав,
Присущий нашему окружью:
„Да, голос девичий, ты — прав!“
И потянулся вновь к оружью.
В преддверии грозовых сеч
За торжество всемирной даты
Я вновь надел колчан и меч
И застегнул броню и латы.

1936

ГЕРОИЧЕСКАЯ ПАМЯТКА

Все крепче темпы, сжатей сроки.
Маяк победы все видней.
В какие огненные строки
Вместить величье наших дней?

Пред миром всем под стягом алым
Стоит — культурна и сильна —
Вся героизмом небывалым
Преображенная страна.

На ней не сказочной ли метки,
Не скороходы ль сапоги?
Какие нашей пятилетки
Феноменальные шаги!

Дарит нас дивными дарами
Живого творчества роса

В необозримой панораме
Необозримая краса:

Где были нищие кочевья,
Сухие травы и кусты,
Растут волшебные деревья,
Цветут волшебные цветы;

Где изнывал народ от муки,
Неся наследья тяжкий груз,
Там Храм Труда и Храм Науки
Вступили в творческий союз;

Преграды все и все затворы
Народной силой сметены,
Необозримые просторы
Советской осью скреплены.

Творцы невиданной культуры,
Бойцы невиданных фронтов,
Мы сталь своей мускулатуры
Включили в лозунг: „Будь готов!"

Да, мы готовы — без нахвалки.
Пусть знает враг и верит друг:
— Кто нам в колеса ставит палки,
Легко останется без рук!

На всю фашистскую свирепость
Ответим словом боевым:
— Кто посягнет на нашу крепость,
Тот не останется живым!

Социализм в стране построив
И укрепив кольцо границ,
Мы знаем: мы — страна героев,
Но не героев-единиц.

Нет, мы десятки миллионов
Для боевых своих заслонов
Бойцов-героев создаем.
Враг подсылает к нам шпионов,
Мы им пощады не даем.

И не дадим врагам пощады,
Коль, обезумевши вконец,
Рискнут фашистские отряды
Нюхнуть наш порох и свинец.

Шумна фашистская галерка.
Но от Москвы и до Нью-Йорка,
Всем миром — подвиг чей воспет?
Наш Громов, Чкалов — вся шестерка! —
Не наш прямой залог побед?

Их славный подвиг гениален
В своей невиданной красе.
А кто их выпестовал? — *Сталин!*
А кто за *Сталиным?* — Мы — все!

Фашисты — в чаяньи победы —
Вопят истошно в дикий глас:
У них-де „рыцарские деды".
Но были деды и у нас!

Фашистам русские уроки
Изрядно следует учесть.
Об Александре Невском строки
У самого у Маркса есть.

Как били немцев новгородцы!
Пусть, испытуя грозный рок,
Фашисты, внуки-полководцы,
Припомнят дедовский урок.

Напомнить „внукам" не пора ли,
Сколь дух их „дедов" был геройск.
— „На-по-ле-он!!" — И „деды" драли,
Любую крепость отпирали,
Завидя взвод французских войск.

Не с немцев брали мы примеры,
Когда в „Двенадцатом году" —
Какой грозе создав барьеры! —
С наполеоновской карьеры
Сорвали пышную звезду.

В войне последней — кто порочил
Наш всенародный героизм?
Втянул нас в бойню, нас морочил
Наш распроклятый враг — царизм.

И все ж не сбились мы со следу.
Найдя врага в его норе,
Не величайшую ль победу
Мы одержали в Октябре?

Иль не рабочий класс немецкий,
Грозя фашистский сбить ярем,
Считает наш Октябрь Советский
Всепролетарским Октябрем?!

Не на шестой ли части света
Нет больше рабского клейма?
Вот почему победа эта
Фашистов сводит так с ума!!

И коль они в безумьи яром
Нам заявить рискнут: „Война!“,
Мы им покажем контрударом,
Как наша родина сильна,

На героизм какого рода
Она способна в дни похода —
Всего советского народа
Несокрушимая стена!!

1937

СТРАНА ЛЮБУЕТСЯ

Поэт заслуженно любим и знаменит,
И стих его в сердца сограждан проникает,
Когда народным счастьем он сверкает
И радостью народною звенит.

Страна любуется героями своими.
И красная Москва, и красный Ленинград,
И вся страна, возглавленная ими,
Уже произнесли излюбленное имя.

Народный голос — он, как мощный водопад,
Как волн морских прибой, стихийно-музыкален.
Симфонией звучит предвыборный доклад.
Ликующий финал: „Народ наш гениален,

И знает он, кому даст первый свой мандат!“
В ответе громовом слилися стар и млад:
„Да здравствует товарищ *Сталин*,
Наш гениальный вождь, наш первый депутат!“

Великих наших дел всемирные уроки
Пред высшей датою истории своей.
Она уже близка, и к ней все ближе сроки.
Счастливый, радостный, я посвящаю ей
Свои восторженно-взволнованные строки.

25 октября 1937 г.

1941—1945

Я ВЕРЮ В СВОЙ НАРОД

Пусть приняла борьба опасный оборот,
Пусть немцы тешатся фашистскою химерой,
Мы отразим врагов. Я верю в свой народ
    Несокрушимою тысячелетней верой.

Он много испытал. Был путь его тернист.
Но не затем зовет он родину святою,
    Чтоб попирал ее фашист
    Своею грязною пятою.

За всю историю суровую свою
Какую стойкую он выявил живучесть,
Какую в грозный час он показал могучесть,
Громя лихих врагов в решающем бою!
Остервенелую фашистскую змею
    Ждет та же злая вражья участь!

Да, не легка борьба. Но мы ведь не одни.
Во вражеском тылу тревожные огни.
    Борьба кипит. Она в разгаре.
Мы разгромим врагов. Не за горами дни,
    Когда подвергнутся они
    Заслуженной и неизбежной каре.

Она напишется отточенным штыком
Перед разгромленной фашистскою оравой:
„Покончить навсегда с проклятым гнойником,
Мир отравляющим смертельною отравой!“

7 ноября 1941 г.

ЯРОСТЬ

В работе яростно-кипучей
Юг, запад, север и восток.
Все полноводней, все могучей
Соревновательный поток.

Пласты глубокие взрывая,
В народных недрах открывая
Ключи энергии живой,
Вступила ярость трудовая
В соревнованье — с боевой.

В строю и молодость и старость,
Все — в напряженьи, все — в бою.
Страшней нет ярости, чем ярость
В борьбе за родину свою!

1942

ПОМЯНЕМ, БРАТЬЯ, СТАРИНУ

О поле, поле Куликово,
Врага ты видело какого!
Здесь бились русские полки,
И пахари, и рыбаки,
Удары грудью принимая,
Они свершили свой обет:
Им показала свой хребет
Орда свирепого Мамая!

Враг новый рыщет на Дону,
Помянем, братья, старину,
Почтим и прадедов и дедов,
Ударим так, чтоб никогда
Уж не воспрянула орда
Осатанелых людоедов!

1942

ЭТО — ТО, ЧТО НУЖНО!

Недостаток кожи и ее заменителей вынудил советское командование выпустить обувь для войск — из сукна.
Можно себе представить, как тяжело сражаться русским в мороз в этой обуви!

Римское радио 19/XII 1942 г.

Ай да Бенито! Влип знаменито!

Новая итальянская пословица

Муссолини — речь о нем! —
Разболтался дуче,
Мол, у русских с каждым днем
Положенье круче,

Что дела их, видит бог,
Никуда не гожи:
Русский фронт насквозь продрог,
Потому что нет сапог —
Нехватает кожи!

В довершение всех бед
При заторе с кожей
Никакой замены нет,
На нее похожей.

Но у русских — к их стыду —
Чтоб смягчить свою беду,
Сыскан в нынешнем году
Выход их исконный:
Так — у них в большом ходу
Стал сапог... суконный!

Жалко дуче русских ног?
Нет, — он зло смеется.
Он, болван, узнать не мог,
Что суконный наш „сапог“
Валенком зовется!

Брех понес о нем сплошной,
Брех нелепый и смешной,
Муссолини злобный.
Русский валенок родной,
Легкий, теплый, шерстяной
До чего хорош зимой,
До чего удобный!

Он в морозы и в снега
Серо пусть — на взгляд врага —
Выглядит наружно.
Да согрета в нем нога!
Вот чем обувь дорога!
Стало быть, что нужно!

Верный друг наш, он вдвойне
Нам дороже на войне
Зимней да морозной.
До чего ж охота мне
Городской вскричать родне
И родне колхозной:

Марья, Дарья, Митрофан,
Сашенька с Феклушей,
Епифан и Селифан,
Тетя Феня, слушай,
Слушай, дядя Ферапонт:
Шлите валенки на фронт!
Шлите срочно, дружно!
Это — то, что нужно!

<1942>

НАРОДНЫЙ ОТВЕТ

Да, наш народ породы стойкой;
Свой фронтовой крепя заслон,
Врагу ответил он постройкой
Колхозных танковых колонн.

Колхозным боевым ответом
Ошеломлен фашистский сброд.

Как он сказался в деле этом —
Весь осиян победным светом —
Наш удивительный народ!

1942

НАРОДНОЕ МУЖЕСТВО

Мир не видал таких осад,
Какой был осажден могучий Сталинград.
Уж полчищ вражеских несчетные бойницы
Приблизились почти до волжских берегов,
Но город-богатырь, разгладив рукавицы,
Обрушил свой кулак на головы врагов,
И вот у вражьих тел, застывших средь снегов,
Замерзшие глаза расклевывают птицы!

Не так ли русскому Илье-богатырю,
Чьей доблести пример нам особливо дорог,
„Я белу грудь твою вспорю!“ —
В тягчайший час борьбы грозился лютый ворог?
Но богатырская рука была туга:
Илья ударом в грудь дух вышиб из врага
И, мстя нахвальщику, исполнен гневной страсти,
Труп разметал его на части!

Как много говорит народный этот сказ!
В нем есть пророчество, в былинном сказе этом:
Да, нашей Родине пришлось врагов не раз
Подобным потчевать ответом!

—

Не раз вторгались к нам враги со всех сторон,
Но, отражая их вторженье,
Мы не склоняли, нет, простреленных знамен
И, как завет былых времен,
Всю мощь собрав, несли врагу — уничтоженье!
Так, силясь обратить в пустырь
Цветущий Сталинград, злой враг удары множил.
Но мести час приспел, и волжский богатырь
Всю вражью нечисть уничтожил!

Победу, равную какой не видел свет,
Встречает наш народ восторженным приветом:
Среди блистательных побед
Она отмечена своим, особым, светом:
В ней — прошлого итог и образец векам,
В ней — нашей доблести высокой утвержденье,
В ней — гробовой удар по вражеским полкам,
В ней — плана вражьего крушенье,
В ней — будущим, еще не явленным, врагам
Суровое предупрежденье.

Непобедима та страна, борьбу ведя
Под солнцем славы незаходным,
Где гениальный план вождя
Пронизан мужеством народным!

⟨1943⟩

НАРОДНЫМ ГЕРОИНЯМ

Сестры наши и подруги,
Вашу доблесть и заслуги,
Ваши подвиги-дела
Свято чтя, страна родная,
Честь геройству воздавая,
Лавром славы обвила
Мрамор вашего чела!

Сестры, мы ль бесславно сгинем?!
Солнце знает в небе синем,
Что мы боремся — за свет!
Враг упрется — опрокинем!
Горы встанут — горы сдвинем,
Продолжая путь побед!

Вам, народным героиням,
Братский праздничный привет!

⟨7 марта 1943 г.⟩

ВОЛК-МОРАЛИСТ

Басня

> Воздушные бомбардировки городов противоречат законам этики.
>
> *Заявление немецкого генерала авиации Кваде.*

Расскажем басенку, тряхнем... не стариной.

—

У деревушки у одной
На редкость лютый волк в соседстве объявился:
Не то, что, скажем, он травою не кормился,
А убивал ягнят
Или телят, —
Нет, он свирепостью был обуян такою,
Что людям не давал покою
И яростно грибной и ягодной порой
Охотился за детворой.
Не диво, что вошел волк этот лютый в славу:
Мол, вепрю он сродни по силе и по нраву,
И в пасти у него впрямь бивни, не клыки.
Засуетились мужики.
На волка сделали облаву.
„Ату его! Ату!“ — со всех сторон кричат.
Лишася вскорости волчихи и волчат,
Волк стал переживать, как говорится, драму:
„У мужиков коварный план.
Того и жди беды: не попадешь в капкан,
Так угораздишь в волчью яму...
Нагрянут мужики... Возьмут тебя живьем...
Какой бессовестный прием!..
Бить будут!.. Насмерть бить!..“ —
Волк жалобным вытьем
Весь лес тут огласил, из глаз пуская жижу:
„И уверял меня еще какой-то враль,
Что, дескать, у людей есть этика, мораль!
Ан этики у них как раз я и не вижу!“

⟨*1943*⟩

ЗА НАМИ — РОДИНА СТОИТ!

Россия, — слово о тебе,
О сказочной твоей судьбе,
О мощи, гибельной для наглых сумасбродов,
Пытавшихся грозой грабительских походов
Сжечь все, что в доблестном твоем стоит гербе,
О крепости твоих стальных основ и сводов,
О героическом, испытанном в борьбе
Содружестве твоих народов!

Многоплеменная великая семья!
В едином строе бытия
Она слилась в одно и кровно и духовно:
Мухтара мужеством любуется Илья;
О подвигах Ильи, восторга не тая,
Мухтар слагает песнь любовно;
Самед на смерть идет, чтоб не погиб Семен;
Собою жертвует Семен за жизнь Самеда,
И перекличка их имен
Гремит в боях вокруг священных их знамен,
Пароль их — Родина, и лозунг их —
победа!

Враг угрожает их родным полям, лесам,
Родным лугам, горам, ущельям и долинам.
Прислушайся к бойцам, к их грозным голосам:
То рядом исполин с могучим исполином
В бой ринулись в строю едином,—
Презренье, ненависть и месть фашистским псам
В их львином натиске, в полете их орлином!

Сурово-боевым содружеством горды,
Бойцы прошли сквозь дни неслыханной страды,
Деля совместные и радости и беды,
И осеняет их ряды
Крыло сверкающей *Победы!*

Но потесненный враг еще не сломлен, нет!
Канун блистательных побед
Есть боевой канун наигрознейшей схватки.

Былинный помнить мы обязаны завет:
„Не порешив врага, богатырям не след
Средь чиста поля на обед
Открыто разбивать палатки.

Пока не размозжил ты черепа змеи,
Успокоения не ведай!“
Нам предстоят еще тягчайшие бои
Пред тем, как увенчать все подвиги свои
Всесокрушающей победой!

Фашистский лютый гад до смерти ядовит,
Он яд опаснейший к концу борьбы таит.
Богатыри, добьем израненного гада!
За нами *Родина стоит!*
Победа — доблести награда!

25 февраля 1943 г.

ЗВЕЗДЫ ВЕЧНОЙ СЛАВЫ

В честь победителей и мастеров войны
От имени родной страны,
Всех городов ее и самой дальней хаты,
По всей Москве гремят и вдаль разнесены
Салюта мощные раскаты,
И звездной россыпью, распространяя свет,
В ночную синь небес взвились огни ракет.

Незабываемо-волшебная минута
Сменяется другой. И пушки уж молчат,
Но в сердце музыкой победною звучат
Раскаты гордого салюта!

Уж нет огней ракет, но синий небосвод
Весь в звездной россыпи; бессмертно-величавы,
Свершают звезды в нем свой лучезарный ход,
И сердцем чувствует восторженный народ:
То — звезды вечной нашей славы!

⟨1943⟩

ПО ГОСТЮ — ВСТРЕЧА

Басня

В деревне был мужик Хаврош, головорез,
Он бесперечь со всеми в драку лез,
Чужое загребал, не за свое боролся.
Косясь давно уж на Фому,
В избу — непрошенный — вломился он к нему,
Решил: врасплох его возьму!
Не на такого напоролся:
Был встречен так Хаврош Фомой,
Что еле, еле
С кровавыми отметками на теле
Дополз домой.
Деревня вся далася диву:
„Хаврош-то, слышали? Поди теперь его
Не будет уж тянуть к чужому пиву!“ —
„Да, встретил, друг Фома, Хавроша ты... тово...
От угощенья твоего
Ему остаться вряд ли живу!“ —
„Как мог, так гостя привечал, —
Фома с улыбкой отвечал, —
Неважно встретил. Делать неча.
Какой был гость. По гостю — встреча“.

У немцев стынет кровь от фронтовых вестей:
Не чаяли такой закуски.
Что делать? Русские — непрошенных гостей
Привыкли мы встречать по-русски.
Вломились „гости“ к нам — враги.
Так „по гостям и пироги“!

19 августа 1943 г.

ВСТРЕЧА

Бескрайной гладью снеговою,
Свершив последний свой обход,
Увенчан славой боевою,
Уходит в вечность старый год.

Сверкая бранною кольчугой,
За ним, грозя врагам бедой,
Идет походкою упругой
Его преемник молодой.

В урочный миг, в какой ни звука
Не уловить, ни огонька,
Была их встреча и разлука
Неуловимо коротка.

Один вступил в свое начало,
Другой свою исполнил роль,
И в двух сердцах одно звучало:
— *Победа* — лозунг и пароль!

1 января 1944 г.

ЛЕНИН — С НАМИ!

Высоких гениев творенья
Не для одной живут поры:
Из поколений в поколенья
Они несут свои дары.

Наследье гениев былого —
Источник вечного добра.
Живое ленинское слово
Звучит сегодня, как вчера.

Трудясь, мы знаем: *Ленин — с нами!*
И мы отважно под огнем
Несем в боях сквозь дым и пламя
Венчанное победой знамя
С портретом *Ленина* на нем!

21 января 1944 г.

ВОССТАНОВИТЕЛЬНАЯ РАБОТА

Какая жуткая картина разоренья
В местах, где изгнана фашистская орда!
Как много приложить нам надобно труда,

Чтоб вновь восстановить сожженные селенья,
Колхозы, фабрики, заводы, города!

Труд этот начался в размахе небывалом:
Вновь исправляются пути и провода;
С машинами, с материалом
В сожженные места стремятся поезда.

Отрадно знать бойцам на суше и во флоте,
Что наш народ — семья одна,
Что весь в хозяйственной и фронтовой заботе
Наш тыл не ждет, пока окончится война:
Восстановительной работе
Спешит на помощь вся страна!

⟨ *1944* ⟩

В ЛЕТНИЙ ДЕНЬ НА РЕКЕ

Шумят детишки на реке.
Одни купаются, другие
Нашли приют на островке,
Тела их бронзово-тугие
И целомудренно-нагие
Блестят в воде и на песке.
Как жизнью, как детьми своими,
Залюбовалось солнце ими.
Приветно с берега реки
К ним наклонились тростники.
Во всей природе столько неги!
Отрадна летняя пора.
Цветите, юные побеги!
Расти, родная детвора!

Оберегая ваше детство,
Своей мы жизни не щадим.
Мы величайшее наследство
Любовно вам передадим.
Храня его, в его защите
Вы, превратясь в стальных бойцов,
Бессмертной славой завершите
Путь героический отцов!

⟨ *1944* ⟩

РУСЬ

Где слово русских прозвучало,
Воспрянул друг и враг поник.
Русь — наших доблестей начало
И животворных сил родник.

Служа ее опорой твердой
В культурной стройке и в бою,
Любовью пламенной и гордой
Мы любим *Родину* свою!

Она — поборница свободы.
Ее овеяны теплом,
Находят братские народы
Защиту под ее крылом.

Несокрушимою Державой
Объединясь в одну семью,
Словами песни величавой
Мы славим *Родину* свою!

Мы приближаемся к порогу
Неомрачимо-светлых дней.
Нам *Ленин* указал дорогу,
И *Сталин* нас ведет по ней.

Крепя ученья их основы
В работе мирной и в строю,
Мы на смерть стать всегда готовы
В борьбе за *Родину* свою!

1 января 1945 г.

ВРАГА ПОЩАДИТЬ — В БЕДУ УГОДИТЬ

Басня

В пастуший, в золотой, как говорится, век
Жил-был пастух, добрейший человек.
По доброте своей безмерной,
Когда в степи он стадо пас,
Он даже как-то волка спас
От смерти верной, —

Надежным псам, точней сказать,
Он не дал волка растерзать:
„Острастку сделали, — сказал он, — и прекрасно!“
Волк, дескать, тоже божья тварь
(Пословица была такая встарь!),
Так что ж губить его напрасно?
Он волка пожалел. Но не прошло трех дней,
Как вышла пастуху за доброту награда:
Волк выбрал ночку потемней
И вырезал у пастуха полстада.

Пастух, конечно, был классический дурак, —
Мы скажем так,
Судя по скорбным результатам.
Фашистским прихвостням и всем их адвокатам
Из басни вывод мы подносим, он таков:
Уничтожение волков
Должно законом быть в обычае пастушьем.
Мы за друзей стоим горой. Спокон веков
Известны мы своим радушьем,
Но, скажем господам иным за рубежом,
Врага, что сердце нам хотел пронзить ножом,
Не склонны мы дивить своим великодушьем.
Мы перед *Родиной* ответственны во всем
И пред *потомками*. Пусть знают „адвокаты“:
Фашизму не избыть расплаты,
Ему мы голову снесем!

22 января 1945 г.

ЛЕНИН — СТАЛИН

Ленин — Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья Родины залог.

Путь грядущих поколений
Этим словом освещен.
Всенародный мудрый гений
В этом слове воплощен.

С ним, прославленным всесветно,
Трудовой и боевой
Мы — отважно, беззаветно! —
Совершаем подвиг свой.

Это слово всюду с нами,
Вдохновитель всех побед.
Это слово — наше знамя,
Клятва наша и обет!

Ленин — Сталин! В этом зове
Нам священен каждый слог.
В двуедином этом слове
Счастья Родины залог!

22 апреля 1945 г.

ПРАЗДНИК ПОБЕДЫ

Вождю, бойцам, стране родной,
Народу, вставшему за Родину стеной,
Поем восторженно мы славу!
Победа куплена великою ценой.
Враг не осилил нас преступною войной,
И отстояли мы Советскую державу!

Враг сломлен: сокрушен его военный пресс,
Посрамлена его военная кичливость.
Победу празднуют гуманность, и прогресс,
И мировая справедливость!

Как радостно звенят сегодня голоса!
Как солнце щедро шлет в столице, в селах — всюду
Весенний яркий свет восторженному люду!
Победный алый стяг взметнувши в небеса,
Ликует Родина. Живой воды роса
Упала на ее поля, луга, леса.

Победной гордостью полны — ее обличье,
Ее могучая краса,
Ее суровое величье!
Как многоцветен, как богат ее убор!

В победно-радостный, единый, братский хор
Слилось народностей ее многоязычье!

Былинным нашим кузнецам,
Ковавшим мощную броню родным бойцам —
Волшебную броню по ковке и по сплаву,
Душевной красоте советских матерей,
Вскормивших сыновей — бойцов-богатырей,
Чьей бранной доблестью гордимся мы по праву,—
Народным подвигам в работе и войне,
Вождю народному и всей родной стране
Мы возглашаем гордо славу!

9 мая 1945 г.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ И ПОЭМЫ

ПРО ЗЕМЛЮ, ПРО ВОЛЮ, ПРО РАБОЧУЮ ДОЛЮ

Повесть

Часть первая

ЦАРСКАЯ ВОЙНА

Запев

Ну-тка, милые мои!
Сладко свищут соловьи
По весне в зеленой роще.
Наша песенка попроще,
Где уж нам да сладко петь!
Нам бы горе дотерпеть,
Вековое наше горе.
Не забросить горя в море,
Не спалить его в огне.
По родимой стороне
Горе, знай себе, гуляет, —
Счастье ж где-то ковыляет.
„Эх ты, — мается народ, —
Кабы всё наоборот!
Кабы то вот нам да это,
Чтоб зимою было лето,
Чтобы жить нам без хлопот,
Нужды-горюшка не ведать,
Чтобы сел мужик обедать,
Глядь — само все лезет в рот!“
Только кто про что ни грезит,
В рот само ничто не лезет.
Что тут делать? Как тут быть?

С горя волком, что ль, завыть?
И завоем, — вот как воем!
Да запьем, — и пьем запоем,
Растерявши все концы.
Вот какие молодцы!
Легче сипнуть нам от вою,
Чем раскинуть головою:
Кто — примерить аккурат —
В нашем горе виноват?
Не схватиться ли нам с горем?
Может, мы его поборем,
Скинем лихо с наших плеч,
Ежли дружно приналечь
Да тряхнуть что станет силы
Всех, кто тянет наши жилы,
Норовя наш век заесть?
„Тут загвоздка вся и есть!"
Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я пишу не шутки ради,
Не для смеху, не для слез.
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему;
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет:
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти —
Люд рабочий, батраки —
Все повыкрошим клыки?!

Облегчивши душу, сразу
Перейду теперь к рассказу.
С правдой-истиной в ладу
Речь простую поведу.
Не за страх пишу — за совесть
Быль доподлинную, повесть,
Где нам в ровном ходе строк
Жизнь сама дает урок,

Где событие к событью
Жизнь пришила крепкой нитью,
Дав канву всему и связь.
„Ну, начнем, благословясь!“

Июль 1917 г.

I

На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо,
Со двора бредет во двор.
Объявил, вишь, царь набор,
Объявил набор досрочный.
У царя расчет был точный:
Как, мол, немец ни мудри,
Как в бою он ни хитри,
С ним нам справиться нетрудно.
Наше царство многолюдно.
Все войска как соберем,
Да всей силой как напрем, —
Не спасут тут немца пушки,
Не война, сказать, — игрушки!
Напирай да напирай,
В день полцарства отбирай!
А что головы кто сложит,
То царя не так тревожит!
Миллион голов аль два, —
Не своя ведь голова!
На деревне тихо-тихо,
По деревне бродит лихо.
Чей там голос? Кто зовет?
Кто-то плачет аль поет?

ПЕСНИ НАРОДНЫЕ

Не кукушечка во сыром бору куковала,
Не соловушко в зеленом саду громко свищет, —
Добрый молодец, во неволюшке сидя, плачет,
Обливается добрый молодец горючми слезми:
„Как берут меня, добра молодца, во неволю,
Уж как вяжут мне, добру молодцу, белы руки,

Что куют-куют добру молодцу скоры ноги,
Что везут-везут добра молодца, везут в город,
Отдают меня, добра молодца, в царску службу,
Что во ту ль, во ту службу царскую — во солдаты.
Уж никто по мне, добром молодце, не потужит;
Только тужит лишь одна матушка, мать родная,
А еще по мне, добром молодце, красная девица.
Как все девушки про молодчика вспоминают,
Род и племя всё меня, молодца, провожают:
„Послужи-ка ты, добрый молодец, верой-правдой,
Положи за нас свою буйную ты головку!“ —
„Не шумите-ка вы, ах да ветры буйные,
Не бушуйте вы, ах да леса темные,
Ты не плачь, не плачь, душа красна-девица!“ —
„Не сама-то я плачу, плачут очи ясные,
Поневолюшке из глаз слезы катятся,
Поневолюшке да всё по милом дружке,
Что везут-то ль, отдают дружка во солдатушки,
В молодые ли его, ах, да во некрутики!
Снаряжу ль я, снаряжу дружка хорошохонько,
Провожу ль я, провожу дружка далекохонько,
Я до городу его, городу Владимира,
Я до матушки ль его каменной Москвы.
Середи-то ли Москвы да мы становилися,
Со милым ли со дружком да мы распрощалися.
Господа-то ли купцы на нас дивовалися:
Уж и кто же это с кем, кто с кем распрощается?
Или муж с женой, или это брат с сестрой?
Добрый молодец с душой красной девицей!“

II

Горько Маша убивалась,
Как с Ванюшею прощалась.
Ваня — красный, что кумач, —
Утешал ее: „Не плачь!
Так по мне ты слезы ронишь,
Словно загодя хоронишь.
Даст бог, справимся с войной,
Будешь, Маша, мне женой.
Коль вернут домой калеку —

Не губи со мною веку,
А погибну на войне —
Помолися обо мне“.

III

Солнце весело светило.
Землю дождиком прибило.
Пар валил с осенних нив.
Лихо шапки заломив,
Заливая горе брагой,
Парни шумною ватагой
Пляс вели последний день.

— Трень-брень!
Трень-брень!
Ты сыграй-ка,
Балалайка,
А мы песенку споем:
Завтра всем нам на прием!

Ой вы, немцы-супостаты,
Из-за вас идем в солдаты,
Из-за вас у нас печаль:
Покидать девчонок жаль!

Как посадят нас в вагоны,
То-то будет плач да стоны.
Все вагоны — грох да грох,
Все девчонки — ох да ох!

Вы, сударушки-сударки,
Выносите-ка подарки,
Чтоб, отправясь в дальний путь,
Было чем вас помянуть.
Нам подарки ваши любы:
Щечки алые да губы!

Ты играй-играй, гармошка,
Ты спляши-пляши, Тимошка!

ПЛЯСОВАЯ

Отчего не поплясать?
— Поплясать.
Дома нечего кусать.
— Что кусать?
Кабы мне да калачи,
— Калачи,
Я лежал бы на печи,
— На печи.
Кабы мне да сапоги,
— Сапоги,
Я б ударил в три ноги,
— В три ноги.
Кабы мне стакан винца,
— Да винца,
Я плясал бы без конца,
— Без конца.
О каблук да каблуком,
— Каблуком.
Слезы б вытер кулаком,
— Кулаком.
Неча, братцы, горевать,
— Горевать.
Царь велит нам воевать,
— Воевать.
Царь землей нас наградит,
— Наградит.
Нам землица не вредит,
— Не вредит!
Ай, люли, люли, люли!
— Ай, люли!
Уж добьемся мы земли!
— Всей земли!
Прощай, горе-маята!
— Маята!
Запирует беднота!
— Беднота!

Ай, Тимошка, молодчина,
Разошлася вся кручина,
Разошлася вся тоска,
Подковыривай с носка!

Эх-ма!
Друг-Кузьма!
Парень с подковыркой.
Денег, думаешь, сума, —
Ан, карман-то с дыркой!

Ах, дыра — не дыра;
Плакали монетки!
Раздарил я всё вчера
Девкам на конфетки!..

Эх, скачи-скачи-скачи:
На нас смотрят богачи!

Фу ты, черт! Хоть одному бы
Хорошо заехать в зубы!

Эх, судьбинушка-судьба!
Загуляла голытьба!

Парни малость захмелели,
А в хмелю чего ни пели!
Долго шел веселый пляс.
Разбрелися в поздний час.
А назавтра, пред дорогой,
Поп им в церковке убогой
Всем напутствие сказал,
Окропил и наказал,
Чтоб вели себя примерно
Да царю служили верно
И сумели бы в бою
Стать за родину свою.

IV

Что творилося с деревней!
От мальца до бабки древней
Выли все до хрипоты,
Надрывая животы.

Ох, война ли, не война ли —
Всех работничков угнали!
На приеме, говорят,
Забирали всех подряд.
В деревушку от приема
Прискакал один Ерема.
Был отпущен он домой,
Потому: глухонемой.

Всех, кого не сбраковали,
Сразу в части рассовали
Для муштровки боевой —
В помощь силе войсковой.
Агафон попал в минеры,
Тришка с Кузькою — в саперы,
Пров с Тимошкою — во флот,
В артиллерию — Федот,
Ване выпало — в пехоту,
В Курский полк, в седьмую роту.

V

„Ать! — Два! — Ать! — Два!
В ногу, дурья голова!
Ать, два, три, четыре!
Шире шаг, Михеев! Шире!
Смир-рно! Что там за галдеж?
Соловьев, ты это что ж?
Стосковался по аресте?..
Левой! Правой! Шаг на месте!
Стой! Оправься!.. Ну, народ:
Черти! Стадо, а не взвод!“

Чертыхался унтер взводный.
Вечерел денек холодный,
И ученье на плацу
Подходило уж к концу.
Унтер снова взвод построил,
Все ряды сравнял и сдвоил.
Раз, другой солдат ругнул
И к казармам повернул.

„Марш! Равнение направо!
Ну, гляди, ребята, браво!
Никакой беды не знай.
Запевала, начинай!“

ПЕСНЯ

(Солдатская)

У ворот мамзель стоит,
На солдатика глядит.
　　Ах, калина, ах, малина,
　　На солдатика глядит.

— Ты, солдатик милый мой,
Приходи ко мне домой.
　　Ах, калина, ах, малина,
　　Приходи ко мне домой!

Приходи да не скучай,
Будем пить с вареньем чай.
　　Ах, калина, ах, малина,
　　Будем пить с вареньем чай.

Ежли будешь молодцом,
Угощу тебя винцом.
　　Ах, калина, ах, малина,
　　Угощу тебя винцом.

Ты скажи мне, что непрочь
Провести со мною ночь.
　　Ах, калина, ах, малина,
　　Провести со мною ночь.

Ах, любовь, любовь — игра,
Поиграем до утра!
　　Ах, калина, ах, малина,
　　Поиграем до утра!

Отвечает тут солдат:
— Хоть я холост — не женат,
Ах, калина, ах, малина,
Хоть я холост — не женат,

Берегу свою я честь:
У меня невеста есть!
Ах, калина, ах, малина,
У меня невеста есть!

Как в казарму я приду,
В сундуке патрет найду.
Ах, калина, ах, малина,
В сундуке патрет найду.

И патретик и кольцо;
Пошлю милке письмецо.
Ах, калина, ах, малина,
Пошлю милке письмецо.

Напишу я ей, любя:
„Чижало мне без тебя!“
Ах, калина, ах, малина,
Чижало мне без тебя.

В полковой свернувши двор,
Сразу смолк солдатский хор.

VI

Тяжело пришлося Ване.
Был он словно как в тумане,
Все смешалось в голове.
На плацу недели две
Новобранцев муштровали,
Передышки не давали:
Целый полк, что было сил,
Грязь на площади месил,
По всей площади по длинной
Шел походкой журавлиной,

На ходу на все лады
Перестраивал ряды,
Заставляли раз по двести
Повторять отданье чести,
Но ружья в полку зато
Не держал в руках никто.

Перед самым уж походом
Пронесли ружье по взводам,
Показали, как держать
И откуда заряжать,
Как управиться с прицелом.
Штука мудрая! Но в целом —
Вышел полк, как все полки:
Безоружные стрелки!

О стрельбе им рассказали,
Все приемы показали,
Суть сноровки боевой
При атаке штыковой.

Может, шло б ученье дольше,
Но и в Пруссии и в Польше
Убывал в боях народ.
Курский полк пошел в поход.
Дней с пяток еще в Сувалках
Обучался он на палках
И, обученный вполне,
Чрез неделю был в огне.

Ружья выдали... пред боем,
Хоть не всем, того не скроем,
И с патронами ж опять —
Хоть у немца призанять.
Шли стрелков живые стены,
На ружьишко по три смены!
И палили во всю мочь:
Пять патронов за всю ночь!

VII

Левой! Правой! Левой! Правой!
Был наш Ваня под Варшавой,
Был под Краковом и был...
Где, уж я и позабыл.
Очутившися за Львовом,
На Карпаты лез... Ну, словом,
Выбиваяся из сил,
Много мест исколесил.
За две раны храбрый воин
Двух крестов был удостоен.
Чуть оправившись от ран,
Снова в полк рвался Иван.

Много раз он стыл на стуже,
Пух от голоду, но хуже
Парень горя не знавал,
Как в Карпатах зимовал.

Ох, Карпаты, вы Карпаты,
Будут помнить вас солдаты!
Не забудут никогда,
Где настигла их беда, —
Как пришлося им с врагами
Биться голыми руками,
Как по чьей-то злой вине
Войско гибло в западне!

VIII

Начиная повесть нашу,
Помянул уж я про Машу,
Как, предчувствий злых полна,
Над дружком своим она
Убивалась пред разлукой.
Стала жизнь сплошною мукой
Для Машутки с той поры,
Как рыданьями дворы
Огласилися и хаты,
Как вели парней в солдаты
И как шел с тоской в груди
Друг-Ванюша впереди.

Ей допреж того не в сладость,
И не в сладость и не в радость
Жизнь убогая была
Без родимого угла:
Маша с детства в горькой доле,
Что былинка в диком поле,
Средь чужих людей росла,
Службу черную несла.
Над несчастною сироткой,
Безобидною и кроткой,
Измывался кто хотел:
Сироты таков удел.

IX

Но нежданно бедной Маше
Дни пришли — не надо краше,
Ей вздохнулося вольней.
Не забыть ей этих дней,
Промелькнувших светлой сказкой,
Дней, когда с любовью, с лаской
Подошел Ванюша к ней.
Не забыть ей этих дней!
Ах, недолго счастье длилось!
Горе страшное свалилось:
Распроклятая война.
Вновь осталася одна,
Не вдова и не молодка, —
Горемычная сиротка.
Счастье было. Счастья нет.
„Ваня, где ты? Дай ответ!“
Но прошло четыре лета,
Все от Вани нет привета.
Маша день и ночь скорбит:
„Иль в плену, или убит!“

X

Время шло, не шло — хромало.
Натерпелася немало
В эти годы сирота.
Воевала беднота,

Гибла в битвах, как солома,
Разорялась крепко дома:
Шло хозяйство все вразброд, —
С каждым днем нищал народ.
Но проклятым лиходеям,
Мироедам-богатеям
Каждый лишний день войны
Был находкой для мошны.
Богачи народ прижали,
Как в клещах, его держали
И сгибали в три дуги:
„С нами спорить не моги!“
Как с войной пошла вся каша,
У попа служила Маша.
За несчастные гроши
Как прикажут, так пляши.

XI

Маша день-деньской в работе.
Попадья сидит в капоте,
Объедается, скулит
Да работницу пилит:
„Что ты мечешься, кобыла?
За детьми убрать забыла,
Не докончено шитье,
Время браться за мытье,
Опоздаешь вновь с обедом.
За тобой ходи все следом.
Подоила ль ты коров?
Наколола ли ты дров?
Аль самой полоть мне грядки?
Вот они — пошли порядки:
Плату любишь, жрешь как — во!
А работать не тово!“

XII

Поп иные любит шутки:
Трется около Машутки,
Вслед за нею со смешком

Скачет батя петушком,
Строит масляные глазки
Да рассказывает сказки...

Маша бате не сдавалась,
Вырывалась, отбивалась.
Незадачливый отец
Обозлился под конец,
Объявил расчет до срока:
„Нет с тебя, я вижу, прока.
Тож, подумаешь, княжна!
Ты мне больше не нужна!“

XIII

Пров Кузьмич — хозяин новый —
Был мужик весьма суровый.
Но с Машуткой хмурый Пров
Тож не слишком был суров...

Пров не силой брал, так лестью.
Хлопал Машу по плечу:
„Я тебя озолочу!“ —
Так пришлося Маше снова
Бросить службу и у Прова.

XIV

Стойте, братцы. Долог путь.
Дайте малость отдохнуть.
Чай, никто не мчит вдогонку?
На часок свернем в сторонку
И оглянемся назад:
Далеко ли Петроград?
Петербургом был он ране.
В черной копоти, в тумане
Возлежал среди болот
Мощи царственной оплот,
Всероссийский обирала.
Здесь томилась, вымирала,

Набивая чердаки,
Голь людская, бедняки.
Здесь в подвалах темных, душных
Для малюток золотушных
Из-за копоти и туч
Не сверкал весенний луч.
Здесь под сводами заводов,
Средь громадных дымоходов
Рос могучий дух борьбы
Пролетарской голытьбы.
И не раз уж эта сила
Воли-выхода просила, —
Разметавши тьму препон,
Колебала царский трон.
Перед страшною войною
Снова грозною стеною
Стал вздыматься бурный вал:
Люд рабочий бунтовал.

XV

Добрый царь в досаде лютой
Зашушукался с Малютой,
Самым главным палачом:
Порешить, мол, им на чем,
Как им быть с фабричным людом?
Не окончился бы худом
Бунт проклятой голытьбы, —
Мол, от уличной борьбы,
От всеобщего шатанья
До открытого восстанья
Остается только шаг.
С каждым днем наглеет враг.
Пред опасностью подобной
И царю и шайке злобной
Всех приспешников его
Не осталось ничего,
Как — все это уж заране
Палачи держали в плане,
Животы свои храня, —

Чтоб спастися от огня,
Прыгать в полымя. Миколку
Сбить нетрудно было с толку:
Отродясь уж он таков —
Был на редкость бестолков.
Дуралей поверил сдуру,
Что свою спасет он шкуру,
Застрахуется вполне,
Отыгравшись на войне.

XVI

Вот война пошла откуда.
Для трудящегося люда
Жизнь настала — чистый ад.
Застонал и стар и млад.
С фабрик, с каждого завода
Отобрали тьму народа, —
Торопились поскорей
Изничтожить бунтарей,
Гнали их в огонь, под пули.
Туго петлю натянули
И не ждали, гады, дней,
Как забьются сами в ней.
Больше года шли сраженья.
Где добыть нам снаряженья?
Немец лез на нас да лез,
А у нас всего в обрез.

XVII

Втапоры — не без причины —
Царь извелся от кручины
И, дрожа за ход войны,
Каждый час менял штаны,
Со штанами — мысли тоже.
Драл царя мороз по коже,
Затрещал пустой чердак.
„Заварил я кавардак“.
Шло кругом столпотворенье,

Царь непрочь на замиренье,
Но, ожегшись на войне,
Мира трусил он вдвойне:
„Мир позорный, без победы,
Принесет такие беды,
Что мне вряд ли сдобровать.
Нет, уж лучше воевать“.

XVIII

Богачи тому и рады:
Вновь посыпались подряды.
Повалил доход сплошной,—
Знай потряхивай мошной.
Порох, пушки да винтовки,
Интендантству заготовки...
Расторопные тузы,
Русь „спасая“ от грозы,
Собирались в комитеты
Да прикидывали сметы.
Сметы очень хороши:
Все сплошные барыши.
Наживаться — не новинка,
Но случилась тут заминка:
Все, кажись, идет под стать,
Да рабочих не достать;
С фронта брать чертей обратно
Тож не очень-то приятно:
„Очень вредный элемент“,
Замутят народ в момент,
Перепакостят все стадо.
Хоть опять же думать надо:
Из ребяток боевых
Половины нет в живых.

XIX

Так и сяк тузы гадали,
В комитетах заседали,
Порешили все на том —

Брать на фабрики гуртом,
Без особого разбору —
До разбору ль в эту пору? —
Девок, баб и детвору,
Все, мол, будет ко двору.
Невелик, мол, курс науки.
Где ж нужны мужские руки,
Знанье, опыт, верный глаз,
Где военный есть заказ, —
Там придется поневоле
Уж не брать рабочих боле
В пополнение полков
От вагранок и станков,
А держать их „на учете“,
Не ахти в каком почете:
Стал рабочий призывной
Настоящий крепостной —
Больше дела, меньше платы,
Забунтуй — сошлют в солдаты.

XX

Слух дошел до деревень:
Дескать, всем, кому не лень,
На заводах есть работа.
У кого к тому ж охота
Подкопить себе деньжат, —
Под рукой они лежат.
Плата — во! И харч отличный.
Обрядишься в шелк столичный.
Сразу в баре попадешь.
В ресторацию зайдешь —
Пей чаишко под шарманку.
Кто польстился на приманку, —
Многих горькая нужда
Потянула в города,
В том числе Машутку нашу,
Там испить лихую чашу.
Снарядившись к Покрову,
Маша двинулась в Москву.
Здесь, на фабрике на ткацкой,

После жизни злой батрацкой,
Как-никак, но с первых дней
Ей вздохнулося вольней.

XXI

Жизнь фабричная — не шутка.
Осмотрелася Машутка:
Шум-содом стоит вокруг,
Новых тысяча подруг.
На миру, как говорится,
Смерть красна и труд спорится.
Одинокая душа,
Общей радостью дыша
И деля со всеми горе,
Растворилась каплей в море.
Капли! Жизнью их полна,
Понесет их всех волна
К берегам, нам всем известным,
К цели — подвигам совместным!

XXII

А в деревне той порой
Шел у Прова пир горой.
Пров прощался с сыновьями,
Целовался с зятевьями,
Самогонку чашкой дул:
„Кузька, пей!.. Ну что, Федул?
Вы б ценили, эфиопы,
Что везу вас... не в окопы!
Вот он, промысл-то отцов:
Берегу вас, подлецов.
Два зятька да три сыночка, —
Всем, глядишь ты, есть отсрочка.
Все попали „на учет“.
Ваша кровь не потечет!
Кум Гордеич, молодчина,
Рассудительный купчина,
Как узнал мою беду,
„Я ее, грит, отведу:

Свой завод на днях открою,
Всех вояк твоих пристрою,
На себя ответ возьму.
Помню крестника, Кузьму, —
Препотешный был мальчишка.
Поезжай и жди письмишка".
Вот письмо: „Всё на мази, —
Молодцов своих вези!"

XXIII

Пятерых своих героев
„На учет" в Москве пристроив,
Сразу понял Пров Кузьмич,
Что война — не божий бич,
А источник благодати:
Были б только деньги кстати,
Чтоб пускать их в оборот,
Все само полезет в рот.
Разоренные солдатки
Все последние достатки
Продают, несут в заклад.
Есть молодки — мармелад:
И лицом тебе и станом!
Ходит Пров Кузьмич султаном.
Всем, кто сир и кто убог,
Мироед — и царь и бог!

XXIV

Втершись в земскую управу,
По заслугам и по праву,
У господ Кузьмич в чести.
Стал кулак дела вести:
На свой риск зерна закупит,
С интендантства втрое слупит,
С интендантами в тиши
Вместе делит барыши.
Пров нигде не даст промашки,
Муслит пальцами бумажки,
Счет им бережно ведет

Да в бумажничек кладет.
„Как делишки?“ —
„Расчудесно!“
Стало Прову дома тесно,
Опостылел старый двор,
Тянет Прова на простор.
В ход пустивши все уменье,
Стал соседнее именье
Приторговывать мужик.
А именье — просто шик!

XXV

За пять верст от деревушки,
Под горою у речушки
Приютился барский дом
С парком, садом и прудом.
Пашни, лес и луг поемный...
Пров Кузьмич, как туча, темный,
Едет мимо, весь дрожит:
„Вот он, клад где мой лежит!“...
Клад все в руки не давался.
Пров на части разрывался,
Торговался — сам не свой —
С генеральскою вдовой.
Генеральша ничего бы:
К ней у Прова мало злобы,
Баба — что уж за делец!
Управляющий — подлец.
Вот кто дело все изгадил:
Как с ценой одно заладил,
Так не спустит ни гроша,
Распроклятая душа!

XXVI

За наборами — наборы.
Все хозяйство — без опоры.
Позабрали молодцов, —
Добралися до отцов.
Бабы сохнут от заботы,
От заботы, от работы.

Стало жить невмоготу,
Сжало горе бедноту.
Нужда скачет, нужда пляшет,
Там полоски не допашет,
Там полоски не дожнет,
Пред богатым спину гнет:
„Пров Кузьмич, займи десятку!"—
„Пров Кузьмич, возьми лошадку!"—
„Пров Кузьмич, продай зерна!"...
Прова линия верна:
Даст взаймы, лошадку купит,
Меру — две зерна уступит,
Купит даром, а продаст...
Маху жох-мужик не даст!

XXVII

Всю опутавши округу,
Пров и недругу и другу —
Речь зайдет лишь про войну —
Тянет песенку одну:
„По еде — свинье отрыжка.
Немцу скоро будет крышка.
Погодите, дайте срок:
Уж получит он урок!"
Как завидит Пров солдата —
Федьку, Тришку иль Филата, —
Рот в улыбочку кривит,
Сам в сторонку норовит.
Федька смотрит мертвым глазом,
Тришка — весь отравлен газом,
А Филатка — без руки.
Прежде были батраки,
Нынче — летом и зимою —
Бродят с нищенской сумою.

XXVIII

Как-то Прова Кузьмича
Крепким словом сгоряча
Обложил у церкви Тришка:

„Так кому, ты баишь, крышка?
Сам ты, что ль, поступишь в строй,
Чтоб сквитаться с немчурой?
Аль сынков возьмешь с завода
Для военного похода?
Много ты добра принес...
Забрехался, старый пес!“—
„Ты, брат, видно, помешался!“—
Пров ответить покушался,
Но, взглянувши на народ,
Вдруг воды набрал он в рот
И — айда домой вприпрыжку.
„Ладно! Вспомню я вам Тришку!
Распрасукиных сынов
Всех оставлю без штанов!“

Часть вторая

ПЕТРОГРАД

I

Чуден Питер, град-столица!
В нем живут какие лица:
Царь с царицею, чины.
Круглый год у них блины,
Что ни день — то шампанея,
Что ни вечер — то затея:
И театры и балы.
Ведь доходы не малы:
Протранжирить их умело —
Тоже, знаете ли, дело!
Как по улице Морской
Шум-движенье день-деньской,
Мчат моторы и кареты...
Пешеходы разодеты,—
Им мороз трескучий люб:
Не проймет он барских шуб,
Дорогих пушных салопов.
То ли дело средь окопов!
Тут морозцу путь наскрозь.
Знай солдатиков морозь!

II

В ночь глухую после смены —
Печь, облупленные стены,
Так бы к ним вот и прирос!
Проклиная злой мороз,
Посинелые, как трупы,
Позабилися в халупы
Утомленные бойцы.
Отогрелись молодцы,
Подкрепились чем попало,
И как горя не бывало:
Вынув сахарный паек,
Налегают на чаек.
Кто вприкуску, кто внакладку,
Кто-то, глядь, пошел вприсядку
Под охрипшую гармонь.
А в печи трещит огонь,
Всем разостлана солома,
Разместились, „словно дома“,
И, забыв о всем дневном,
Балагурят перед сном.

III

Вся изба до слез хохочет!
Распотешил Фролка Кочет
Всех побаскою смешной
„Про Луку с его женой,
Про измену бабы мужу,
И как вышло все наружу, —
Как Лука был плоховат:
Сам остался виноват!“
„Правда, братцы, очень колка,
Не серчайте! — хитрый Фролка
Подзадоривал солдат. —
Может, кто из вас женат.
Доложу серчать охочим:
Сам женат я, между прочим.
Да. Так случай был какой
С мужиком одним, с Лукой:
Помолившись утром богу,

Собрался мужик в дорогу.
„Все ль я взял? Прощай пока, —
Говорил жене Лука, —
Надо двигаться к соседу,
В город нынче с ним поеду.
Эк, пустила уж слезу!
Я гостинца привезу.
Завтра жди меня к обеду“.
На прощанье муж с женой
Лобызнулись троекратно.
Только, глядь: Лука домой
Через час бежит обратно.
„Мавра! деньги позабыл“.
Мавры дома след простыл.
„Знать, с тряпьем пошла на речку,
Аль куда неподалечку!“
Но, услыша у дверей
Частый топот, поскорей
Наш хозяин шмыг за печку!
Двери хлоп. Вошла жена,
Да вошла-то не одна:
Привела с собою кума,
Бакалейщика Наума...

„Стойте, черти! Стойте, гады!“ —
Не стерпевши, из засады
Зверем ринулся Лука.
От лихого тумака
Кум, хрипя, свалился на пол.
„Стой! — Лука Маврушу сцапал. —
Я ж те дам!“ Но, словно уж,
Вьется баба: „Ай да муж!“ —
„Аль не муж?“ — Лука опешил.
„Леший! Дьявол! Ну, хорош:
Женке веры ни на грош.
Неча молвить — разутешил!
Как не стыдно быть вралем?
В город нынче, дескать, еду.
Как не стыдно быть вралем?
„Завтра жди меня к обеду“.
Сам за печку лег кулем.
Как не стыдно быть вралем?!“

Бабья совесть в три обхвата,
С бабой спорить — слову трата,
С бабой лаяться — беда!
Баба, братцы, никогда
И ни в чем не виновата!“

IV

„Постыдился бы ты, Фрол.
Сколько чуши напорол! —
Молвил тут солдат степенный,
Бородач Корней Ячменный. —
Что смешно, так то смешно.
Зря ж болтать про баб грешно.
Есть, брат, всякие. Но чаще:
Горько нам, и им не слаще.
В суете да в кутерьме,
С нами век в одном ярме.
И вопрос еще: чьей шее
То ярмо потяжелее.
Всех спроси — один ответ:
Без хозяйки дому нет.
Всё — одна, за всех горюя...
Аль неправду говорю я?“ —

„Правда, брат!“ —
　　　　„Чего верней!“ —
„Славный ты мужик, Корней! —
Отвечали все тут хором. —
Только зря ты тож... с укором,
Нас за смех не обессудь.
Нам забыться б как-нибудь,
Затушить в груди тревогу...
Натерпелись, слава богу!
То в походе, то в огне,
В трижды проклятой войне.
Знаешь сам ведь, как горюем.
Хоть бы знать, за что воюем?
Аль цари да короли
Столковаться не могли
Без убийств и без пожарищ?“ —

„Эх, чудак же ты, товарищ! —
Рассмеялся с этих слов
Ротный слесарь Клим Козлов
(До войны служил он вроде
На Путиловском заводе). —
Пусть бы путал кто другой,
Ну, а ты ведь, Фрол, с мозгой.
С повсесветного разбою,
Что ж, прибыток нам с тобою?
А не нам, так и война,
Стало быть, не нам нужна.
Вот башкой ты и распутай:
Кто ж повинен в бойне лютой?

Получил я два письма,
Примечательных весьма.
В этих письмах говорится,
Что там в Питере творится.
Молвить истину: содом!
Очутились под судом
От рабочих депутаты:
Очень, дескать, виноваты.
Что ж вменили им в вину?
Их призыв: долой войну!

На суде чуть не пытали.
Всех, конечно, закатали
В те погиблые места,
Где равнинушка чиста,
В снеговом весь год в уборе,
Ледовитое где море,
Где полгода — ночь и мгла.
Вот какие, брат, дела!"

Натянув шинель на плечи,
Ваня слушал эти речи,
А потом не спал всю ночь:
Не отгонишь мыслей прочь!
День пришел — и днем все то же.
Стал задумчивей и строже
Наш Ванюша. Заскучал.
Но — крепился и молчал.

V

Шли дела меж тем все хуже:
Петля стягивалась туже.
У врага — от пушек гром,
А у наших: за бугром
Батареи — для парада:
На пять пушек два снаряда.
Раз-другой, коль что, пальни,
Но уж больше — извини.
Где ж тут „доблестно“ сражаться?
Впору б только удержаться.

Наши части под огнем
Убывали с каждым днем;
Отбиваяся штыками,
Гибли целыми полками;
Каждый час со всех сторон
Наносился им урон,
Не давала смерть пощады:
Днем косили их снаряды,
А среди ночной поры —
Ядовитые пары.
Гибло войско безответно,
Но кой-где уже заметно
Падать стал „военный дух“,
И уже роптали вслух.

БАРАБАН

Какой-то барабан — хороший аль плохой,
Вам скажет кто-нибудь другой:
Аз, грешный, мало смыслю в коже
И в барабанном бое тоже.
Но суть не в этом. Барабан,
Замест того, чтоб тлеть средь всякой лишней рвани,
При сборах брошенный случайно в шарабан,
С обозом полковым попал на поле брани.
И хоть обоз стоял, как водится, в тылу,
Но в боевом пылу

Наш барабан решил, что, в виде исключенья,
Попал он на войну по воле провиденья,
Что „сокрушит“ аль „оглушит“,
Но некий подвиг он, конечно, совершит.
И вот, когда пехота,
За ротой рота,
Рассыпав осторожно строй,
В глубокой тишине шла в бой под кровом ночи,
Забарабанил наш герой
Что было мочи!
Взметнулся бедный полк!..

Нет, я умолк!
Про полк прочтете все вы в боевых анналах,
Про барабан — скажу, что, к нашему стыду,
Его хрипящий бой в ту пору был в ходу...
Во всех газетах и журналах!!!

VI

Были дни: возьмешь газету,
Дочитать терпенья нету.
Не узнать совсем писак:
Не перо у них — тесак.
Так и рубят, душегубы.
Затрубили во все трубы,
Барабанят что есть сил,
Словно шмель их укусил.
Вдруг на всякие манеры
Про высокие примеры
Дисциплины боевой
Поднимают лютый вой;
Накликая злые беды
Против тех, кто ждет победы
Не царевых воевод,
Не помещиков-господ,
А победы всенародной

Рати нищей и голодной
Над оравой палачей,
Злых властей и богачей.
И статьи тебе и оды
Про блестящие походы,
Про геройские дела,
Про двуглавого орла,
Про царьградский щит Олега:
Как, мол, русская телега
Через тысячи преград
Мчит прямехонько... в Царьград!
То-то будет шум в Европах!

Ждут-пождут газет в окопах,
Как желаннейших гостей:
Нет ли, мол, каких вестей —
Хоть строки! — о мире скором.
Но газеты общим хором:
Тру-ру-ру да тра-ра-ра!
Что ни слово, то — „ура!"
„Что строчат, лихие гады!" —
„Ну, чему они так рады?" —
„Мало радости, кажись:
Ведь дела — хоть в гроб ложись". —
„Аль они там все ослепли?"

Средь окопов слухи крепли,
Что газеты — не таё:
Подрядились на враньё!
Может, Правда где и бродит,
Да к окопам не доходит,
В письмах тож ей не пройти:
Гибнут письма по пути
От цензуры постоянной, —
Чтоб ей лопнуть, окаянной!

Шло меж тем из уст в уста,
Что, мол, штука не чиста, —
Прибежал кой-кто из плена,
Говорят: у нас — измена!

VII

В деревушке поутру
Было дело на смотру.
Брови сдвинувши сурово,
Командир сказал: „Здорово!“
Гаркнул полк по всей статье:
„Здра... жла... ва... ско... бро... ди...е!!“
„Молодцы! Видать, что хваты!
Почему ж у нас, солдаты,
Что ни ступим, то беда?
Знайте все: из-за жида!
Подлый жид-христопродавец
С немцем снюхался, мерзавец!
Жид — потомственный шпион.
Мой приказ — для вас закон:
Для жида и для жидовки
Не жалели чтоб веревки;
Нет веревки — не урон:
Разряди тогда патрон!“

Ох, не скрыть! „Наука“ эта
Много душ свела со света,
Злой росток дало зерно:
Много рук обагрено
Чистой кровью жертв невинных!
Не исчислить списков длинных,
Списков горестных имен
Всех, кто зверски был казнен.

Скоро поняли солдаты:
Не „жиды“ тут виноваты!
Что „жиды“ — один отвод,
Чтобы с толку сбить народ.
Что измена — где-то выше,
Что огонь — на самой крыше,
И давно разнюхать след:
В чем же корень наших бед?

VIII

Все в стихах выходит гладко,
А на деле — ой, не сладко!
Не пирог был на меду —

Жизнь в пятнадцатом году.
Но к чему — скажу я честно —
Повторять, что́ всем известно:
Быль худую повторять,
Злые раны ковырять?
   Не вернуть Карпат нам снова,
Не видать нам больше Львова.
Что в чужое взор вперять?
Своего б не растерять.
А потеряно немало.
Наше войско отступало
Из залитых кровью мест.
Сдали Люблин, Холм и Брест;
Уничтожив переправы,
Отошли из-под Варшавы;
Потеряли Осовец;
Сдали Ковно под конец.
Фронт прорвавши нам под Вильно,
Потрепал нас немец сильно,
Выбивал нас, как мышей,
Из болот и из траншей, —
Искалеченных, недужных,
Тощих, рваных, безоружных,
Виноватых без вины,
Гнал до самой до Двины.
   От дальнейшего отхода
Нас спасла лишь непогода,
Дождь осенний проливной.
   Вот как шли дела с войной!

IX

Всюду — слухи, всюду — толки,
Как у нашего Миколки,
Православного царя,
Мозгу, правду говоря...
Нету мозгу, есть замашки —
Больше все насчет рюмашки.
Царь допреж того гулял,
Дядя ж фронтом управлял,
До Двины ж когда доправил,
Царь от дел его отставил

И — ликуй Расея вся! —
Фронтом править сам взялся
(Кой-кого пред тем повесил)...

X

Государственная дума
Коротала век без шума,
Зашумела лишь тогда,
Как надвинулась беда.
Дума выла-голосила,
Царя-батюшку просила:
„Государь ты наш, отец,
Пожалей нас, наконец!
Нам немногого и надо:
Собери лишь наше стадо
(То-бишь, думских главарей!)
На совет большой скорей
Пред разрухой, нам грозящей.
Для твоей для славы вящей
Напряжем охотно мы
Наши мудрые умы:
Пусть стране родной привычно
Горе мыкать горемычно, —
Ей лихую тяготу
Больше несть невмоготу.
Объяви своим указом,
Что твоим мы будем глазом,
Что пред нами на правеж
Ты поставишь всех вельмож.
В огражденье от напасти
Нам не нужно вовсе власти,
Весь наш лозунг и пароль:
Лишь контроль! Один контроль!“
Царь — к жене. Жена — за Гришку.
Гришка — Штюрмера подмышку.[1]
„Вот шта, милай: так и так.
Сам смекаешь: не дурак!“

---

[1] Б. В. Штюрмер в 1916 г. был председателем Совета министров.

Бюрократ
Говорит:
„Оч-чень рад!
Говорит,
Дума... что ж!..
Говорит,
Отчего ж!..
Говорит,
Нам она,
Говорит,
Не страшна,
Говорит.
На нее,
Говорит,
Мы... таё...
Говорит,
Есть клещи,
Говорит,
Не взыщи,
Говорит.
Тишь да гладь?
Говорит,
Будем ждать!
Говорит.
Если ж бунт,
Говорит,
Мы в секунт,
Говорит,
Теремок,
Говорит,
На замок!
Говорит.
Не впервой,
Говорит.
Будет вой?
Говорит,
Ну так что-с?
Говорит,
Все равно-с!" —
Говорит.

XI

Штюрмер Думу полонил,
Штюрмер Думу опьянил
Нежно-сладкими словами:
„Мы да вы! Да мы-ста с вами!“
Врал, оскаливши зубок,
Что лиса на колобок.

„КОЛОБОК“[1]

Помнил колобок иную пору,
Когда шли дела его в гору,
Когда был он буйным да веселым,
Когда по городам и селам
Только про колобок и было разговору:
Уж и такой-то он и такой,
Что не взять его голой рукой,
Не погнать на чужих вожжах:
Не на таких колобок заквашен дрожжах,
Не на таком, дескать, заквашен тесте!
Да не удержался колобок на прежнем месте —
Сорвался вниз, покатился,
Нивесть где очутился:
В луже — не в луже,
Может, где и похуже.
А колобку и такое место любо!
„Авось, тут никто не пихнет меня грубо,
Укреплюсь в этом месте я прочно!“
Ан, глядь, как нарочно,
Валит на колобок персона
Деликатного фасона:
„Здравствуй, — говорит, — колобок!
Здравствуй, голубок!
Да какой же ты хорошенькой!
Да какой же ты пригоженькой!
Пригожей тебя и на свете нет!“
Колобок на то персоне в ответ:
„Я по селам скребен,

[1] Здесь колобок — Государственная дума.

По городам метен,
На циркулярах мешан
Да на разъяснениях пряжен,
А в Питере стужен.
Я от Столыпина ушел,
Я от Коковцева ушел,
Я от Горемыкина ушел
Без особого членовредительства,
А от вашего высокопревосходительства
Уйду цел и подавно!"—
„И до чего ж поешь ты, колобок, славно! —
Сказало его высокопревосходительство. —
Возьму я тебя под свое покровительство!
Лежи только тихо да чинно.
Не кипятись беспричинно,
Не путайся зря под ногами.
С чего нам тогда быть врагами?"
Пришел колобок в восхищенье:
„Вот это, — говорит, — обращенье!
Такую речь приятно и слушать:
Не то, чтоб сразу — схватить и скушать.
Вот это — другой режим.
Мы... полежим!
Рады стараться, ваше высокопревосходительство!..
Как вы есть настоящее правительство!.."

И лежал колобок в саду Таврическом,[1]
Весь блестел при свете электрическом:
Чистенький, беленький — под снежной порошей, —
Только дух от него был не больно хороший!

XII

...„Год шестнадцатый идет,
Мир с собой ужо ведет!"
Но весна прошла и лето —
Мира нет, заспался где-то,
То ли чахнет взаперти.
Тут мозгами поверти!

[1] Государственная дума помещалась в Таврическом дворце.

На Руси пошла работа:
Гнали всех в четыре пота,
Все станки пустили в ход.
Надрывается народ,
Точит пушки да снаряды.
Богачи берут подряды
И довольны тем вполне,
Что конца все нет войне!

XIII

Хорошо стоять в резерве
Не на пакостном консерве,
А на каше да на щах
И иных таких вещах;
Смывши с вошью всю чесотку,
Заглядеться на красотку,
А при случае... тово...
Ну, да мало ли чево!
Не для всякого, конечно.
Вот наш Ваня: хмурен вечно,
Ничему, видать, не рад,
Отвечает невпопад,
Из него не выжать слова,
Больше держится Козлова,
Все шушукается с ним.
Да мудрен, сказать, и Клим.
Переписку с кем-то водит,
Как-то все к нему доходит,
Через руки, что ль, бог весть, —
Все следы сумел заместь.
Сам замазал рот замазкой,
Скажет слово, так с опаской:
„На чужой, — ворчит, — роток
Не накинешь-де платок:
Разболтает всякой чуши,
У начальства ж тоже уши.
Так ли можно угодить!
За примером не ходить“.
А примеров было много,
Слежка, впрямь, велася строго,

Хоть не редкий следопыт
Оставался без копыт.
От солдат такие гады
Не могли уж ждать пощады!
Кто просыпался — пропал:
На тот свет в один запал!

XIV

Бабка старая ворчлива.
Осень поздняя дождлива.
От утра и до утра
Хлещет, словно из ведра.
Черт ли рад такой погоде,
Да особенно в походе!

Ванин взвод ночной порой
Занимал окоп сырой.
Враг палил без промежутка.
Ночь прошла довольно жутко, —
Лишь от сердца отлегло,
Как немного рассвело.
„Ой, ребята, чья работа?“ —
„Где?“ — „Листы подкинул кто-то!“
Поразинули все рты:
„Впрямь, подметные листы!“ —
„Ловко как!“ — „Чего уж чище!“ —
„Прячь скорей за голенище!“ —
„Слышь, про что там?“ — „Про царей“. —
„Хоть бы смена поскорей!“

XV

Вечер выдался хороший.
Поле выстлало порошей,
И под первым холодком
Затянуло грязь ледком.
Друг за дружкою, с оглядкой,
Целый взвод, никак, украдкой
Пробрался в пустой сарай.
„Фролка, черт, не напирай!“ —

„Экий, братцы, нам подарок!“ —
„У кого-то был огарок!“ —
„На вот, целая свеча“. —
„Ну, Козлов, руби с плеча!“
Клим, склонившись над листовкой,
Тихо, внятно, с расстановкой
Стал читать о том, каков
Смысл войны для мужиков,
Льющих кровь свою в угоду
Тем, кто злейший враг народу;
Что „командующий класс“ —
Все помещики у нас,
И что царь наш православный
Есть помещик самый главный,
Потому немудрено,
Что он с ними заодно:
За порубку аль потраву
Шлет войска чинить расправу;
Кто там что ни говори,
Все помещики — цари,
Кто — поменьше, кто — поболе.
Сельский люд в их полной воле:
Размешав муку водой,
Приправляет лебедой,
Терпит голод, холод, муки,
Для господ мозолит руки,
Век работает на них,
На грабителей своих,
Жнет им хлеб и возит клади;
Барышей их подлых ради —
В стуже, в сырости, в огне —
Погибает на войне!..

XVI

Полковому командиру —
Вызов срочный в штаб-квартиру.
В это утро полковой
Был с похмельной головой.
„Эх, ты, — муслил он бумагу, —
Не влететь бы в передрягу!“
И влетел. Чуть сунул нос,

Как нарвался на разнос
И обруган был площадно.
„Покараю всех нещадно,
Как доселе не карал! —
Выл свирепо генерал. —
Полюбуйтесь: мертвый ахнет!
Чем такая штука пахнет?
Что сулит она для нас?“ —
„Про... кла... мация!“ — „Она-с!
И заплачем и запляшем!“ —
„В чьем полку?“ — „Представьте...
в вашем!“ —
„Виноват!.. Какой позор!“ —
„За солдатом плох надзор!
В первый раз вам и в последний,
Чтоб солдат от гнусных бредней
Вы изволили беречь!
А чтоб их предостеречь,
То-бишь, зло чтоб вырвать с корнем,
Грамотеев пару вздернем!“

XVII

„Ну, пришел и мой черед,
Знал я это наперед! —
Говорил Козлов Ивану. —
Петли ждать я тож не стану:
Волка ноги берегут.
Псы уж по следу бегут.
Следопыты всюду рыщут.
Пусть их ветра в поле ищут.
А поймают — не печаль.
Вас, ребятушки, мне жаль.
Способ есть один, миляги,
Выйти вам из передряги.
Через три-четыре дня
Всё валите на меня:
Дескать, я листки, паскуда,
Раздобыл нивесть откуда,
Что читал, вам невдомек,
А теперь, мол, взял — утек!“

XVIII

Скоро все прочли в приказе
О проникшей в полк заразе,
Что добыл подметный лист
Клим Козлов, социалист,
Что под суд он отдается
И что следствие ведется
Обо всех его шагах,
Но преступник сам — в бегах.
Где он — точно неизвестно,
Будет розыск повсеместно.
И дано на сей предмет
„Описание примет“.
Расписали всё чин-чином:
Нос — прямой, бородка — клином,
Росту — среднего, брюнет,
А примет особых нет.

XIX

Грустно Ване без Козлова.
Повидать бы Клима снова
Так хотелося ему!
Поспрошать бы: что к чему?
Есть такое средство, нет ли,
Чтоб спасти от мертвой петли
Всю родимую страну?
Как избыть скорей войну?
Где засели злые воры,
Что чинят нам все заторы?
И нельзя ль, как сор метлой,
Всех повымести долой —
Всех, кто кровью нашей гладок,
Кто лихой ведет порядок,—
Нечисть подлую смести,
Да порядок свой ввести,
Трудовой, простонародный,
Чтоб вздохнул народ свободный
И — без палки над собой —
Правил сам своей судьбой.

XX

Не знавал Ванюша страху:
Хоть под пытку, хоть на плаху,
К черту в лапы, — все равно!
Ване дорого одно,
Одному лишь сердце радо:
Знать, за что схватиться надо,
Где все силы приложить,
Чтоб народу послужить,
Потрудиться — с добрым жаром,
Коль погибнуть, так не даром!
Но не раз от злой тоски
Он сжимал себе виски:
„Без науки что я стою
С деревенской темнотою?
Эх, дорваться бы до книг!
Всё бы я тогда постиг:
Что откуда происходит,
Кто и что всем верховодит,
Почему для бедноты
Все дороги заперты?
Почему — один царюет,
А мильон кругом горюет,
И не время ль голытьбе
Уж подумать о себе?“

XXI

Сразу ахнуло, рвануло,
Весь окоп перевернуло.
Все бойцы погребены.
Страшный вид... со стороны.
Смерть бойцам сказала: „Вольно!“
Им не страшно и не больно,
Тьма — не тьма, и свет — не свет,
Кто убит, того уж нет, —
Нет и ровно не бывало.
Человек так стоит мало!
Три убито, новых пять
Место их спешат занять.

Через день, купив газетку,
Будут все читать заметку:
Где и сколько взято в плен,
Что „у нас без перемен“.

XXII

„Фрол, скорей за санитаром!“ —
„Всех убило... Звать задаром...“ —
„Фрол, послушай, приложись...
Ваня жив еще, кажись“. —
„Дышит! дышит, право слово!“
Под обстрелом, чуть живого,
Фрол Ванюшу вынес в тыл,
Там повозку раздобыл,
Подложил в нее соломки
И, хоть ночь была — потемки,
В путь отправился. Чуть свет
Прибыл с Ваней в лазарет.

„Дело очненно серьезно! —
Пред сестрой дежурной слезно
Фрол взмолился. — Паренек
Как бы кровью не истек.
Перевязку, ради бога...“ —
„Ты, — сестра сказала строго, —
Тут, милейший, не кричи.
Рано. Спят еще врачи“. —
„Что ж, я парня так покину? —
Фрол, забывши дисциплину,
Матом взвыл: — Вы тут для ча?
Подавайте мне врача!
Мы в бою не разбираем:
Днем ли, ночью ль помираем!
Помираем... за кого?!“

Фрол добился своего:
Ваня был врачу показан,
Весь обмыт и перевязан.
И хоть Фрола врач потом
Обозвал всердцах скотом,

Фрол не тем был растревожен:
„Ваня как? Не безнадежен?“—
„Нет, — утешила сестра, —
Можно жить и без ребра“.

XXIII

Здесь в тылу — но не в глубоком,
И у фронта всё ж под боком,
Разместился лазарет.
Что за жизнь в нем — не секрет.
Где-то там людей увечат,
Здесь их свозят, но не лечат,
А, подправив как-нибудь,
Отправляют в дальний путь —
На вокзал или в могилу,
Что солдатику под силу:
Жив — положат на арбу,
Помер — вынесут в гробу.
Будет в книгах лишний номер
Да отметка: „выбыл“, „помер“...

XXIV

Чрез неделю поутру
Ваня стал молить сестру:
„Увозить нас будут скоро...
Я слыхал из разговора...
Доктор тут сказал вчера...
Будь, сестрица, так добра...
Путевых там сколько литер?..
Мне б хотелось очень... в Питер“.

„Питер“, „Питер“! — ночью, днем
Бредил Ваня лишь о нем.
Меньше думал он о ране.
Объявили скоро Ване:
Будет так, как он просил.
Питер Ваню воскресил.

XXV

Питер — город, вправду, чуден,
И богат и многолюден.
От заставы до дворца
Красоты в нем без конца.
Хоть, положим, в каждой части
Красота различной масти:
Тут — дворец, а там — завод,
Тут — цари, а там — народ.
Красоту толкуют всяко.
Мне милей всего, однако,
„Трудовая сторона“,
Чтится „Выборгской“ она:
„Большевистская столица!“
У Невы тут есть больница.
Вместе с Ваней сам я в ней
Пролежал немало дней.
Я был начисто уволен,
Ваня ж был иным доволен:
В Петербурге вписан он
Был в запасный батальон, —
У волынцев нес работу:
Ладил маршевую роту,
Без ругни и толкачей
Обучал бородачей.

XXVI

Православная царица
На народ на свой ярится
И, начхав ему в лицо,
Пишет немцам письмецо:
„На Руси я все устрою
По берлинскому покрою,
Англичанин да француз
Русский выкусят арбуз.
Англичане сильно гадят:
Конституцию нам ладят,
А французы — бунтари,
Леший всех их побери.

Ни английских конституций,
Ни французских революций
Нам не хочется с царем:
Самодержцами умрем.
Чтоб сберечь свое наследство,
Мы одно лишь видим средство:
Под Вильгельмовой рукой
Обрести себе покой,
Помириться с ним, в надежде,
Что поможет нам, как прежде,
Подтянуть российских шельм
Унзер гроссе фрейнд Вильгельм".
Подписалася: *Алиса.*
Приоткрылась ли кулиса,
То ли трещину дала, —
Тайна царская всплыла.
Разговор пошел повсюду:
Чтó цари готовят люду,
На какой идут прием,
Чтобы слопать нас живьем!

XXVII

„Поздравляю! Вы слыхали?" —
„Что?" — „Она сама жива ли!" —
„Кто?!" — „Да, вправду, вы... того...
Не слыхали ничего?
Уж трезвонит вся столица:
Овдовела ведь царица!
Гришка-то, пассаж какой:
Со святыми упокой!" —
„Почему ж молчат газеты?" —
„А намордники-с надеты!"

По столице слухи шли.
А чрез день уже могли
Все прочесть в любой газете
„О скандале в высшем свете":
Как с Распутиным друзья,
Высочайшие князья,
Учинили злую шутку;

Заманив к себе Гришутку,
С ним пропьянствовали ночь,
А затем „убрали прочь“, —
Заведя с ним спор и драку,
„Пристрелили, как собаку“.

XXVIII

У князей на мужика
Поднялась легко рука.
Гришка — плут и проходимец,
Знатной сволочи любимец,
Но ему, признаться, я —
Снисходительный судья.
Все же сделал он работу:
Снял с царей всю позолоту,
Растоптал их образа,
Заплевал им все глаза!
И князья, чиня расправу,
За свою стояли славу,
Отгоняли злую тень.
Поздно! Близок был уж день,
День, когда народ проснется,
Ужаснется, встрепенется
И, налегши силой всей,
Расчехвостит всех князей!

Часть третья

ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

I

„Ах вы, Сашки, канашки мои,
Разменяйте вы бумажки мои!
А бумажки всё новенькие,
Двадцатипятирублевенькие“.

Отчего — и не понять! —
Трудно денежки менять?

Всё бумажки да бумажки,
Ни одной нигде медяшки,
А серебряных монет
Уж давно в помине нет.
Золотые тож исчезли, —
В чей-то, знать, карман полезли,
Люд простой не знает — в чей,
Знает царский казначей.

II

Царь снаряды льет да пушки,
Обирает деревушки,
Тащит все из черных хат,
Да не трогает палат.
Богачи — опора трона,
Ими держится корона,
И готовятся кнуты
Для голодной бедноты.
Богачам одна забота:
Выгнать с бедных больше пота,
И война им не страшна —
Пухла б только их мошна.

III

Царь печатает плакаты,
Что дела, мол, плоховаты,
Обнищала-де казна,
Сила ж вражья все грозна.
Так без помощи народа
С ней не справиться в три года,
И повинен-де народ
Дать деньжаток на расход.
Пусть поможет, кто чем может.
Люд несчастный кости гложет,
Но, поддавшись на обман,
Лезет горестно в карман.

IV

Помогли царю поборы,
У царя снарядов горы,
А в строю, само собой,
Тьма народу... на убой.
„Ну, теперь нас, немцы, троньте!“
Укрепились мы на фронте
(Словно турок на колу!) —
Глядь: расхлябались в тылу.

V

В ДЕРЕВНЕ

У Прокофьевны в избушке
Дух — пробить не впору пушке,
А народ все прет да прет.
Любопытство всех берет, —
Слух прошел, вишь, в околотке:
Зять приехал в гости к тетке.
Васька — парень с головой,
Он в трактире — половой.
А трактирчик-то столичный,
Ходит люд туда различный;
Тот словечко, этот пять,
Всех послушать — все узнать,
Станешь умным без науки.
Ваське, стало, карты в руки.
Окружил его народ,
Смотрит Ваське жадно в рот.
„Что, брат, деется на свете?“ —
„Кто грешит и кто в ответе?“ —
„Скоро ль кончится война?“ —
„Все выкладывай сполна!“
Обтерев о скатерть ложку,
Закрутивши козью ножку
И спросивши прикурить,
Стал Васюха говорить:
„Есть чем, братцы, похвалиться,
Есть чем с вами поделиться.
Как припомню, словно сон,

Был на днях я средь персон,
Милость чья нам столь потребна:
После царского молебна
Сам святой митрополит
Речь сказал, как бог велит, —
Про врагов и супостатов,
Про зловредных демократов,
То-бишь, всяких бунтарей
Против бога и царей.
Несть бо власти, аще... аще...
За царя молитесь чаще!
После, выйдя на амвон
И отвесив всем поклон,
Стал держать министр судейский
Речь про замысел злодейский:
Вновь-де стал крамольный сброд
Трудовой смущать народ,
Соблазнять иною долей,
Подстрекать землей и волей"... —
„Ты скажи нам... о себе! —
Поднялся тут шум в избе. —
От земли ты, что ж, отрекся?!"
Тут Васюха сразу спекся,
Поперхнулся и умолк,
Озираючись, как волк.
Видит: сват глядит не сватом,
Теща прет к нему с ухватом:
„Ну-тка, скажь нам, мил-зятек,
Что про землю ты ответил?!"
Васька живо дело сметил:
В двери шмыг — и наутек!
Через рытвины, ухабы
Улепетывал от бабы
Наш Васюха во весь дух,
Приговаривая вслух:
„Ой вы, ноги мои, ноги,
Не споткнитесь средь дороги,
Замети, метель, следы,
Чтоб уйти мне от беды!"
Вася в питерской харчевне
Всем трезвонил о деревне:
„Ох, уж эти мужики!

Ох, и что за чудаки!
В гости звали, принимали,
Прижимали-обнимали,
Все бока мне обломали,
Угощали так, что вот
По сей день болит живот.
Как поедете, ребятки,
Вы к родне своей на святки,
Дай вам бог, чтоб вас родня
Так встречала... как меня!"

РАЗОРЕННЫЕ

Воробушек воробушку:
„Чирик, чирик, чирик!"
Один был первогодочек,
Другой уже старик.
Сел старый пригорюнившись,
Все перышки сложив,
А малый расфуфурился:
„Жив-жив, жив-жив, жив-жив!" —

„Жив? Много ль жить осталось?" —
Промолвил старина.
„Да как же! Бают, дедушка,
Вот кончится война!" —

„Ох, кончится — не кончится,
А все разорено...
От холоду да голоду
Подохнем, все равно".

VI

НА СТОЛИЧНОМ РЫНКЕ

Бог знает, что творится
Средь рыночной толпы:
„Сижу без дров, сестрица!" —
„Ни фунтика крупы!" —
„Заплачешь, хоть не плакса!" —

„Грабиловка!“ — „Обман!“ —
„Какая ж это такса?“ —
„Поход на наш карман!“ —
„Но кто ж того не знает,
Что таксу издает
Не тот, кто покупает,
А тот, кто продает!“ —
„Бери-ка чином выше.“ —
„Гнетут со всех сторон!“ —
„Порядки!“ — „Тише, тише!“ —
„Чего-й так?“ — „Фараон!“ [1] —
„Эй, р-рас-хо-дись, орава!“ —
„Родимые! Берут!“ —
„Брысь! Не имеешь права!“ —
„В участке разберут!!“

КОЧУЮЩИЕ ДАРМОЕДЫ

Басня

Бывают случаи — не выдумать нарочно.
На станции глухой,
А именно какой, не помню точно,
Две мухи встретились с блохой.
Ну, разговор пошел, понятно.
Знакомство новое в пути всегда приятно.
„Положим, — скажут, — не всегда!“
Бывает разно. Спорить неча.
Но в этом случае была, однако, встреча,
Как встреча.
Шел разговор простой: откуда кто? куда?
Какие и про что идут на свете слухи?
Как, мол, здоровье и дела?
Блоха, вишь ты, в Москву скакала из села.
Обратно, из Москвы в село, летели мухи.
„Ох, мушки, — плакалась блоха, —
Еще ли ваша жизнь в Москве была плоха?
Пивали сладко вы и сытно там едали.
Что ж вы в деревне не видали?
Ведь я, поди, сама бегу не от добра.

[1] Насмешливое прозвище полицейских.

Дни нынче сытые в деревне стали редки.
Такая выдалась пора —
Чуть не подохла напоследки:
Авось, поправлюсь я в Москве!" —
„Подправишься,— вздохнули мухи,—
Держи карман. Да мы-то две,
Мы от чего бежим, скажи!.. От голодухи!"

Что город, что село —
Повсюду стало тяжело.
Не жаль мне мух и блох, клопов и таракашек,
Беду их за беду большую я б не счел,
Но жалко мне рабочих пчел
И трудовых мурашек:
Их жребий особливо крут,
Когда у них последнее берут!

VII

— Голод! — голод! — голод! — голод! —
Бил по трону тяжкий молот.
Трон шатался и трещал.
Шла война. Народ нищал.
Богатеи наживались,
Кровью нашей упивались;
Умножая свой доход,
Бедный грабили народ;
На пирах и на обедах
Сладко пели о победах, —
Чьих? Над кем? Секрет простой —
Богачей над беднотой!

Богачи — чужие, наши —
У одной разъелись каши.
Та ли, эта ль сторона —
Голытьба везде одна.
Но, разбив ее на части,
Богачи сидят у власти,
С голытьбою на борьбу
Посылают... голытьбу!

VIII

Из зачумленных кварталов,
Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели.

Затрещали-зазвенели
Телефоны у властей:
„Вызвать войско всех частей!“
Фараонам — ведра водки,
Сыр, колбасы и селедки,
Сахар, масло, калачи...
Угощайтесь, палачи!
Вам дадут ужо работу:
На чердак по пулемету.
В люд голодный — знай пали!
Старых, малых — всех вали!
Половину выбить, чтобы
Остальных загнать в трущобы.
Псы, старайтесь, вам на храп
Даст по сотенной сатрап —
Генерал лихой, Хабалов!

Из гнилых, сырых подвалов
Люд измученный, больной
Хлынул яростной волной
На широкие панели:
„Мы — не ели!“

IX

У царицы сердце мрет,
В страхе злом она орет,
Протопопова торопит,
Пусть он бунт в крови потопит, —
Чтобы часу не терял
Да скорее усмирял.

Новый „друг“ по залам бродит,
Бродит, места не находит,
Проклинает свой удел:
„Лучше б дома я сидел!“

X

Протопоповым-министром
Для царя в порядке быстром
В ставку послан был доклад,
Что в столице — сущий ад;
Если царь прибудет лично,
Может, все пойдет отлично.

Царь министру повелел,
Чтоб патронов не жалел;
Если ж очень нужно будет,
Царь в столицу сам прибудет —
Милость царскую явить,
Бунт голодный подавить.

По цареву по указу
Усмирять пустились сразу.
Не помог царев указ.
Сорвалось на этот раз!

XI

Ваня вышел с полувзводом
Воевать с родным народом.
Перед тем как выходить,
Велел ружья разрядить.
„Братцы милые, по людям,
Все равно, стрелять не будем!“

Вышел весь Волынский полк,
С усмиреньем тот же толк.
Роты улицами ходят,

Да порядку не наводят.
Повстречавши москвичей,
Столковались без речей.
„Мы, ребятки, не замаем“...
Был ответ им: „Понимаем!“

XII

Во дворцах переполох:
В войске дух заметно плох,
Усмирять народ — охоты
Нету вовсе у пехоты.
Войско мрачное стоит,
На душе свое таит.

Недовольный ратью пешей,
Царь приказ дает депешей:
„Пехотинцы — подлецы,
Пусть работают донцы!“

„А казак — собака, что ли?
Подлый враг народной доли
И царю слуга слепой?“

Мирно встретившись с толпой,
Повернул казак лошадку,
Не навел казак порядку.
Едет — пикой шевелит.
Драться — совесть не велит!

Разобрали фараоны
Пулеметные патроны.
Фараонам был приказ:
„Вся надежда лишь на вас!“
Постарались живоглоты:
Затрещали пулеметы.
Царь наш добрым был отцом:
Накормил народ... свинцом!

XIII

Царь читает донесенье:
„Усмирили в воскресенье“.—
„Усмирили? Очень рад!
Живо поезд в Петроград!“
Ехал поезд, да не шибко.
Приключилася ошибка.
Царь в тревоге. Ночь. Темно.
„Питер?“ — „Нет“. — „А что же?“—
„Дно“.—
„Ехать дальше!“— „Нет нам хода.
Петроград в руках народа!“—
„Двинуть фронт на эту тварь!“ —
„Фронт с народом, государь!“

XIV

Человек живет не вечно,
И помрем мы все, конечно.
Плут последний и герой —
Будем все в земле сырой.
Уничтожит трупы тленье,
Имена сотрет забвенье.
Марья, Дарья, Клим, Пахом —
Зарастем все лопухом!

Но не все забыто будет:
К новым подвигам возбудит,
У души простой не раз
Слезы вызовет из глаз,
Не одну разбудит совесть
О делах о наших повесть
И о днях... Но наши дни —
Не прошли еще они.
За желанную свободу,
Может быть, еще народу
Суждено лихой судьбой
Самый страшный вынесть бой.
Враг, лежавший на лопатке,
Недобитый в первой схватке,

Кровожаден и свиреп,
Вновь воспрянул и окреп!
Нет царя и царской дворни,
Но остались злые корни,
Кем держался старый строй:
Богачей шмелиный рой!

XV

На деревню (всё — к порядку!)
Надо сделать нам оглядку.

Шустрый лавочник Назар
Ездил в город на базар.
Как вернулся — все к Назару!
Не раскрыл Назар товару,
А кругом ни стать, ни сесть.
„Был на почте?" —
„Письма есть?" —
„Есть. Постой, куда ты прешься!
Сразу тут не разберешься!
Сто печатей на письме!
Вот: Прохватову Кузьме...
Тетке Дарье... Деду Климу...
Стой ты!.. Мельнику Касиму...
Селифантьевна, бери:
Для тебя тут сразу три.
Вот тебе, кума Маланья,
Исполнения желанья!
Ты все плакалась, кума,
Что не пишет твой Фома!"

XVI

Ни одна еще раздача
Не окончилась без плача,
Каждый раз одно и то ж,
Что ни весть, то в сердце нож,
Ну, а тут, как по заказу:
Всем Назар подсыпал сразу.

Поднялся в лавчонке вой:
Фекла сделалась вдовой,
Влас читает ей уныло,
Где и как там дело было.
Ни жива и ни мертва,
Горемычная вдова
Слову каждому внимает,
Ничего не понимает.
Поняла. И, не дыша,
Обронивши малыша,
С тяжким стоном повалилась.
Рядом Дарьюшка забилась, —
У нее беда своя:
Сын единственный, Илья,
Не вернулся из разведки.
Клим согнулся весь. У дедки
Отличился, пишут, внук:
Есть „Георгий“, нету — рук!
Деда еле держат ноги.
„Вот... дождались мы... подмоги!..“
Фрол в письме корит жену:
„Очень тяжко мне в плену.
Ты ж, как стало мне известно,
Повела себя нечестно“.
Бьет молодушку озноб:
„Фрол придет — загонит в гроб!“

XVII

„Гады! Псы, едят их мухи!“—
„Кто?“—
„Известно! Ходят слухи:
Предстоит опять набор!“ —
„До каких же это пор?!“ —
„Что ж, Ерема? Снаряжайся.
Тетка Дарья, не пужайся,
Ты ведь то уразумей, —
Встретит сына Еремей.
Паренек пропал без вести,
Вдруг — нашелся. Будут вместе.
Рядом, значит, — сын с отцом!“

С затуманенным лицом,
Всех окинув смутным взором,
Еремей Босой с укором
Власу молвил: „Не шути,
Скоро, что ль, на сбор итти?“ —
„Неизвестно, братец, точно.
Слышно, списки пишут срочно:
Всех — не знаю, врут аль нет, —
До пятидесяти лет“.

XVIII

Вновь катит Назар с базару,
Но — без писем и товару.
Что, про что, подлец, орет,
Леший сам не разберет:
„Пресвятая мать-царица!
Что в уезде-то творится!
Ходит тучами народ.
Как попал в водоворот,
Еле вылез я оттуда!“ —
„Что ты мечешься, паскуда!
Сядь. Без толку не ори.
В чем там дело, говори, —
Бунт большой в уезде, что ли?“ —
„Бунт! Кричат: земли и воли!
Смерть царям! Долой войну!
Флаги красные!“ — „Да ну?!
Что ж полиция?“ — „Поди ты!
Фараоны перебиты“. —
„Вот так штука. Врешь ты, брат.
Ну, а как... насчет солдат?
По народу не стреляют?“ —
„Где там! С флагами гуляют,
В трубы жарят, в бубны бьют,
Песни вольные поют!“ —
„Слушай, нет ли манифеста?“ —
„Не сойти мне, братцы, с места.
Бают — вправду или зря, —
Будто кокнули царя,
Всех министров заковали.

Поначалу бунтовали
На заводах — не впервой.
За народ мастеровой,
И заводский и фабричный,
Гарнизон весь стал столичный;
Фронт туда же потянул,
Новой власти присягнул!“

XIX

У Назаровой у лавки
Не продрать руки средь давки.
Разговоры, споры, шум.
„Стой! — кричит кузнец Наум. —
Надоть нам без проволочки,
Чтоб разведать все до точки,
Чепухи ж не городить,
Верхового снарядить.
Пусть немедля в город лупит
Да газет для нас накупит.
Будет всем тогда видней:
Дождались каких мы дней?
Впрямь пришел конец несчастью?
И... под чьей теперь мы властью?“

XX

Спать ложились вечерком.
Утром, глядь, — всё кувырком!

Дума ахнуть не успела —
Революция приспела.
Царской Думы нет следа:
Разбежались, кто куда,
„Представители народа“.
Барам новая погода —
Не погода, — костолом.
Баре плачут о былом.
„Незабвенная утрата!
Доживем ли... до возврата?!“

XXI

В бывшей Думе — толчея.
Сразу видно, сила чья.
Люд рабочий да солдаты.
Тут от них ведь депутаты.
Целый, стало быть, Совет.
Есть Совет, да толку нет.
Тянут в нем — подумать здраво! —
Кто налево, кто направо,
Кто вперед, а кто назад, —
Норовят на всякий лад
Смастерить основу власти.
Меньшевик казенной масти
Да хозяйственный эсэр —
Ладит всяк на свой манер.
Но в одном их хор согласен:
Большевик для них опасен!
Сладу нет с большевиком,
Стал им в горле, словно ком,
Хоть бы час провел в покое.
„Тут ведь времечко какое:
Богачей прижали в лоск, —
Богачи — как мягкий воск;
По-хорошему, без спору,
Столковаться б с ними впору,
Вожжи в руки им отдать
Да порядков новых ждать.
Богачи — народ толковый:
Нам они порядок новый,
Буржуазный — вот какой —
Утвердят живой рукой.
Нам иного ждать раненько.
Сразу прыгнуть в рай трудненько.
На крутой переворот
Не дозрел еще народ.
Мужики — темны да серы
И ни в чем не знают меры —
Без указки, без узды
Натворят еще беды!
Припусти их к полной воле,
Так не сладишь с ними боле:

Всё разделят — разберут,
Богачей с земли сотрут.
И пойдет такая свалка...“ —
„Нет, нужна народу палка!“
Так эсэр с меньшевиком
Промышляли мужиком.
А мужик не знал — не ведал,
Что его уж кто-то предал!

XXII

Получив нежданно власть,
Богачи довольны — страсть!
Богачи страною правят,
Богачи опять нас давят,
Нашу кровь, как прежде, пьют,
Кандалы для нас куют,
Тюрьмы новые готовят
Да свободу славословят.
Их свободу. Больше — чью?!
Нет свободы мужичью!
Ни свободы, ни землицы,
Ведь земля — не рукавицы:
Взял, да сразу и надел.
„Надо сделать так раздел,
Никому чтоб не обидно! —
Богачи дудят солидно: —
Уж с земелькой... подождем!
Всё законно проведем
С нашим, дескать, всем стараньем —
Учредительным Собраньем.
А пока, мол, ни-ни-ни!
Лямку старую тяни!“

ПЕСНЯ О ЗЕМЛЕ

Ой вы, головы, головушки кручинные,
Не пускайтесь на дела на самочинные,
Самочинные дела да беззаконные:
Отбирать свои полосыньки исконные.
На помещичье добро ужо не зарьтеся,

А в соку своем, в поту, как прежде, парьтеся.
Да, как стадо, уж как стадо безголовое,
Все надейтесь на правительство на новое:
Оно скрутит, оно свяжет вашу силушку,
Оно землю даст вам, землю... на могилушку.

БАБУШКА НЕНИЛА

(В хвосте за хлебом)

Крепко бабушка Ненила
Революцию бранила.
— Батюшки!
„Вот свобода, так свобода,
Нету хлеба у народа!“
— Матушки!
„Что ты, бабушка? В уме ли?
Ведь цари весь хлеб объели.
— Батюшки!
Как по щучьему приказу,
Не родится хлебец сразу.
— Матушки!
Вот с землей добьемся ладу, —
Поработаем в усладу.
— Батюшки!
Новый хлеб заколосится —
Шелк наденешь вместо ситца.
— Матушки!
Весь ты век жила убого, —
Потерпи ж еще немного.
— Батюшки!
За свободную-то долю
Попируем, бабка, вволю“.
— Матушки!

XXIII

„Скоро ль жизнь пойдет спокойней?
Не пора ль кончать нам с бойней,
С трижды проклятой войной?!“ —

Стон стоит над всей страной.
Богачи дрожат, как воры:
„Но у нас же договоры!
Англичанин да француз —
С ними ведь у нас союз:
Подводить их нам негоже,
Честь для нас всего дороже.
Уж мы с миром... подождем.
Речь о мире поведем
Мы на первом заседаньи...
В Учредительном Собраньи.
А пока, мол... послужи.
Лезь, ребятки, на ножи!“

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВО КАПИТАЛ

Изобретательны на доводы
Лихие „рыцари ножа“.
Нужны „законные“ им поводы
Для оправданья грабежа!
Не важно поводов количество,
Один бы „право грабить“ дал.
„Да здравствует Его Величество
Венчанный кровью Капитал!“

XXIV

Новый строй рождался в муках.
Богачи на разных штуках
Норовили нас поддеть,
Чтоб, как прежде, всем владеть.
„Все залечим вам болячки.
Не пороте лишь горячки.
Разрешит любой нам спор
Учредительный Собор.
Так без лишнего напора
Потерпите... до Собора!“
А когда Собора ждать? —
Надо надвое гадать!

ПО БАБУШКУ

Басня

Дед-Мокша со снохой трудился на покосе.
Сноха ж была давно на сносе.
Вот ополдни молодка — ох да ой!
Забилася, как муха в тесте.
То видя, Мокша-дед задергался на месте.
„Постой,— кричит,— постой!
Для ча такая спешка?
Елешка, а Елешка!
Слышь, погоди родить:
Дай мне по бабушку сходить!“

XXV

Богачи „со всем стараньем“
Учредительным Собраньем
Козыряли, как могли.
Ведь оно еще вдали!
А пока там суд да дело, —
Знай, орудовали смело
И, втирая всем очки,
Не играли в дурачки,
А вели игру иную:
Посадивши одесную
Демократов пять аль шесть
(Тоже ведь „ручные“ есть!),
Не брала чтоб нас обида,
С ними стряпали для вида
Деловую колею, —
Гнули ж линию свою!
Ставить начали заторы,
Заводить везде раздоры
Да натравливать народ:
Деревушку — на завод,
На рабочего — солдата,
Чтоб пошли все брат на брата
И, устроив Вавилон,
К богачам пришли в полон!

РАБОЧИЕ — СОЛДАТАМ

Солдаты!
— наша кровь и наша плоть.
И тот, кто хочет нас преступно расколоть,
Кто сеет злую рознь средь трудового люда,
Тот истинный Иуда!

Солдаты!
На смену хищникам, державшимся за трон,
Иные хищники спешат со всех сторон,
Мешая закрепить восставшему народу
Отбитую свободу.

Солдаты!
Пройдет война и с ней солдатская страда,
И снова станете вы все детьми труда,
И всех спаяет нас — от фабрики до поля —
Одна судьба и воля.

Солдаты!
Не отделяйте же от нас своей судьбы.
Не покидайте нас в тяжелый час борьбы.
Да не падут на вас народные проклятья,
Солдаты, наши братья!

XXVI

Пролетарская газета
„Правда“ — вестница рассвета;
Чистый блеск ее лучей
Нестерпим для богачей.
Богачам она отрава, —
Беспощадная расправа
Богачами с давних дней
Учинялася над ней.
И едва лишь пир кровавый
Чуять стал орел двуглавый,
„Правда“ первая была
Жертвой хищного орла.
Но когда пришло нам время

Вековое сбросить бремя
Гадов, пьющих нашу кровь,
Возродилась „Правда“ вновь,
Взмывши пламенем из пепла,
Возродилась и окрепла.

ПОД ЗНАМЯ „ПРАВДЫ“

Семья рабочая — едина.
В ее руках — ее судьба.
Нет и не будет господина,
Где нет покорного раба!

Напрасны будут вражьи козни:
Не одолеют вас враги.
Одним путем, не зная розни,
Направьте верные шаги.

Чтоб враг лукавыми словами
Не обманул вас ни на час,
Вы знать должны, что — кто не с вами,
Тот — против вас! Тот — против вас!

Возврата нет к былым оковам.
Ваш путь один — итти вперед!
Своих вождей узнать легко вам
По вою злобному „господ“!

Чтоб отстоять свой труд и волю
От покушений злой орды,
Вокруг бойцов за вашу долю
Сомкните стройные ряды!

Украсьте, братья, знамя ваше,
Примером став для всех времен.
Пусть это знамя будет краше
Всех затемненных им знамен!

Одно в сердцах рабочих пламя!
Один порыв в одной груди!
Пусть ваша „Правда“, ваше знамя,
Свободно реет впереди!!

XXVII

Кривда „Правду“ ненавидит —
„Правда“ кривду всюду видит,
В час тревожный бьет в набат,
„Правда“ скажет, кто горбат.
Мироедам „Правда“ — плаха.
Им мерещится со страха:
Ленин пишет не пером,
А, и вправду, топором:
Отрубил, примерно, строчку —
Снял с мильонщика сорочку!

„БУКА“

Буржуазно-колыбельная песенка

Спи, дитя мое, усни,
Мне с тобою мука.
К „Правде“ ручек не тяни:
„Правда“ — это бука!

Спи под песенки мои,
Спи, моя услада:
В „Правде“ Ленина статьи
Хуже злого яда.

Что ни слово — то беда,
Что ни строчка — пытка:
Не видать нам никогда
Прежнего прибытка!

Дни вольготные пришли
Всей рабочей шпанке.
Будем, детка, без земли
И без денег в банке!

„Караул! Грабеж! Разбой!“ —
Поднялся буржуйный вой.
Зашипели злые гады.
Растерзать бы „Правду“ рады.

Но за ней — большевики,
Всё народные полки.
„Правду“ тронь неосторожно —
Напороться этак можно.

Надо бить наверняка.
Надо с ней борьбу пока
По иному ладить плану:
Напустить сперва туману,
Взбаламутить так народ,
Чтоб пошел он весь вразброд.
Богачам тогда свободно
Делать все, что им угодно!

XXVIII

Всюду — сходки, споры, шум.
Питер ждал районных дум.
Выбирали новых гласных.
От плакатов — белых, красных,
Синих, всяких — рябь в глазах.
Шел раскол большой в низах:
Краснобайству давши веру,
Льнули многие к эсэру;
Меньшевик весьма хитер,
Тож очки местами втер,
Большевик спокойно к бою
Вел рабочих за собою.
Богачей кидало в дрожь!
„Нам поможет только ложь!“

„КАК У ПИТЕРСКИХ ГОСПОД...“

Предвыборная песня

Как у питерских господ
Превеликий, братцы, сход.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Превеликий, братцы, сход.

Хлещут вина богачи,
Едят сладки колачи.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Едят сладки колачи.

И едят они и пьют,
На салфетки слезы льют.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
На салфетки слезы льют.

Им на выборы итти,
А дела-то не ахти!
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Их дела-то не ахти:

Густо улица пылит —
Трудовой народ валит.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Трудовой народ валит.

Люд фабричный, батраки
Да солдатские полки.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Всё народные полки.

Трудовой народ валит,
Богачей вовсю калит.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Богачей вовсю калит:

„Ой вы, баре-господа,
Мироедская орда.

То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Мироедская орда!

Мироедская орда,
Не пройдешь ты никуда!
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Не пройдешь ты никуда!“

Стал народ везде в хвосты,
На руках у всех листы.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
На руках у всех листы.

А в какой ни глянешь лист, —
Все стоит: „социалист“.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Большевик-социалист!

Люд голодный, не спасуй:
Подружнее голосуй!
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Подружнее голосуй!

Чтобы сытым богачам
Худо спалось по ночам.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Худо спалось по ночам.

Чтобы видели они,
Что пришли другие дни.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Да пришли другие дни.

Что у вольной голытьбы
Силы станет для борьбы.

То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Силы станет для борьбы!

Сил у каждого борца —
Чтоб бороться до конца.
То ли, сё ли,
Нынче, что ли,
Будем биться до конца!

Часть четвертая

ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ НАДУВАТЕЛЬСТВО

I

„Кто посеял, кто пожал“ —
Я про это речь держал.
Шел народ на баррикады,
А пролезли к власти — гады.
Взяв народ в лихой зажим,
Объявили свой „режим“:
Буржуазные порядки.
Подставляй хребет, ребятки!
Мироедам послужи,
Животы за них ложи!
Ждет деревня лучшей доли,
Ждет земли и вольной воли,
Распорядков новых ждет:
Вот бумага-де придет,
Все расскажет и укажет,
По губам медком помажет:
„Наступил твой час, Фаддей.
Все — твое. Бери — владей!“
Что-то делается где-то,
За весной проходит лето,
Вот уж осень у ворот.
Суматошится народ:
„Что же это, братцы, значит?
Власть нас новая колпачит!
Перемены не видать,
До каких же пор нам ждать?“

II

„Что вы! Что вы! Что вы! Что вы!
Бунтовать, никак, готовы?
Власть вам новая худа?
Власть, ей-богу, хоть куда!
Ей, несчастной, столько дела,
Не до вашего раздела.
Вот управимся с войной,
Все пойдет на лад иной!“

Так измученному люду
Языком плескали всюду
Разбитные господа.
Этой сволочи тогда
Расплодилося без меры.
Все, изволите, эсэры!
Бьет себя, рыдая, в грудь
Землемер какой-нибудь,
Иль учитель-математик,
Иль паршивый адвокатик:
„Братцы! Я, да вы, да мы!
Погодите до зимы!

III

Будет вам земля и воля,
Но помещичьего поля
Вы не трогайте пока.
Будет все у мужика!
Дайте срок — создать законы,
Вас ведь, братцы, миллионы,
А земельный-то запас
Не ахти какой у нас.
Так, сплеча, рубить негоже,
Раскумекать надо тоже,
Где земля и чья земля?
Посмотреть на векселя,
На расписки, закладные,
И окажется, родные,
Что помещик — только звук,

Землю выронил из рук,
А владелец настоящий —
Тот крестьянин работящий,
Что поля и барский дом
Приобрел своим... трудом.
Тут не место хваткой лапе,
„Отобрал — и дело в шляпе“.
Надо толком разобрать,
Где оставить, где забрать.

IV

Отобрав неосторожно,
Повредить лишь делу можно!
Есть именья — сущий рай:
Что конюшня, что сарай,
Что машина, что скотина,—
Образцовая картина!
На научный всё манер,
Всем хозяевам пример,
Как хозяйство надо строить,
Чтоб доходы все утроить.
Взять помещика: иной —
Скот разводит племенной,
Улучшает то и это,
Сам в работе зиму-лето,
Экономом и агрономом —
Все стоит на нем одном!
Рассудите-ка толково:
Коль помещика такого
Из именья мы пугнем,
Далеко ли мы шагнем?
Не напортим ли мы вдвое,
Разорив гнездо такое?
И не лучше ли всего:
Не касаться нам его?
Не касаться, не кусаться,
На чужое не бросаться,
А учиться да глядеть,
Как добром своим владеть?

V

Есть еще задержка — в сметах.
Пусть в земельных комитетах
Подведут всему итог,
Чтобы вам, помилуй бог,
Не обидеть земледельца —
Пусть и крупного владельца.
Это ж, братцы, не закон:
Взять за шиворот и — вон!
Отбирай, но не бесплатно,
Надо совесть знать, понятно:
Где — надбавить, где — скостить,
Но убытки возместить,
Чтоб помещиков ослабить,
Но... помещиков не грабить!
Выкуп, вместо грабежа,
Да рассрочка платежа,—
И придумать лучше трудно!
До чего все выйдет чудно!
Без обиды, без вражды!
Ни корысти, ни нужды!

VI

Вот мы партия какая!
В жизнь крестьянскую вникая,
В трудовой весь обиход,
Мы — страдальцы за народ,
Мы за вас душой болеем.
Мы себя не пожалеем.
Ежли что,— в тяжелый час
Мы сумеем стать за вас!
В Учредительном Собраньи —
Мы уверены в избраньи! —
Мы такое учредим!
Вновь порядок утвердим,
Всех устроим, всё уладим!
Обкарнаем и спровадим
Без особенных чинов
Городских всех крикунов.

Вот — программа на листочке,
Разберитесь в каждой строчке.
Вся тут правда — без прикрас,
Угодит вам в самый раз.
Рассудите, обсудите
Да в эсэры все идите!
По полтине членский взнос".

Кум Фаддей повесил нос,
Кум Фаддей в затылке чешет:
„Чтой-то барин будто брешет,
Брешет — глазом не мигнет,
И куда он, ирод, гнет?"

VII

Пров Кузьмич, как пьяный вроде,
Ходит козырем на сходе,
По-эсэровски поет,
Всем подписочку сует.
„Тит, записывайся, что ли,
На предмет земли и воли!
Еремей, Фаддей, Наум,
Взяться всем пора за ум.
По полтиннику, ребята,
Не ахти какая плата.
Записался — и шабаш!
Просто все, как „Отче наш".
Неча, братцы, опасаться.
Наше дело записаться.
А эсэры в добрый час
Всё обтяпают за нас!"
Крякнул Тит с лукавой миной:
„Эх, рискну-ка, что ль, полтиной!
Погляжу на их дела".

Записалось полсела,
Список быстро был составлен,
В город с нарочным отправлен.
Пров разглаживал чело:

„Фу! Как будто отлегло!
Ехать завтра к генеральше
Или ждать, что будет дальше?“

VIII

Поп Ипат, хлебнув винца
В честь „небесного отца“,
В Спасов день обедню тянет,
Вправо, влево оком глянет.
„П-сс! — зовет пономаря.—
Помяну-ка, что ль, царя?“
Пономарь глаза таращит:
„Бес тебя, должно быть, тащит
За язык, отец Ипат.
Церковь, глянь, полна солдат.
Зададут такого звона:
Стащут за косы с амвона!
Помяни царя, не лгу,—
Я из церкви убегу!“
У попа засохло горло:
„Впрямь их, иродов, наперло.
Фронт, поди-кась, обнажен.
Ну, сидели б возле жен,
Возле Марьи да Натальи,—
Нет, народ мутят, канальи!
Речи их, чертей, слыхал?“
Поп отчаянно вздыхал.
Не молился, что-то вякал,
Службу кое-как отбрякал
И айда скорей домой:
„Ну, и время, бож-же мой!“

IX

Загорелы, бородаты,
Фронтовой народ — солдаты
Вдоль по улице идут,
Речи разные ведут.
Мужикам те речи в диво.

„Очень, братцы, уж правдиво!“—
„Говорят: газетам верь.
Как же верить им теперь?
Что про ленинцев трубили?
Будто немцы их купили.
А вот унтер Мышаков
Хвалит как большевиков!“—
„Вот что, милые, обидно:
Ведь конца войне не видно“.—
„Дисциплину тож в частях
При теперешних властях
Укрепляют так, что любо:
Встал не так, ответил грубо
Или косо посмотрел,
Сразу—„Сволочь! Под расстрел!“
Гонят силой в наступленье,
Отказаться — преступленье.
Барам что? Не их берут,
Пусть за них другие мрут!
За спиною нашей храбры!“—
„Взять их, гадов, всех под жабры!“—
„Обломать им хохряки!“—
„Мы-то, мы-то, дураки,
Растерявши сразу мысли,
Пред эсэром как раскисли!
Как он ловко всех поддел!
Рази ж он за нас радел?!“—
„Пропадай моя полтина!
Пров Кузьмич, все ты, скотина:
Вместе жулил, старый пес!
Возвращай мне членский взнос!“

X

Богачам одно спасенье:
Будет пусть землетрясенье,
Голод, мор, потоп, война,
Только б нищая страна,
Не стерпев дальнейшей муки,
Отдалась сама им в руки.
Богачам один лишь путь:

Петлю туже нам стянуть.
Снова трубы затрубили:
„Ежли б немцев мы побили,
Показали им кулак...
Все б тогда пошло не так:
Сразу б немцы спали с тону,
Запросили бы пардону!“
И пошла-пошла писать.
Под ту дудочку плясать
Меньшевик пошел с эсэром,
Словно дама с кавалером.

XI

Фронту отдан был приказ:
Подтянуть чтоб всех зараз,
Чтоб с врагами не брататься,
А сначала поквитаться.
Мы-де хоть не за грабеж,
Не захватчики, а все ж...
Мир для мира — это враки.
Мир бывает после драки,
Как похмелье — по пиру.
„Лезьте, братцы, на уру!“

БАРЫНЯ

Окопная

Ай, люли-люли-люли,
Как мы песню завели:
— Барыня, барыня.
Ты моя сударыня!

Пишет, братцы, мне жена —
Скоро ли кончится война?
— Скоро ли то, барыня,
Скоро ли, сударыня?

Скоро ль кончится война?
Истомилась я одна.
— Эх ты, горе, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Истомилась, исстрадалась,
Век с тобою не видалась.
— Ох, барыня, барыня,
Как тут быть, сударыня?

Стала жизнь мне — сущий ад:
Ничего нейдет на лад.
— Нету ладу, барыня,
Все трещит, сударыня.

Без тебя пошло все врозь,
Все хозяйство расползлось.
— Расползлося, барыня,
По всем швам, сударыня.

Опустел сарай и хлев,
Хлеба только на обсев.
— Ох, барыня, барыня,
На обсев, сударыня.

А казенный нам паек —
Холостой хлебать чаек.
— Да, барыня, барыня,
Холостой, сударыня.

Дождалися мы времен,
Дорогой ты мой Семен.
— А каких же, барыня?
Да каких, сударыня?

Нет у нас царя уж боле,
Весь народ на вольной воле.
— Любо ль тебе, барыня?
Любо ли, сударыня?

Всех чертей прогнали вза́шей,
Что кормились кровью нашей.
— Кровью нашей, барыня,
Кровушкой, сударыня.

Все помещики в округе
Разбежалися в испуге.

— Разбежались, барыня,
Пусть бегут, сударыня!

А мы слез не стали лить,
Землю их давай делить.
— Хорошо ли, барыня?
Хорошо, сударыня!

Вот каки у нас дела:
Революция была!
— Чем же худо, барыня?
А ничем, сударыня.

Отпиши скорей ответ:
Жив, голубчик, ты аль нет?
—Жив, моя ты барыня,
Жив пока, сударыня.

Долго ль с немцем воевать?
Долго ль нам тут горевать?
— Долго ли нам, барыня,
Горевать, сударыня?

Шлю с детьми тебе поклон,
Дорогой мой муж Семен.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

А я дело, братцы, сметил,
А я женушке ответил.
— Что ответил, барыня?
Что, скажи, сударыня?

Не горюй, не плачь, жена:
С немцем кончится война.
— Право слово, барыня,
Ей же бог, сударыня.

С немцем кончится война:
Надоела нам она.
— Надоела, барыня,
Ну ее, сударыня!

Бойня начата не нами,
А царями да панами.
— Верно ль это, барыня?
Верно ли, сударыня?

За чужие ж дележи
Неча лезть нам на ножи!
— Ни к чему нам, барыня,
Ни к чему, сударыня!

Неча лезть нам на ножи,
Так ты всем и расскажи.
— Рассуди-тка, барыня,
Обмозгуй, сударыня!

А у немцев, чаем, тоже
Выйдет дело с нашим схоже.
— С нашим схоже, барыня,
В самый раз, сударыня!

Ходят к нам их ходоки,
Люд фабричный, батраки.
— Люд фабричный, барыня,
Батраки, сударыня.

Мы к ним с братскими словами:
Дело, дескать, все за вами!
— Будет дело, барыня,
Первый сорт, сударыня!

Сообща, ребятки, дружно
Мироедов гнать нам нужно.
— Мироедов, барыня,
Богачей, сударыня.

Отвечают немцы: „Гут!“
Надо думать, не солгут.
— Надо думать, барыня,
Не солгут, сударыня.

Заварухе дай начаться,
Дай лишь немцу раскачаться.

— Раскачаться, барыня,
Разойтись, сударыня.

Рассчитать все наперед:
Оч-чень правильный народ!
— Башковитый, барыня,
Деловой, сударыня.

Дело сделают не скоро,
Да зато уж выйдет споро.
— Вот как споро, барыня,
Начисто, сударыня!

Дело немцы доведут,—
Тут войне-то и капут.
— И айда-те, барыня,
По домам, сударыня.

Как вернемся ж мы домой,
Что-то будет, боже мой?
— Что-то будет, барыня?
Знаешь, чай, сударыня.

Коль затеют баре спор,
Мы сумеем дать отпор!
— Наше дело, барыня,
Верное, сударыня!

Постоим за нашу долю,
За земельку да за волю!
— Постоим уж, барыня,
Отстоим, сударыня!

Так-то, женушка-жена,
Скоро будешь не одна.
— Не одна, слышь, барыня,
С муженьком, сударыня.

Как не летом, так зимой
Жди хозяина домой.
— То-то, моя барыня,
Заживем, сударыня!

Остаюся жив-здоров,
Рядовой Семен Петров.
— Эх, барыня, барыня,
Шевелись, сударыня!

Нашей песне тут конец,
А кто пел, тот молодец!
Размолодчик, барыня,
Удалец, сударыня!

ПРИКАЗАНО, ДА ПРАВДЫ НЕ СКАЗАНО

Солдатская песня

Нам в бой итти приказано:
„За землю станьте честно!“
За землю! Чью? Не сказано.
Помещичью, известно!

Нам в бой итти приказано:
„Да здравствует свобода!“
Свобода! Чья? Не сказано.
А только — не народа!

Нам в бой итти приказано
„Союзных ради наций“.
А главного не сказано:
Чьих ради ассигнаций?

Кому война — заплатушки.
Кому — мильон прибытку.
Доколе ж нам, ребятушки,
Терпеть лихую пытку?

XII

„Лезьте, братцы, на уру!
А чтоб гнусную игру
Большевик не смог разладить,
Решено его спровадить —
Хоть и со света! Не грех!
Только чем разбить орех?

Камень где сыскать удобный?“
Был тут план придуман злобный:
„Кто ведет войну с войной?“ —
„Большевик, не кто иной“.—
„Немцам в руку?“ — „Ну, понятно!“—
„И, должно быть, не бесплатно“.—
„Большевик-де, ходит слух,
Где-то в банке, даже в двух,
Брал немецкие червонцы!“
Так боролись оборонцы
С политическим врагом,—
Замутила все кругом
Разолгавшаяся свора.
Вор кричит: „Держите вора!“
С честным видом подлецы
Прячут так свои концы.

XIII

Всё читая без разбору
Да прислушиваясь к спору,
Что все партии вели,
Ваня бился на мели.
За эсэров подав голос,
Все ж потом, как в поле колос,
Гнулся он — туда, сюда.
Гнулся — сам не знал куда.
„Как узнать прямого друга?
Что причиной перепуга
Тех, кто тучей злых листков
Травит так большевиков?
В чем тут, собственно, опасность?
Привести бы это в ясность.
Клим... Куда девался Клим?
Побеседовать бы с ним.
С кем теперь идет он в ногу?“

Так, нося в груди тревогу,
Ваня скоро впал в хандру.
Не читал он поутру
С прежней жадностью газеток.

Глаз мужичий все же меток.
Все читать — Ванюше лень.
„Правду“ ж брал он каждый день.
„Вот, поди ж ты... пишет верно.
Что ж бранят ее так скверно?!
Пусть мне скажет кто другой:
Чем неправ Яким Нагой?“

ПИСЬМО ЯКИМА НАГОГО, помещенное в № 79 „Правды“ 24 июня 1917 г.

Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Пишу я вам послание,
Пишу-то не умеючи,
Нескладно да неграмотно,
А только — от души.
Душа ж моя — мужицкая,
Мужицкая, крестьянская,
Совсем она измаялась,
Измаялась, измучилась,
Кажинный день болеючи
От горестных вестей.
Приходят к нам те вестушки,
Те вестушки столичные,
В деревни наши бедные,
В медвежьи уголки,
Приходят безо времени
Да без желанной радости.
Уж мы-то ждем их, ждем,
В тоске великой маемся,
Надёжою питаемся
На наших на заступничков,
Родных своих ребятушек,
Ребятушек-солдатушек,
На люд мастеровой:
Они-де нас ученее,
Они-де нас смышленее,
У них-де крепче головы,

Им все там больше ведомо:
Что? Как? И почему?
У них-де хватит силушки,
У них-де станет смелости,
Что смелости-умелости
Стать крепко на своем:
Не выдать люда бедного,
Рабочего-крестьянского
Извечным нашим ворогам,
Мирским всем захребетникам,—
Не выдать нипочем!
Но вести все приходят к нам
Такие ль безотрадные,
Такие ль безутешные,
Что верить им не хочется.
Да статочное дело ли,
Да может ли то быть,
Чтоб вы так с толку сбилися,
Так потеряли головы,
Так разошлися с совестью,
Что у попов, чиновников,
Министров и сановников,
Разъевшихся помещиков,
Купцов расторговавшихся,
Банкиров-миллионщиков,
У подлых их прислужников,
Угодников-ласкателей,
У подхалимской сволочи
Пошли на поводу?!
Да разве ж это мыслимо,
Чтоб речи их неправые,
Неправые-лукавые
Пришлися всем вам по сердцу;
Чтоб шипы их змеиные
За песни соловьиные
Казаться стали вам?!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой!
Очнитеся, одумайтесь
Да к совести прислушайтесь,

Раскиньте головой:
Кому вы так доверились,
На чьи слова туманные,
Туманные-обманные
Огульно положилися?
Кто совесть вашу вывихнул?
Кто ум вам замутил?
Забыли вы пословицу
Хорошую, народную:
Ковать железо надобно,
Покамест горячо.
Раз время потеряете —
А вы терять уж начали,—
То напоследки сядем мы,
Как раки на мели.
Доверившись обманщикам,
Господским потаковщикам,
Объевшися посулами,
Тех песенок заслушавшись,
Что власти завели,
Мы под конец останемся
Всё теми ж остолопами,
Господскими холопами —
Без воли, без земли.
Того ли вам хотелося,
К тому ли вы стремилися,
Когда в порыве радостном
Царя осточертелого
С его лихой опричниной
В единый дух смели?
А нынче та опричнина,
Прияв личину новую,
Втирая вам очки,
Уж поднимает голову,
Смелее озирается,
Бойчее огрызается,
Братается с нагайками
И тянется к хлысту.
Покамест вы толкуете,
Как, дескать, по-хорошему,
Без лишнего стеснения,
— Не дай господь — насилия! —

По чистой справедливости
С крестьянами — помещиков,
С рабочими — заводчиков
Как-либо примирить,
Так, чтоб одним досталося
И у других осталося,
Чтоб нареканий не было
От черни околпаченной,
Найпаче ж от господ,—
Пока вы так стараетесь,
Пока вы распинаетесь,
Попы, купцы, господчики,
Помещики, заводчики,
Все ироды, кому,
По божью попущению,
Верней — по нашей глупости,
Покорной нашей тупости,
Досель жилося весело,
Вольготно на Руси,
Они не ждут — готовятся,
Они не остановятся,
Хо-хо, ни перед чем!
За то, что не умели вы,
За то, что не хотели вы
Напрячь свои все силушки
Да так на богатеев всех
Налечь, прижать их так,
Чтоб им дыханья не было,
Чтоб затрещали косточки,
Чтоб жирная да толстая
Кишка их сразу лопнула,
Чтоб больше им, кабальщикам,
Захватчикам, нахвальщикам,
Податься было некуда,
Чтоб был им тут капут;
За то, что сплоховали вы,
За то, что дело начали,
Да дела не доделали,
Его — по вашей милости,
Опять собравшись с силами,
Оставшись воротилами,
Как были, миллионщики

Доделают по-своему:
Еще, вишь, ими кровушки
Народной мало пролито
В проклятой, злыми гадами
Для их несметных прибылей
Затеянной войне;
Еще, вишь, недостаточно
Чужих полей засеяно
Крестами надмогильными;
Еще, вишь, мало пущено
По белу свету маяться
Калек и вдов-сирот;
Еще им, вишь ты, кажется,
Что мало ими нажито,
Что мало мы обобраны,
Не все еще лишилися
Последних животов;
Душа у них тревожится.
Им, аспидам, неможется,
Им непременно хочется
Дорваться до последнего,
Чтоб опосля войны,
Пустивши всех нас пó миру,
Им было бы удобнее,
Голодных, обессиленных,
Прибрать нас всех к рукам.
Солдатушки-ребятушки,
Три года воевали вы,
Три года вас мытарили,
Гоняли на убой,—
Но, видно, мало прежнего:
Еще вы повоюете,
Еще вы погорюете,
Еще беды натерпитесь,
На смерть пойдете верную —
Во здравие захватчиков,
Во славу их мошны!
Вы, братцы, други милые,
Родимые ребятушки,
Народные солдатушки
Да люд мастеровой,
Очнитеся, одумайтесь

Да к совести прислушайтесь,
Раскиньте головой!
Очнитеся, опомнитесь,
Не выдайте, голубчики,
Себя и нас не выдайте
Извечным нашим ворогам,
Грабителям-насильникам,
Мирским всем захребетникам.
Сестер и братьев вспомните,
Старуху-мать родимую
И старого отца!
Единым горем вскормлены,
Единой волей спаяны,
Своею силой гордые,
В своем решеньи твердые,
Ряды сомкнувши стройные,
Железные, спокойные,
За наше дело общее,
За наше дело правое,
За долю всенародную
Постойте до конца!

Писал сие послание —
Подтянутой губернии,
Уезда Терпигорева,
Пустопорожней волости,
А той деревни Босовой
Мужик *Яким Нагой*.

XIV

Богачи везде шныряли,
Даром часу не теряли,—
Разослав своих послов,
Не жалели сладких слов.
На Дону от них посольство
Бьет челом за хлебосольство:
„Ой вы, бравые донцы,
Боевые молодцы!
Окажите вы нам дружбу,
Сослужите вы нам службу,

Помогите сбить рога
У проклятого врага,
У немытой, черной голи,
Что кричит: земли и воли!
День упустим — не вернем.
Голь наглеет с каждым днем.
Не поставьте ей преграды —
Сами ж будете не рады!“
Отвечала старшина:
„Ваша голь хотя страшна,
Нам своя страшнее вдвое.
Но правленье войсковое
Все ж в руках у нас пока.
Ладно: будут вам войска!“

АТАМАНСКАЯ НАГАЙКА

Басня

Товарищ дорогой,
Согнись дугой,
Подставь покорно спину:
Так подобает „гражданину“,
Стоящему за „временную власть“.
Хлебнув свободы всласть,
Остепенись маленько:
Освобожденье ты отпраздновал раненько.
Нет, милый, нам с тобой свобода не с руки.
Обидно — не обидно,
А по всему, брат, видно,
Что путь для нас один: в казачьи батраки.

Теперь смекай-ка:
Жила-была нагайка.
Не говоря про старину,
Совсем недавно
Нагайка славно
Стегала спину не одну.
На царский зов она всегда неслась охотно,
Чтоб вольный дух унять в народных бунтарях,
Зато самой при всех царях
Жилося ей весьма вольготно,
Не то что б, скажем, там какому батраку

Аль мужику,
Спадающему с тела
У своего куриного надела.
Но вот мы дожили до радостной зари:
Верх взяли бунтари!
Свалив грабительскую шайку,
Почал народ судьбу устраивать свою
И голытьбу сзывать в единую семью.
Да позабыл, вишь... про нагайку!
Нагайка ж исстари „вольна“,
И волю понимать способна лишь она.
Свободой новой ей мозгов не затуманить,
И вправе потому она „дуван дуванить“,
Судить нас, бедных, и рядить,
То-бишь — „порядок наводить“.
Что ж? Это дело ей не внове!

Но... все ль нагайки наготове,
Чтоб двинуться в поход
На трудовой народ?
Не атаман ли тут толкует с атаманом,
Как войско с толку сбить предательским обманом,
„Казацкой вольностью“ и мусором „свобод“?

Казаки, грустная моя побаска эта
Ужель останется без братского ответа?
Казаки, вам пора, пора глаза открыть:
Кто подбивает вас на Каинову прыть?
Родные братья наши,
Вы не разделите с богатым общей чаши.
У трудового казака
Век не поднимется на бедный люд рука.

XV

„Что нам в пользу — то и гоже.
А попы ведь сила тоже! —
Порешили богачи.—
Две пудовые свечи,
Аналойчик, да икона,

Да духовная персона...
„От Матфея“ там „глава“...
Про смирение слова...
Раз писанье — значит, свято,
Люди ж верили когда-то...
Так попробуем теперь...“
Богачи стучатся в дверь
К архипастырю Андрею,
Из Уфы архиерею:
„Архиерей наш, архиерей,
Спаси нас, грешных, от бунтарей.

Трещит Расея!
Прошло блаженство.
Одна надея
На духовенство,
На дым кадильный из алтарей.
Спаси нас, грешных, отец Андрей!

Нам без лазейки
Спасенья нету,
Две-три статейки
Дай нам в газету,
Чтоб в назиданье простой толпы
Могли читать их в церквах попы!“ —

„В оковах пастырь...
В разброде стадо...
Целебный пластырь
Сыскать нам надо,
Чтоб злую рану закрыть скорей“, —
Рек, прослезившись, отец Андрей.

И, ощутивши
Прилив отваги,
Скорей схвативши
Кусок бумаги,
Стал он „Биржевке“ строчить статью,
В высоком стиле галиматью:

„Не надо злобы!
К чему бунтарство?

Нам надо, чтобы
Окрепло царство,
Борьбы знамена в архивы сдать,
Да осенит нас тишь-благодать.

Без отреченья,
Без примиренья,
Без подчиненья
И без смиренья
Не избежать нам лихой беды!“ —
Твердил епископ на все лады.

Коря сноровку
Социалистов,
Стриг „под Биржевку“
Евангелистов.

Ведь это ж, отче, простой обман?!
Опять с амвонов пускать туман?

Чтоб люд наш темный
Опять толпами
На зов погромный
Шел за попами?!
Скажи все ясно, святой отец,
Твоих статеек какой конец?

XVI

Клевета — большое дело.
Клевету весьма умело
Богачи пустили в ход,
Чтобы с толку сбить народ.
Всюду шныряли оравы
Ловких сбытчиков отравы.
Подрядились в „языки“
Все заштатные шпики.

„КОНТРРАЗВЕДЧИКИ“

„Вечор девки, вечор девки
Пиво варивали“.
Два шпика у Малой Невки
Разговаривали:

Шпик 1-й. Ты скажи, скажи, бродяга,
Где ты маешься,
И каким ты, лярва, делом
Занимаешься?

Шпик 2-й. А я, братко, живу гладко
Да не маюся,
А я прежним нашим делом
Занимаюся!

Шпик 1-й. Царь небесный! Пресвятая
Богородица!
Новый строй ужель шпиками
Обзаводится?

Шпик 2-й. Ну, шпиками — не шпиками.
Шпик шельмуется.
То же дело по-иному
Именуется.
По-иному наше дело
Привечается,
С похвалой в газетах многих
Отмечается.
В буржуазную газету
Лишь заявишься,
Сразу, братец мой, в почетный
Угол ставишься.
Так и льнут к тебе писаки,
„Куш“ подсовывают,
В десять перьев твои враки
Разрисовывают.
Битый час проврешь им, точно
Неприкаянный.
Прешь про ленинцев нарочно
Брех отчаянный.
Тут они глаза закатят
Умилительно!
Как за все потом заплатят, —
Удивительно! —

Два шпика пошли, обнявшись,
Вдоль над Невкою.
Вот вся песня, — остановка
За припевкою.
А припевки после спеты
Были разные.
Затянули все газеты
Буржуазные:
„Миру, вишь ты, „Правда“ рада.
Показательно!“ —
„Разгромить всю „Правду“ надо
Обязательно!“

XVII

Воры, сыщики, громилы,
Биржевые крокодилы,
Толстосумы-живоглоты,
Мироеды-патриоты —
Все, кто был царям оплотом,
Кто кормился кровью-потом
Обездоленного люда...
Вот пошел поход откуда!
Вот кто, брызжа злою пеной,
„Правду“ стал корить... „изменой“!

Черносотенная рать
Стала шибко напирать;
Сам эсэр, кряхтя до сроку,
Лишь подмигивал ей сбоку.
К черной банде напрямик
Лез в объятья меньшевик.
Связь погромная готова.
Разгромили „Правду“ снова!
Был приказ властей таков:
„Не щадить большевиков!
Уничтожить всех их сразу,
Как зловредную заразу.
Главарей арестовать,
Чтоб не смели бунтовать!“
Написать приказ не штука,

Да искать попробуй, ну-ка!
„Как тут быть?“ — „Хватай гуртом,
Разберемся уж потом!“

XVIII

Меньшевик, эсэр, ликуя,
Ловят за полы буржуя:
„Счет сведя с большевиком,
Заживем теперь ладком.
Съезд в Москве устроить нужно,
Чтоб потом работать дружно,
Петь под общий камертон.
Заказать нам, что ль, вагон?
Завтра, что ли-ча, поедем?“
Но буржуй рычит медведем:
„Человек я, что ж, — прямой:
Камертон-то будет мой!“—
„Ваша светлость! Что вы, что вы!
Мы ж для вас на все готовы.
Вместе будем отвечать.
Не извольте лишь серчать!“

XIX

Съезд в Москве прошел на диво!
Богачи весьма ретиво
Повели свои дела.
Вот комедия была!
Перед их враждебным станом
Распинались Либер с Даном,
Меньшевистские „вожди“—
От козла удою жди!..
Видно птицу по полету.
Буржуазному помету,
Лебезя и так и сяк,
Тож поклонится не всяк.
И эсэров брали корчи.
Но, как зуб от давней порчи,
Стыд у них пропал давно:
Пели с Даном заодно!

„ЛИБЕРДАН"
Подхалимский танец

Пред военным барабаном,
Мастера на штучки,
Танцевали Либер с Даном,
Взявшися за ручки.
„Либердан!" — „Либердан!"
Счету нет коленцам.
Если стыд кому и дан,
То не отщепенцам!
Милюков кричал им браво
И свистел на флейте:
„Жарьте вправо, вправо, вправо!
Пяток не жалейте!"—
„Либердан!"—„Либердан!"
Рассуждая здраво,
Самый лучший будет план:
Танцевать направо!

На Москве устроив танцы
Сообща с врагами,
До упаду либерданцы
Дрыгали ногами.
„Либердан!"—„Либердан!"
Что же вы, ребятки?
Баре сели в шарабан.
Живо, на запятки!

Часть пятая

БОЛЬШЕВИСТСКИЙ ОКТЯБРЬ

I

Ванин взвод пошел в наряд.
Целый где-то там отряд
Большевистский арестован.
Ваня был командирован
Отвести его в тюрьму.
Кто ж в отряде том ему
На глаза попался первым?
Точно молния, по нервам

Пронизала Ваню дрожь:
„Клим!.. Голубчик!.. Узнаешь?..“—
„Узнаю“.—„Теперь я понял!—
Пот холодный Ваню пронял.—
Так о „Правде“ воронье
Нам накаркало враньё?!“
Клим Ванюшку глазом смерил:
„Что же ты? Ужель поверил?“
Весь зардевшись от стыда,
Ваня молвил: „Никогда!“
Клим Ванюше подал руку:
„Вот, прочти-ка эту штуку!“—
„Клим, ты скажешь всем своим:
Мы за правду постоим!!“

РАЗРЫВ-ТРАВА

Большевистская сказка, переданная Климом Ване

Батрак Лука не спал ночей,
Одолевали парня думы:
„Люд бедный, городской,—в когтях у богачей,
Деревней правят толстосумы.
Куда ни кинешься, все нет для голытьбы
Иной судьбы:
Какой-то черт ее трудом и сыт и гладок,
А ей—на все запрет и ко всему заслон.
Что ж это за такой закон?
И кто завел такой порядок?
По праздникам не раз, положим, поп Ипат
Увещевал народ с амвона
Словами божьего закона:
Не зарьтесь, мол, на тех, кто в мире сем богат,
Не ополчайтесь брат на брата!
В загробной жизни ждет всех богачей расплата...
Слеза в глазах, и крест в руках,
И голос—с этакою дрожью,
А явно отдает от проповеди ложью.
У самого попа порыться в сундуках—
Поди-кося, не всё там по закону божью!
Вот батрака возьми—к примеру, хоть меня:
И руки будто есть, и голова на месте,
А в жизни я меж тем не знал такого дня,

Когда бы не был я рад смерти, что невесте.
К работе ль я ленив? Работа ль мне невмочь?
Нет, я б работал день и ночь
И вынес всякую б работу.
Но если б строиться я возымел охоту, —
Замок-то есть, да нет ключа!
И камни и леса, всё — в лапах богача!
На пашне бы своей не пожалел я поту,
Да пашни-то и нет.
Явившися на свет,
Все лучшие угодья
Нашел я где? В руках дворянского отродья!
Иль почему бы мне не сделаться ткачом?
Но лен ли, конопля ль, овечье ли то стадо —
Все, все присвоено проклятым богачом!
Что ж остается мне? За что мне браться надо?
И одному ли мне?
Один ли я пойду к грабителям с поклоном?
Под гнетом богачей в родимой стороне
Весь люд убогий стонет стоном.
Так это божьим, что ль, утверждено законом?!"

Покою не было с тех дум у батрака,
И крепко мысль ему одна тогда запала.
В ночь под Ивана под Купала,
Чистенько обрядясь, в лес двинулся Лука.
„Жив, — порешил он так, — не буду —
Для счастья общего не жаль мне головы! —
А в эту ночь я раздобуду
Заветный цвет разрыв-травы!"
В ночную темь, по рвам, по кочкам, по бурьяну
Шагал батрак. В глуши лесной
Набрел на тихую поляну.
Там, место выискав под старою сосной,
Три круга очертил и с верою живою
Платочек разостлал перед разрыв-травою.
Покрылся у Луки холодным потом лоб, —
То в жар его всего кидало, то в озноб, —
Молитвы бормоча, дрожа от нетерпенья,
Он ждал чудесного цветенья.
Ждал, твердо веруя, что есть,
Есть сила дивная в волшебном, тайном цвете!

О, если бы ему с собой тот цвет унесть, —
Перевернул он все б на свете!
Прибравши клады все к рукам,
Он их бы роздал беднякам, —
Всем, кто морит себя работой подневольной,
Кто множит прихотью чужой число калек,
Кто к счастью весь свой скорбный век
Бредет, кряхтя, тропой окольной.
И крикнул бы Лука: „Гей, горе-голытьба!
В твоих руках твоя судьба.
Злой власти богачей ты не потерпишь боле.
В запряжке каторжной уж не согнешь горба:
Под небом все — твое: вода, и лес, и поле!
Избавясь от нужды проклятой, вековой,
Отныне можешь ты, люд черный, трудовой,
В трудах и в радостях друг с другом в общей
доле
Жить на своей на полной воле!“
Упал в слезах Лука перед разрыв-травой,
На сердце стало парню худо,
От духоты ночной кружилась голова.
Тут — ровно ополночь — в лесу свершилось чудо.
В короткий миг разрыв-трава
Пред парнем бледным и безгласным
Вся расцвела цветеньем ясным,
И, словно звездочки, стал за цветком цветок
Роняться тихо на платок.
Крест сотворивши троекратный
И завязавши цвет заветный в узелок,
Батрак пустился в путь обратный.
Идет. А сердце ёк да ёк.
И вот — отколь взялось и где все раньше было? —
Лес грозно зашумел, зверье вокруг завыло,
Вверху закаркало лихое воронье,
Внизу заползали и зашипели гады:
„Брось узел!“ — „Брось!“ — „Оставь нам
прежнее житье!“ —
„Зальются кровью наши клады!“
Сжимая узелок дрожащею рукой,
Лука все шел, а за Лукой
Неслися вихрем ведьмы, черти:
„Брось узел!“ — „Чьей ты хочешь смерти?“ —

„Прольется кровь!“ — „Народ восстанет на народ!“ —
„На сыновей пойдут отцы, на братьев братья!“
Творя молитвы и заклятья,
Лука все шел с узлом вперед.
А вой все рос: „Куда ты?“ —
„Куда ты?“
И стали обгонять тут батрака солдаты:
„Прощай! За клады нас всех гонят умирать!“
Навстречу им — другая рать.
Сошлись. Блеснул огонь. В тела вонзились пики.
Покрылось поле все кровавой пеленой.
Вокруг Луки неслись проклятья, стоны, крики:
„Ты нашей гибели виной!“
Тут наважденье все вмиг, как рукой, убрало.
Глядит Лука: никак, уж солнце заиграло
Над деревушкою родной!
Но не успел еще он отойти от страху,
Вдруг кто-то у него как ухнет за спиной
Да плетью по руке как стеганет с размаху!
Глаза застлало у Луки,
И не заметил он, как из его руки,
От боли онемелой,
Пал наземь узел белый.

Опомнившись, батрак рванулся в бой с врагом.
Ан, смотрит — перед ним нет ни врага, ни цвета:
Все тот же темный лес, и никого кругом;
Все та ж глухая ночь, и не видать рассвета!

Товарищи! Друзья! В тяжелый час, когда
Вся мироедская на нас идет орда,
Пытаясь нас сразить не силой — клеветою,
Ужели дрогнем мы, отступим хоть на шаг?
Ужель допустим, чтобы враг
Нас попирал своей пятою?

Пусть заклеймила нас продажная молва,
Пускай со всех сторон на нас враги насели, —
Что ж! Мы покажем им, что наша мощь жива,
Что все еще в руках у нас разрыв-трава:
Вождями нашими указанные цели,
Что, наподобие Луки,
Мы духом не падем, надежд не похороним,

Что под ударами не разожмем руки
И наших лозунгов на землю не уроним!
Последних слов еще не изрекла судьба.
Пусть все решит борьба!..

II

Лист валится, травка вянет,
Холодком осенним тянет.
Час — под озимь уж пахать,
А про землю не слыхать.

В деревушке — сход за сходом:
„Долго ль будут над народом
Измываться господа?" —
„Не толкнуться ль нам куда?"
Порешили все согласно:
Чтобы сразу стало ясно,
Кто стоит за мужика,
Выбрать в Питер ходока.
„Тит, кати. Мужик ты дельный.
Там, на месте, в срок недельный
Разберись во всем, как след.
Что нам в пользу, что — во вред?
Обойди там все Советы,
Все Советы, Комитеты.
Потолкайся, расспроси:
Что творится на Руси?
Правду ль бают, что эсэры —
Продувные лицемеры,
Что их речи — пустозвон,
И что надо гнать их вон?"

III

Три недели ждали Тита.
„Вот, поди ж ты, волокита!"
Толковали так и сяк:
„Тоже дело не пустяк —

В день не справишься, понятно!“
Как вернулся Тит обратно,
То-то был переполох!
Бедный Тит чуть не оглох.
В нетерпении великом
Все кругом кричали криком,
Рвали Тита за бока,
Торопили мужика:
„Не томи ты, ради бога!“ —
„Нас брала уже тревога!“ —
„Чуть не месяц пропадал!“ —
„Где ты был и что видал?“

IV

„Ошалели все вы, право! —
Усмехнулся Тит лукаво. —
Дайте узел развязать,
Есть тут, что вам показать.
Вот газеты. Вот книжонки.
Не на ваши всё деньжонки,
Не эсэры дали, нет.
Большевицкий Комитет!
Об эсэрах что калякать —
Не народ, а просто слякоть!
Говорят да говорят
Восемь месяцев подряд,
Подпевают живоглотам,
Все выходит как по нотам,
Иль, сказать верней всего:
Не выходит ничего!

V

Был я в ихнем совещаньи,
Даже плюнул на прощаньи!
Всё про ленинцев орут,
Что в Советы больно прут.
Большевицкая зараза
Фронт разъела, как проказа:

Дисциплины никакой,
Хоть на всё махни рукой!
То же, дескать, с мужиками:
Стали сплошь большевиками.
В дрожь кидает по утрам
От газетных телеграмм.
Мужики, лишась терпенья,
Всюду стали брать именья,
Делят землю меж собой,
Кое-где пошел разбой.
Грабят барские пожитки,
Разбирают всё до нитки;
Жгут помещичьи дома, —
Вот она какая тьма!
Разыгрались злые страсти,
Все спасенье в твердой власти.
Обуздать должно скорей
Всех советских бунтарей.
Бунтом пахнет. Есть приметы,
Обнаглели все Советы.
Коль по шапке им не дать,
То добра, мол, не видать!"

VI

„Дать! Без них бы лучше было! —
Пров Кузьмич вздохнул уныло. —
Рвань там всякая мутит!" —
„Ладно. Спрячься! — молвил Тит. —
Там тебя недоставало.
Вижу, значит, толку мало
От эсэров этих нам:
Тянут все они к панам,
С барской сволочью съякшались,
На „порядке" помешались,
А порядок их таков:
Сжать покрепче бедняков,
То-бишь, „рвань", чтоб не „мутила",
По указочке ходила,
По указочке б жила,
Крякнуть, охнуть не могла.
Плюнул я на это дело,

Слушать бредни надоело,
Шапку в руки — и айда!
В Смольный, значит, вот куда!

VII

Смольный — здание такое.
В неге, роскоши, в покое,
На шелках, на серебре
Тут при батюшке-царе
Обучалася наукам,
Благородным всяким штукам
Стая целая девиц,
Дочерей высоких лиц, —
Пышный выводок дворянский.
Нынче здесь — Совет крестьянский
И рабочий. Захожу,
Рот разинувши, гляжу.
До чего все это ново:
Муравейник, право слово!
Шум веселый, беготня.
Окружили тут меня.
„Кто такой? Зачем? Откеда?“
Слово за слово — беседа.
Говорят такое вслух,
Что захватывает дух!
Как обнюхал я весь Смольный,
Вижу: вот где дух-то вольный!
Вот где волю нам куют,
Бьют — промашки не дают.
Вот, подумал я, откуда
Ожидать нам надо чуда —
Чуда, бунта — все равно:
Бунтовать бы нам давно!

VIII

„Ну, пора и возвращаться“.
Стал со Смольным я прощаться.
Отдал низкий всем поклон:
„Вы наш истинный заслон,
Дай господь вам всем успеха.

Никакая нам помеха
С вами, братцы, не страшна.
Как деревня ни темна,
Мужичок душою чует,
Кто болезнь его врачует,
Кто спасает бедняков
От ярма и от оков.
Все за вас мы, братцы, станем,
Всей землей за вас потянем —
Назначайте только час,
А уж мы поддержим вас.
Просвещайте нашу братью!"
Дали тут мне лист с печатью.
С этим, стало быть, листом
Разыщу в Москве я дом.
Там, как этот лист получат,
То меня всему научат,
Всем, чем надо, наградят,
Связь с деревней учредят.

IX

Дальше шло как по заказу.
Дом в Москве сыскал я сразу.
Приютили там меня,
Вроде всё своя родня,
И родня — сказать не в шутку!
Увидал я тут Машутку,
Что служила у попа.
Девка очень неглупа.
Не видал бы — не поверил.
Так и сяк умом я мерил
И вникал в ее слова.
Вот какая голова!
Кто приходит, всех расспросит,
Что-то в книжечку заносит,
Держит речи полчаса.
Ну, ей-богу, чудеса!
Ходит много к ней народа
Чуть не с каждого завода.
Дел партийных — миллион,

То ж Москва — большой район,
Пай свой членский вносят в кассу,
Разговор ведут про „массу“,
Про рабочие „низы“
И „предчувствие грозы“.
Мне не очень-то понятно,
Слушать все-таки приятно.
Ай да Маша, погляди:
Хоть в сенат ее сади!

X

Прямо диву я давался,
Слушал, девкой любовался.
Под конец всего спросил:
„Вот-де, я не раскусил —
Хоть кой-что смекаю смутно, —
Почему ежеминутно
Ты бранишь меньшевиков?
Это ж всё народ каков?
Не под стать ли он, к примеру,
Толстозадому эсэру?..“ —
„Как сказать, голубчик Тит?
У эсэров аппетит
Самый зверский. Их повадка —
Сладко петь насчет „порядка“.
С ними шли всегда мы врозь.
Видно сразу их насквозь, —
Им подай такой „порядок“,
Чтобы волк был сыт и гладок,
А покорная овца
Покорялась без конца.
Лишь одно ей обеспечить,
Зря ее чтоб не калечить,
Стричь иль резать — по нужде,
А не так, в слепой вражде:
Съел — одну, испортил — сотню,
Нагрешил — и в подворотню!
Дай ей жить иль душу вон.
Но чтоб был на все закон!“ —
„Так. Закон. Оно сподручно

Драть не оптом, так поштучно.
Тож, сказать, не дураки.
Ну, а как меньшевики?"

XI

„Меньшевик — иное дело,
Он орудует умело:
Ловкий плут и стрекулист,
Но — марксист! Социалист!
Хоть он Маркса так толкует,
Так его раскритикует,
Так ему урежет рост, —
Остается только хвост;
Суть, душа вся исчезает,
А наружу вылезает
Лишь ободранный скелет.
Дескать, так — чрез сотню лет
Или две, а то и боле,
Можно речь вести о воле,
О земле и всем ином.
Маркс, великий эконом,
Доказал-де очень ясно,
Что напрасно и опасно
Нам заскакивать вперед:
Все придет, мол, в свой черед!
Богачи пусть богатеют,
А рабочие — потеют,
Чахнут, падают и мрут.
Капиталу нужен труд,
Скорбь, нужда, болезни, муки,
Продающиеся руки.
Но что этот, мол, разбой
Прекратится сам собой.
Дескать, час такой настанет,
Люд рабочий весь воспрянет,
Всю механику поймет,
И... без бою все возьмет,
Получай-ка плод готовый:
Вот тебе порядок новый!
Соскребай последний струп!
Старый строй — холодный труп:

Жил и помер в полном чине
По естественной причине!
Отжил свой законный срок.
Ну, какой отсель урок?“

XII

„Шутишь, Маша, ты, наверно! —
Отвечал я так, примерно. —
Ждать, чтоб этот капитал,
Как пельмени, нас глотал
До своей до самой смерти, —
Пусть его глотают черти!
Это что ж? На новый лад
Речь попов про рай и ад,
Песня та ж выходит снова:
Ждать пришествия Христова!
Будет с нас, пожалуй, ждать.
Можно проще рассуждать —
И задержка, мыслю, в малом! —
Можно с этим Капиталом
Дело круче повернуть:
В бок ножом его пырнуть!
Чай, побольше будет проку,
Коль подохнет он до сроку!
Пусть поплачет кто по нем,
Мы-то как зато вздохнем!“
Долго Маша хохотала,
За живот себя хватала.
Все смеялись вместе с ней:
„Верно, Тит! Чего ясней!“ —
„В бок ножом, и вся недолга!“ —
„Вот она, родная Волга!“
Кто-то даже так вскипел, —
„Стеньку Разина“ запел!

XIII

Дали тут мне книг три пуда.
Маша...“ —
„Дрянь она! Паскуда! —

Рявкнул Пров на всю избу. —
Вот уж я ее сгребу!
Попадись она мне здеся!"
И, поклона не отвеся,
Взором злым окинув всех,
Пров Кузьмич под общий смех,
Обложивши всех заборно,
Из избы ушел проворно:
„Ладно, дуй вас всех горой!
Вам покажут новый строй!"
Миновав родную хату,
Пров зашел к отцу Ипату:
„Ну, готовься-ка, отец,
Скоро нам с тобой конец.
Мил не будет свет нам белый..."
Поп глядел, как очумелый:
„Что стряслося, говори?" —
„То! Под боком бунтари!
Тит приехал из столицы,
Прет, добро бы небылицы, —
Небылицы — ерунда! —
Нет, все правда, вот беда!
Говорит, подлец, такое...
Дня нельзя провесть в покое:
Жди несчастья каждый час —
Вот он, бабушкин-то квас!
Вздулся, пенится и бродит,
Ох, отец, беда приходит,
Настоящая беда:
Не спасешься никуда!
Слушай, батя, по порядку".
Поп, воззрившись на „лампадку"
(Не с елеем, а с винцом),
Слушал с горестным лицом,
Сокрушался, ужасался
И к „лампадке" прикасался.
Пров Кузьмич не отставал:
Доливал и выпивал.
Горевали долго оба.
Овладела батей злоба,
Стал косичкой поп трясти:
„Знамо, надо донести!"

XIV

ПОХОРОНЫ

У буржуев шумный пир, —
Ну, и пир.
Всех повесить, кто за мир! —
Кто за мир?
Поднялся веселый крик, —
Ну, и крик:
Умер, умер большевик! —
Большевик?
Со святыми упокой! —
Упокой?
Шевелит мертвец рукой! —
Ох, рукой!
Большевик открыл глаза! —
Ой, глаза!
Неужель опять гроза? —
Да, гроза!

БАРСКИЕ СЛЕЗЫ

Побывальщина

Как во славном было городе во Питере,
Как на славной было улице Суворовской,
Против дому ли того да против Смольного,
Как стояла там персона благородная,
Благородная персона да дородная.
Как прегорько та персона убивалася,
Убивалась, говорила таковы слова:
„Ах, и было ж мною попито-поедено,
На пуховых на перинах да полежано!
Ох, житье мое ты барское, привольное,
Навсегда, мое житье, ты миновалося.
Все богачества мои да все владения,
Нажитые, родовые все и женины,
По рукам пойдут мужицким, по мозолистым,
Беднотою неумытою поделятся.
Ох ты, горюшко мое, ты, горе горькое,
И с чего ты, злое горе, приключилося,
Лиходеем на меня каким ты наслано?
Уж вы, белые палаты, зданье Смольное,
Будь ты, Смольное, навеки трижды проклято!

Чтоб ты в землю без остатку провалилося!
Что пригрело ты смутьяна неуемного,
Главаря всей чернокостной буйной сволочи,
Батраков ли всех лихого обольстителя,
Всей ли жизни моей барской погубителя,
Верховода ли Совета окаянного,
Что Рабочего Совета да Солдатского!
Как пойду я помолюся всем святителям:
Милюкову — Сладкопевцу Дарданельскому,
Церетели и Авксентьеву — угодничкам,
Пред иконою святою, пред Калединской,
Пред Корниловской иконой чудотворною
Я зажгу по две свечи, свечи пудовые:
„Вы, отцы мои, святители-угоднички,
Уж вы сжальтеся над нашей барской участью,
Отведите от нас беды величайшие:
Одолела голытьба нас бесталанная!“
Помолюся — будет чудо — глас услышится:
„Все пойдет по-стародавнему, попрежнему:
Не владеть крестьянам пахотью помещичьей,
Не видать голодной рвани вольной волюшки,
Не бывать вовеки царствию батрацкому!“

XV

О правительстве о новом
Уж обмолвился я словом,
Не касаяся имен,
Кто дурак и кто умен.
Не хотелось, между нами,
Стих марать их именами.
Но чтоб нити все связать,
Мне придется рассказать
О министре самом главном
И конце его бесславном.
Чтобы дать его портрет —
Добрых слов в запасе нет,
А браниться неуместно.
Полагаю, всем известно,
Что он Керенским звался,
Но откуда он взялся?

От эсэров, вот откуда!
Легковеры ждали чуда:
Адвокат, мол, говорлив,
Говорлив да не сварлив.
Бывши в Думе депутатом,
Объявлялся демократом,
Значит — станет за народ.
Вышло ж все наоборот.
Не туда он руль направил,
С бедной братией лукавил,
С богачами жил в ладу
И дудил в одну дуду.
Лебезя пред богачами,
Упивался их речами.
Богачи ж — не знал холоп! —
Под него вели подкоп.
Телеграмма — трах! — из Ставки:
„Убери-ка ноги с лавки
Да проваливай ко псам!
Подудить хочу я сам!"
Адвокатик, взвывши матом,
С просьбой слезною к солдатам;
„Помогите! Караул!"
Поднялся в казармах гул:
„Шут с тобой! Помочь нетрудно,
Только правишь ты паскудно.
Не исправишься — гляди:
Тож от нас добра не жди!"

XVI

Дурака учили мало.
Офицерство не дремало.
Как Корнилов-генерал
Артиллерию сбирал:
„Вы, ребята-ребятушки,
Заряжайте свои пушки
Да начните-ка палить,
Чтоб правительство свалить.
Мне правительство не мило,
Бунтарей не догромило.

Канителить неча зря.
Погуляли без царя!"
Отвечали тут солдаты:
„Вона, брат, махнул куда ты!
Нет, Корнилов-генерал,
Не на глупых ты напал.
Вот, пожалуй-ка в кутузку,
Петля будет на закуску!"

XVII

Что же сделал адвокат?
Наплевавши на солдат,
После доброй их подмоги
Обивать, злодей, пороги
К богачам пошел опять.
„Ах, должны же вы понять,
Что для вас я — друг ваш верный,
Ваш слуга нелицемерный,
И что вас я под беду
Никогда не подведу.
Черный люд мы успокоим:
Предпарламентик устроим,
Членов так мы подберем,
Чтоб не пахло бунтарем.
Словом, будет — говорильня,
И буфетик, и курильня.
Пусть там малость погалдят:
Этим нам не повредят.
Мы к ним раз-другой заглянем,
Месяц как-нибудь протянем,
Через месяц поглядим:
Хорошо ли мы сидим?!"

Посидели две недели
И тормашкой полетели.
„Коемуждо по делом!"
Вышел сразу перелом.
Люд рабочий да солдаты,

Окружив дворцы-палаты,
Объявили власть *свою!*

Трудовой народ в бою.
Час назад войска шли мимо.
Видел Ваню я и Клима.
Может быть, в последний раз.

ПРОЩАНИЕ

Кончен, братцы, мой рассказ.
Будет, нет ли — продолженье?
Как сказать? Идет сраженье.
Не до повести. Спешу.
Жив останусь — допишу.
А погибну? Что ж! Простите.
Хоть могилку навестите.
Там, сложивши три перста,
У соснового креста
Средь высокого бурьяна
Помолитесь за Демьяна.
Жил, грешил, немножко пил,
Смертью грех свой искупил.

19 25 октября / 7 ноября 17 г.
Петроград

XVIII

В дни октябрьской славной схватки
Мы простилися, ребятки;
Я, готовясь пасть в бою,
Сам оплакал смерть свою.
Есть в том чудо, нет ли чуда,
Но... я жив еще покуда
И, буржуям на беду,
С вами речь опять веду.

Да, на чем я кончил, кстати?
Пров Кузьмич скулил у бати,

Поминая бабкин квас:
„Жди несчастья каждый час!“
„Жди несчастья“. Ненароком
Оказался Пров пророком:
Скоро, впрямь, стряслась беда,
Вроде „Страшного суда“.
В день „Косьмы и Дамиана“
Вышло солнце из тумана,
Сквозь узорное стекло
В церковь луч свой навело.
В церкви уймища народу.
Поп кропило тычет в воду.
Окропивши всех водой,
Батя, бледный и худой,
И приметно спавши с тона,
„Братья! — речь повел с амвона. —
Сообщу вам злую весть:
Дней тому, примерно, шесть,
К нашей общей всей досаде,
Приключился в Петрограде
Вновь большой переворот:
Большевистский всякий сброд,
Мразь фабричная, матросы,
Словом, всякие отбросы
(Чтоб им, иродам, пропасть!)
Захватили в руки власть.
Первым подлым их декретом
То, что было под запретом
И в веках освящено,
Все, как есть, отменено.
Все помещичьи именья,
Монастырские владенья
И церковные — равно —
Все теперь уравнено,
Все, по божью попущенью,
Предается расхищенью,
Грабежу и дележу!
Братья! Что я вам скажу?!“
Но... не кончил батя речи.
Кто-то взял попа за плечи
И, тряхнув, промолвил: „Вон!“
Тит взобрался на амвон!..

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Тут я, братцы, ставлю точку.
Дайте, братцы, мне отсрочку.
Хоть пишу я и легко,
Но — ушел недалеко:
За околицу — не дале.
Мой рассказ на перевале,
На великой на горе —
„Большевистском Октябре“.
Для трудящегося люда
Главный путь идет отсюда.
И по этому пути
Я и думаю итти.
Расскажу открыто, честно
Все, что дальше мне известно
О бедняге-батраке,
Об „Иване-дураке“;
Как и где он подвизался,
Как на деле оказался
Поумней он многих док:
Умостясь на передок,
В руки вожжи взял умело
И уверенно и смело
На неезженном коне
Покатил по целине,
Через степь и лес сосновый,
Через села, города,
Пролагая путь нам новый
В царство Правды и Труда!

Про „Ивана“ сказ народный:
Дескать, он „дурак“ природный.
Потому „дурак“ большой,
Что с добрейшею душой,
Что за правду прет на плаху,
Что последнюю рубаху
Бедняку отдать готов,
Что, где можно, в сто кнутов
Нечисть всякую утюжит,
Что народу верно служит —
Не боярам, не царям, —
Что всегда он смел и прям.

Ой ты, Русь, родное поле,
Если б ты родило боле
Нам подобных „дураков“ —
Был бы свет наш не таков:
Меньше было бы разладу,
И любому бы мы гаду,
Силе вражеской любой
Дать могли такой отбой,
Что, проученной нещадно,
Впредь ей было б неповадно
Злую пасть совать туда,
Где была уж ей беда.

Но иное повелося:
„Умных“ много развелося —
Клим умнее, чем Корней,
А Ерема всех умней.
Эх, Ерема ты, Ерема!
Посидеть ты любишь дома,
Любишь, вылезши на печь,
Повести такую речь:

„То бы можно, это б можно.
Только очень осторожно.
Темный очень мы народ!
Что мы сто́им без господ?
То — бурьян, а то — гвоздика.
Мужика ты посади-ка
В Государственный Совет:
Выйдет толк какой аль нет?
Править царством — эки бредни!
Дело это, — так намедни
Говорил отец Фома, —
Не мужицкого ума.
Господа промеж собою
Пусть бы тешились борьбою:
Для кого настал черед,
Тот и власть пускай берет.
Нам-то в спор почто соваться?
(То-бишь, с печкой расставаться!)
Наше дело сторона.

Птица требует зерна,
Конь — овса, корова — сена,
Ну, а нам какого хрена?
Мы без бар что без голов:
Натворим таких делов!
Баре знают все науки,
Стало, им и книги в руки.
Бар сумели мы пугнуть,
Да без них нам не шагнуть.
Чем нам с барами кориться,
Надоть барам покориться.
Пусть их — выберут царя;
В этом, правду говоря,
Нет особенной напасти:
Без такой, сякой ли власти
С нами сладить мудрено.
Так не все ли нам равно,
Кто телегу с места сдвинет,
Кто на нас узду накинет
И, зажав нам крепко рты,
С нас начнет снимать порты?
Ну, а может, и не снимет?
Скажем, подати поднимет,
Соль обложит да табак,
Заведет сплошной кабак,
Чтоб деньга текла в столицу,
Но... помещичью землицу,
Что прибрали мы к рукам,
Всю оставит мужикам.
Тот, кто землю нам оставит,
Пусть, как хочет, нами правит.
Нам — землицу! А права...
Это все нам трын-трава!“

Так судачит дока с докой,
Кум Ерема с кумом Фокой.
Тот, кто думает не так,
Удивительный чудак,
Иль дурак, сказать прямее!
Покопайтесь в Еремее:
Он вперед уж ни на шаг!
В нем растет наш новый враг.

У него — назад оглядка.
Он устал от „беспорядка“:
Не дают ему жевать
То, что он успел „урвать“;
Он ушел от буйной голи,
С ней не делит хлеба-соли,
И бунтующий батрак
Для него — „Иван-дурак!“

Ой вы, братцы, вы, Иваны,
Вы, дырявые карманы,
Непокорные чубы, —
Вы не кончили борьбы!
Далека еще победа.
Потрясите-ка соседа,
Поспрошайте на духу:
Чью хлебает он уху?
Не объелся ли он слишком,
Не мозгует ли умишком,
Как бы, мол, не опоздать —
„Дураков“ всех обуздать?
А не время ль вам, ребятки,
Заводить свои порядки,
Чтоб никто потом не смог
Вас согнуть в бараний рог?

Батраки, сомкнитесь дружно!
Нам спаяться крепче нужно,
Общей силой приналечь,
Чтобы волю уберечь.
Не сдается наше горе!
Может быть, его мы вскоре,
Став ногой ему на грудь,
И осилим как-нибудь.
Общей силой приналяжем,
С ног собьем и крепко свяжем,
В цепи горе закуем
И повалим в гроб живьем.
Тешусь, братцы, я не блажью,
Верю я, что силу вражью
Мы сразим. Хотя пока
И трещат у нас бока.

Горе мы вскормили сами.
Горе крепло не часами:
Пот и кровь спокон веков
Выжимало с бедняков.
Горе чертово могуче —
И могуче и живуче,
Стоголовый злой дракон.
У дракона — свой закон
И жрецы и храмы. Словом,
Вы в драконе стоголовом
Обретете с двух шагов
Сразу всех своих врагов.
Горе их в одно спаяло;
Все, на ком оно стояло,
Кем держалося оно,
Нынче спаяны в одно;
Злой вампир — банкир брюхатый,
Изувер — монах патлатый,
Поп — мошенник продувной,
Губернатор отставной,
Генерал, лишенный чина,
Разорившийся купчина,
Враль — продажная строка,
Содержатель кабака,
Услужающий молодчик,
Фабрикант, горнозаводчик,
Все, кто шлепнул сверху вниз,
Всякий барский блюдолиз,
Музыкант, артист свободный,
Адвокат и доктор модный,
Шулер, маклер, интендант,
Инженер, судейский франт,
Канцелярский воротила,
Промотавшийся кутила,
Золотушный князь, барон —
Прут на нас со всех сторон!
Это всё — шмара людская,
Тля обжорно-плутовская.
Много этой гнусной тли
Мы на нет теперь свели.
Тля бессильна, но задорна
И на пакости проворна,

А вс́е пакости ее:
Оголтелое вранье
В бойкой уличной газетке,
Там же — шпилька в злой заметке;
Темный слух из уст в уста
Где-нибудь среди хвоста
У лавчонки, у торговки,
У трамвайной остановки.
Коль объявится порой
У трусливой тли „герой“,
То — у тли такое свойство! —
В том все тлиное геройство:
Чтобы ей не пропадать,
Лучше родину продать
Интервенту-иноземцу,
Все равно, японцу, немцу.
Чтоб исправить свой конфуз,
С чертом хоть вступить в союз
Тля геройская готова,
Только б власть вернуть ей снова,
Только б кто-то ей помог
Нас согнуть в бараний рог.

Тля „геройски“ рвется к бою,
Чуя силу за собою,
Силу, знамо, не свою.
Нынче тля в родном краю
Замелькала суетливо:
Сколотить спешит ретиво
Для себя оплот иной,
Чтоб итти на нас войной.
С кем же злая тля связалась?
Чья утроба тут сказалась?
Кто для тли теперь оплот?

— Деревенский живоглот!
Мироед — не только старый,
Старый — зол, но самый ярый,
Настоящий лютый змей —
Это кум наш Еремей.
Он оперился недавно,
Он успел пограбить славно.

Грабил — тут же с рук сбывал
Да карманы набивал.
Что имел Ерема ране?
Мышь издохшую в чулане,
Веник сломанный в избе
И добра, что на себе.
Нынче — выбился он в люди:
У жены, что ведра, груди,
Шаль-китайка на плечах,
Огонек живой в очах;
Кум — вошел приметно в тело,
Ходит твердо, смотрит смело,
Как появится на сход —
Кулакам всем коновод.
Уж бедняк ему не пара:
„Моего не трожь амбара!“
А в амбаре у него
Понапрятано всего!

Ой вы, братцы, тетки, дяди,
Я писал не шутки ради,
Не для смеху, не для слез,
Потолкуемте всерьез:
Где болит? На что мы ропщем?
На совете нашем общем,
Ум прибавивши к уму,
Подберемся кой к чему,
Подберемся, разберемся,
Друг на друга обопремся,
Словим горе в перемет
И посмотрим — чья возьмет!
Горе ль нам порвет все снасти,
Мы ль в его широкой пасти —
Люд рабочий, батраки —
Все повыкрушим клыки?!

Москва, октябрь 1920 г.

ГЛАВНАЯ УЛИЦА

Поэма

1917 — 7/XI — 1922 г.

Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!
Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний, на главный редут.

Главная улица в панике бешеной:
Бледный, трясущийся, словно помешанный,
Страхом смертельным внезапно ужаленный,
Мечется клубный делец накрахмаленный,
Плут-ростовщик и банкир продувной,
Мануфактурщик и модный портной,
Туз-меховщик, ювелир патентованный, —
Мечется каждый, тревожно-взволнованный
Гулом и криками, издали слышными;
У помещений с витринами пышными,
Средь облигаций меняльной конторы —
Русский и немец, француз и еврей
Пробуют петли, сигналы, запоры:
— Эй, опускайте железные шторы!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!
— Скорей!

— Вот их проучат, проклятых зверей,
Чтоб бунтовать зареклися навеки! —
С грохотом падают тяжкие веки
Окон зеркальных, дубовых дверей.
— Скорей!
— Скорей!
— Что же вы топчетесь, будто калеки?
Или измена таится и тут!
Духом одним с этой сволочью дышите!
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Слышите?..
— Вот они... Видите? Вот они, тут!..
— Идут!
— Идут!

С силами, зревшими в нем, необъятными,
С волей единой и сердцем одним,
С общею болью, с кровавыми пятнами
Алых знамен, полыхавших над ним,
Из закоулков,
Из переулков
Темных, размытых, разрытых, извилистых,
Гневно взметнув свои тысячи жилистых,
Черных, корявых, мозолистых рук,
Тысячелетьями связанный, скованный,
Бурным порывом прорвав заколдованный
Каторжный круг,
Из закоптелых фабричных окраин
Вышел на улицу Новый Хозяин,
Вышел — и все изменилося вдруг:
Дрогнула, замерла улица Главная,
В смутно-тревожное впав забытье, —
Воля стальная, рабоче-державная,
Властной угрозой сковала ее:
— Это — мое!!.
Улица эта, дворцы и каналы,
Банки, пассажи, витрины, подвалы,
Золото, ткани, и снедь, и питье, —
— Это — мое!!.
Библиотеки, театры, музеи,

Скверы, бульвары, сады и аллеи,
Мрамор и бронзовых статуй литье, —
— Это — мое!!.

Воем ответила улица Главная.
Стал богатырь. Загражден ему путь.
Хищных стервятников стая бесславная
Когти вонзила в рабочую грудь.
Вмиг ощетинясь штыками и пиками,
Главная улица — страх позабыт! —
Вся огласилася воплями дикими,
Гиком и руганью, стонами, криками,
Фырканьем конским и дробью копыт.
Прыснули злобные пьяные шайки
Из полицейских, жандармских засад:
— Рысью... в атаку!
    — Бери их в нагайки!
— Бей их прикладом!
    — Гони их назад!
— Шашкою, шашкой, которые с флагами,
Чтобы вперед не сбирались ватагами,
Знали б, ха-ха, свой станок и верстак,
Так их! Так!!.

— В мире подобного нет безобразия!
— Темная масса!..
    — Татарщина!..
        — Азия...
— Хамы!..
    — Мерзавцы!..
        — Скоты!..
            — Подлецы!..
— Вышла на Главную рожа суконная!
— Всыпала им жандармерия конная!
— Славно работали тоже донцы!
— Видели лозунги?
        — Да, ядовитые!
— Чернь отступала, заметьте, грозя.
— Правда ль, что есть средь рабочих
                    убитые?

— Жертвы... Без жертв, моя прелесть,
нельзя!..
Впрок ли пойдут им уроки печальные?
— Что же, дорвутся до горшей беды!

Вновь засверкали витрины зеркальные.
Всюду кровавые смыты следы.
Улица злого полна ликования,
Залита светом вечерних огней.
Чистая публика всякого звания
Шаркает, чавкает снова на ней,
Чавкает с пошло-тупою беспечностью,
Меряя срок своих чавканий вечностью,
Веруя твердо, что с рабской судьбой
Стерпится, свыкнется „хам огорошенный",
Что не вернется разбитый, отброшенный,
Глухо рокочущий где-то прибой!

Снова...
Снова.
Бьет роковая волна...
Гнется гнилая основа...
Падает грузно стена.
— На!..
— На!..
— Раз, два,
Сильно!..
— Раз, два,
Дружно!..
— Раз, два,
В ход!!

Грянул семнадцатый год.

— Кто там?
Кто там
Хнычет испуганно: „Стой!"
— Кто по лихим живоглотам
Выстрел дает холостой?
— Кто там виляет умильно?
К черту господских пролаз!
— Раз, два,
Сильно!..

— Е-ще
Раз!..
— Нам подхалимов не нужно!
Власть — весь рабочий народ!
— Раз, два,
Дружно!..
— Раз, два,
В ход!!
— Кто нас отсюдова тронет?
Силы не сыщется той!
. . . .
Главная улица стонет
Под пролетарской пятой!!.

ЭПИЛОГ

Петли, узлы — колеи исторической...
Пробил — второй или первый? — звонок.
Грозные годы борьбы титанической —
Вот наш победный лавровый венок!

Братья, не верьте баюканью льстивому:
„Вы победители! Падаем ниц“.
Хныканью также не верьте трусливому:
„Нашим скитаньям не видно границ!“

Пусть нашу улицу числят задворками
Рядом с Проспектом врага — Мировым.
Разве не держится он лишь подпорками
И обольщеньем, уже неживым?!
Мы, наступая на нашу, на Главную,
Разве потом не катилися вспять?
Но, отступая пред силой неравною,
Мы наступали. Опять и опять.
Красного фронта всемирная линия
Пусть перерывиста, пусть неровна.
Мы ль разразимся словами уныния?
Разве не крепнет, не крепнет она?

Стойте ж на страже добытого муками,
Зорко следите за стрелкой часов.
Даль сотрясается бодрыми звуками,
Громом живых боевых голосов!

Братья, всмотритесь в огни отдаленные,
Вслушайтесь в дальний рокочущий шум:
Это резервы идут закаленные —
Трум-ту-ту-тум!
Трум-ту-ту-тум!

Движутся, движутся, движутся, движутся,
В цепи железными звеньями нижутся,
Поступью гулкою грозно идут,
Грозно идут,
Идут,
Идут
На последний всемирный редут!..

1922

ЧУДЕСНОЕ ПИСЬМО

Чем больше жену бьешь,
Тем щи вкуснее.
Всем бита, и об печь бита,
Только печью не бита.

Старые пословицы

1

Как в Чапаевском колхозе
Куры роются в навозе,
Куры, куры, курочки,
Серенькие дурочки.
А петух-то, петушок
Вскинул важно гребешок,
Сам собой красуется,
Всем интересуется —
И коровушкою Машкой,
И собачкою Кудлашкой,
Задремавшей в конуре,
Вешней радуясь поре,
Черной кошкой,
И хаврошкой,
И жучком, и малой мошкой;
Он — хозяин во дворе.
Он — куриный повелитель,
Муж-владыка и родитель
Всем хохлаткам,
Всем куряткам.
Наблюдает за порядком
„Ко-ко-ко!..
Ко-ко-ко!..“
Прогневить его легко.

Если что-нибудь случится,
Кто в ворота постучится,
Скрипнет где-нибудь запор,
Ворон сядет на забор, —
Петушок распетушится.
Он храбер, на все решится,
Закричит он на весь двор,
Крыльями захлопает,
Ножками затопает.
„Кто там? Кто там? Свой иль вор?
Кто такой,
Кто такой
Нарушает мой покой?
    Захочу,
Настою
На своем приказе я!
Затопчу,
Заклюю!
Что за безобразие!!!“
Накричал,
Замолчал,
Быстро успокоился
И, пока
С пустяка
Снова не расстроился,
Позабывши о враге,
На одной стоит ноге,
На одной стоит ноге
В яркокрасном сапоге
С крепкою опорою,
Боевою шпорою.
Куры, куры, курочки,
Серенькие дурочки,
Роют мусор торопливо,
На хозяина пугливо
Смотрят, сузивши глаза:
„Ну, гроза!“

2

На улице Пахом с Егором
Коротким обменялись разговором.
„Что, брат Егор?“ —

„Что, брат Пахом?“—
„Гляжу на курицу. Не быть ей петухом“. —
„А бабе мужиком.
Сказать ты это хочешь?“ —
„Хоша б и так“. —
„Гляди, не ошибись грехом“. —
„Не ошибусь. Вот ты — за баб ты зря хлопочешь.
Что сталось с бабами! Перевернулся свет!“ —
„Вот бабы приберут к рукам ваш сельсовет,
Так ты по-бабьи залопочешь“. —
„Кто? Я? Ну, с этим, брат, еще мы погодим“. —
„Потом увидим“. —
„Поглядим.
Пустые все твои нахвалки.
Не выйти бабе ввек из-под мужицкой палки“. —
„Наслушался, Пахом, каких ты дураков?“ —
„Пословица не зря идет от стариков:
У баб мозги из пакли.
Бей шубу — будет потеплей,
Бей бабу — будет помилей.
Сам прежде, вспомни-ка, ты говорил не так ли?“—
„Был прежде дураком“. —
„А нынче стал умен?“ —
„Не я один“.—
„Мужик втесался в бабье стадо.
Подумать, до каких мы дожили времен!“ —
„Получше прежних, думать надо“. —
„Да я... Коль с бабами своими я сшибусь...“ —
„Не ошибись“. —
„Не ошибусь!“

3

Пахом ошибся. Гроб! Убила!
Его вдруг баба затрубила:
„Иду в колхоз!“
„Я тож иду!“ —
Дочь задудила в ту ж дуду.
Пахом за палку в лютой злобе:
„Вы это что? Взбесились обе?
Да кто я в доме? Пес? Урод?

Меня хотите — в оборот?
Да я вас, чертовы наседки!"
Глядь, у порога, у ворот
Соседи сбились, и соседки
Шумят, чума их забери:
„Брось, дядя, палку!" —
„Не дури!"

Пахома вежливо, без свалки,
Сгребли три пары дюжих рук.
Жена — с соседками... Нахалки!
Танюша, дочь, среди подруг.
Пахом — осмеянный, без палки
(Смеялась даже детвора!)
Ушел сердитый со двора.
Вернулся к ночи. Лег, не евши.
Такая злость!
Такая злость!
Кряхтел на печке, разопревши.
Про бабу думал: сучья кость!!
На дочь ярился, на Танюшку,
Угрюмо лежа на боку.
„Пропала жизнь ни за понюшку,
Ни за понюшку табаку!.."
Он муж, отец... хозяин вроде...
А уваженья ни на грош.
И нет сочувствия в народе.
Выходит, он же нехорош...
Бунтует баба... Дочь — заноза...
Ей ни во что указ отцов...
„Ужели мне в конце концов
Не отбрыкаться от колхоза?!
Хр-р-р-р!.. — стал похрапывать Пахом. —
Хр-р-р-р!.. Порастай, хозяйство, мхом!..
Хр-р-р-р!.. Дали бабам своеволье..."
Пахом ругался сквозь дрему,
Ворочаясь, как на уголье.
Проснувшись, вглядывался в тьму,
И все мерещилось ему,
Что домовой скулит в подполье.
„Скулит!.. Известно, почему!.."

4

Потерял Пахом охоту
Приниматься за работу.
Женка с дочерью одни
Выполняли трудодни,
Все наряды отбывали,
От других не отставали,
Становились впереди.
У Пахома ком в груди.
Он слоняется понуро,
На людей глядит он хмуро,
В двор уходит от ворот,
Коль завидит, как народ,
Особливо парни, девки
Жадно слушают припевки
Озорного паренька,
Балагура-шутника,
Силуяна-гармониста,
Как засвищет он в три свиста,
Как Пахому он вдогонь,
Растопыривши гармонь,
— Чтоб те, черту, впасть в сухотку! —
Загорланит во всю глотку:

„Как весна-то верх взяла
Эх, да над морозами,
Три деревни, два села
Сделались колхозами.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела!
Сделались колхозами.

В нашем доме кавардак,
Спорят стены и чердак,
Спорит ложка с черепком,
Спорит баба с мужиком.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Спорит баба с мужиком!

Вот так раз!
Вот так два!
Бабе муж не голова,
Баба-сельсоветчица
Мужу не ответчица.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Мужу не ответчица.

Все девчоночки у нас
Настоящий ананас,
Прянички медовые
Четырехпудовые!
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Четырехпудовые.

Только я один зачах
На девических харчах.
Мне бы к прянички охота,
А у пряничка работа.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела
Замечательные!

Как за тракторным рулем
Сидит девка королем,
На слова задириста,
Очень бригадириста.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Очень бригадириста.

Ходит дядюшка Пахом
В настроеньице плохом,
В настроеньице плохом,
Весь обросший лопухом.

Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Весь обросший лопухом.

Как у дядюшки Пахома
Заварилась каша дома:
Дочь, Танюшу, маков цвет,
Членом выбрали в совет.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Членом выбрали в совет.

Дочь, Танюша, маков цвет,
Девятнадцать Тане лет,
Девушка сурьезная,
Оченно занозная.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Оченно занозная.

Дочь отца — стыда в ней нету —
В сельсовет зовет к ответу.
Чтобы дочь, да чтоб отца!..
Дождался Пахом конца.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Дождался Пахом конца.

Дождался́ Пахом конца,
Ходит вроде мертвеца
С тяжкой раной ножевой,
Матерится ж, как живой.
Фу ты,
Ну ты,
Вот дела:
Матерится, как живой!“

5

У Пахома от досады
Сердце ходит ходуном.
Все он слышит из засады,
Притаившись за окном.
Озорному Силуяну
Уж загнул бы он ответ.
Хоть парнишка-то... не спьяну
Он горланит, что Татьяну
Членом выбрали в совет.
И Пахом признать стыдится,
Что он дочерью гордится.
Повстречается Егор,
Будет новый разговор.
Дочь свою хулить не гоже,
А хвалить... обидно тоже.
Смех обидней, чем укор.
„Обсмеет меня Егор,
Петуха и кур вспомянет,
Скажет, дочь меня-де тянет,
Я ж — хочу аль не хочу —
Уж по-бабьи лопочу!“

Но Пахом и впрямь, одначе,
Стал смотреть на баб иначе,
Без ругни и воркотни.
У Пахома трудодни
Накоплялись, прибывали.
Мужика не узнавали.
Силуян порой чудил,
Что Пахом „перебродил“:
Превратясь „из квасу в пиво“,
Стал колхозником на диво.
У Пахома все в дому
С новым ладом так сдружилось,
Что Пахому самому
Было чудно: „Не пойму,
Как все это так сложилось?“
День закончив трудовой,
Засыпал он всем довольный,
Позабывши, есть живой —

Иль ушел жилец подпольный:
У него под головой
Не скулил уж домовой.

6

Был домовой в былые годы
Персоной главною в дому.
Живя в грязи, в чаду, в дыму,
Свои жестокие невзгоды
Народ приписывал ему.
Ему почтенье выражали,
Его молили, ублажали,
С ним заключали договор,
Чтоб он берег и скот и двор.
Но домовой всегда и всюду
Нуждой измаянному люду
Так заворачивал дела,
Что, глядь, густая паутина
Бесхлебный закром заплела;
Глядь, и того страшней картина,
Лихая выпала година,
Все подмела ее метла:
Во рву последняя скотина,
И двор весь выгорел дотла!
Народ испуганно судачит:
Хозяин был не к месту, значит,
Что не взлюбил-де домовой
Его фигуры горевой,
Что, как ни мало в том веселья,
Необходимо поскорей
Искать другого новоселья,
Где домовой, авось, добрей.
Чур! Заметися, след, порошей!
Шли погорельцы с жалкой ношей,
Тащили скарб последний свой.
Но беднякам нигде хороший
Не попадался домовой.

Томяся в горестном уделе,
Не понимал народ простой,
Что домовой на самом деле

Был только выдумкой пустой,
Плодом догадки суеверной,
Зло-беспросветной темноты,
Крестьянской страшной, беспримерной,
Непобедимой нищеты.
И лишь когда крестьянин бедный
На путь советский, путь победный,
Ногою твердою вступил
И за собою закрепил
Уклад зажиточно-колхозный
С ядром культурно-молодым,
Конец положен дням худым,
И домового призрак грозный
Пропал, развеялся, как дым.
И лишь порою гнусный запах,
Пахнув из темного угла,
Напоминает нам дела
Тех дней, когда на злых этапах,
В когтях двуглавого орла,
У темноты, у черта в лапах
Деревня старая жила,
Деревня та, где раздавался
И днем и полночью глухой
Казнимых баб истошный вой,
И, слыша это, извивался,
Злорадным смехом заливался
В подполье мрачном домовой.

7

Кто бабе битой, перебитой
В былую пору был защитой?
К попу металася она.
Но поп, увечья обнаружа,
Гнусавил бабе, что она
Судьбой на то обречена,
И церковь учит так, что мужа
Да убоится, мол, жена;
Что наносить жене увечья
Не грех в иные времена,
Что, мол, природа человечья

Уж богом так сотворена:
Мужик блудлив, но особливо
Сословье женское блудливо,
Не прекращался с райских пор
У жен с мужьями лютый спор.
Винить мужей несправедливо.
Бывает так: смирен топор,
Веретено зато бодливо.
„Так мой совет тебе прямой:
Иди, голубушка, домой,
Напрасно с мужем не корися,
А претерпи и покорися!"
Ни в ком защиты и нигде!
„Да что ты, матка, помешалась?!." —
Галдел народ, когда решалась
Иная баба в злой беде
Искать заступника — в суде.
Я приведу здесь для примера,
Списав из „Русского курьера",
Страшнейший — прямо на показ! —
Запротоколенный рассказ:

Жена одного зажиточного крестьянина Кременецкого уезда, Волынской губернии, обратилась в волостной суд с жалобой на своего мужа, обвиняя его в бесконечных побоях и истязаниях, состоявших в том, что муж морил ее голодом и холодом, привязывал раздетую донага к столбу на улице и просил прохожих бить жену, а в случае отказа — бил сам; иногда он клал ее связанную на землю и сверху наваливал целые груды бревен и камней, последствием чего у нее оказалась сломанною рука. Муж потерпевшей к разбору дела не явился, и, несмотря на это, волостной *суд признал мужа невиновным*, мотивируя свое решение тем соображением, что *муж бил свою жену, имея на то право, так как нельзя же допустить, чтобы жена не знала над собой власти мужа.*

Этим процесс не кончился. На следующий день муж принес в тот же суд жалобу на жену, и — по приговору его — *несчастную женщину высекли тут же на суде, публично, нещадным образом.*

„Русский курьер", 1879 г., № 51.

Вот вам рассказ, верней — заметка.
„Курьер“ — старинная газетка —
Писала с жалостью на вид.
Да с этой жалости что толку!
Суд — в завершенье всех обид —
Несчастной бабе взмылил холку,
Церковный свято чтя мотив,
Что, эту бабу защитив
При людях всех, не втихомолку,
Он тем — с обычаем вразрез —
Нарушит общий интерес,
Который весь в своем похабстве
Основан был на бабьем рабстве,
Ее тиранившем века.
Поэт Некрасов не напрасно
Пророчил жизнь девице красной,
Как будет, мол, она „легка“:
„За неряху пойдешь мужика.
Завязавши подмышки передник,
Перетянешь уродливо грудь.
Будет бить тебя муж-привередник
И свекровь в три погибели гнуть.
От работы и черной и трудной
Отцветешь, не успевши расцвесть,
Погрузишься ты в сон непробудный,
Будешь нянчить, работать и есть.
И в лице твоем, полном движенья,
Полном жизни, появится вдруг
Выраженье тупого терпенья
И бессмысленный, вечный испуг“.
Некрасов жизнь оплакал эту.
Да, жизнь была, куда девать!
Я счастлив тем, что мне, поэту,
Уж не придется так певать,
Что „баба“ вывелась в народе,
А есть товарищ и жена,
И что битье жены — „не в моде“.
Прошли лихие времена.
Погибло прошлое бесславно,
С ним — бабье рабское клеймо.
Вздохнули бабы равноправно,
Былое сбросивши ярмо.

Об этом к *Сталину* недавно
Пришло *чудесное письмо.*
И впрямь сказать, не чудеса ли
То, что *колхозницы писали:*

Дорогой наш друг, товарищ Сталин! Обсуждали мы на собраниях и беседах Вашу речь на съезде колхозников-ударников, где Вы коснулись и про нас, колхозниц. Вы сказали, что женщины в колхозах — великая сила, что колхозы дали нам возможность стать на равную ногу с мужчинами и что мы, женщины, должны беречь колхозы и держаться за них крепко. Истинная это правда. Так оно и есть. Колхозы сделали нас самостоятельными людьми, а до того мы были только бабами. Называли нас бабами неспроста. Были мы весь свой век — от рождения до смерти — в двойном подчинении и не имели собственного голоса. Работали мы не меньше, а больше мужиков, хозяином же был мужик, а не баба. Мужик был в угнетении и в страшной бедности, а баба — вдвое. *Но пришла настоящая жизнь и для деревенской женщины. Дали нам эту жизнь колхозы.*

...Была раньше такая мода в деревне — бить жен. Редкий мужик не бил свою бабу... А теперь, куда делась теперь мода бить жен? *Была такая мода, да сплыла. Женщина теперь по всем линиям вполне самостоятельный человек.*

... Мы, деревенские женщины, которые были самые угнетенные из угнетенных в царской России, говорим Вам:

— *К старому возврата нет!*

(Из письма т. Сталину от колхозниц Георгиевского района, на Северном Кавказе).

⟨ *1933* ⟩

КРАСНОАРМЕЕЦ ИВАНОВ

Героическая повесть
К пятнадцатилетию взятия Перекопа

Хотя писал я правду-матку,
Все ж привлекал порой угадку,
И опыт жизни, и чутье,
Когда отрывками, вразкладку,
Вносилось медленно в тетрадку
Повествование мое.
Оно писалося заочно,
Не беспорочно в том, ином,
Оно в подробностях неточно,
Но очень точно в основном.

1

За Сретеньем через неделю
Сын у Лукерьи родился.
Мать просияла сразу вся.
Была пьяна она без хмелю.
Сказал ей как-то муж, Егор:
„Ты до каких же это пор
Все подносить мне будешь дочек?“
И вот — другой уж разговор —
Муж вышел весело во двор
И крикнул свекру: „Тять! Сыночек!“
У свекра, дедушки Луки,
Тепло по телу до онучек,
Во рту запрыгали пеньки,
Детишек любят старики.

Лука обрадовался: „внучек!“
Что дальше? Поп и кумовья.
„Чей?“ — справясь кратко о младенце,
Сгреб деловито поп Илья
Полтину, хлеб и полотенце,
Дар для духовного отца.
„Ну, как же нам наречь мальца,
Чтоб не висело имя гирей?
Февраль... Десятое число...
Кто в святцах значится?.. Порфирий!“
Порфирию не повезло:
Кум от Порфирия отрекся.
„Хар-лам-пий...“
И Харлампий спекся:
Был забракован он кумой.
Как наиболее удобный,
Был признан Прохор преподобный.
Вернулись крестные домой.
Стряхнув с себя в сенях порошу
(Ведь дело было-то зимой),
В избушке матери самой,
Лукерье, то-бишь, сдали ношу:
„Вот принимай сыночка Прошу!“

Так в книгу жизни без чинов
(Не в них крестьянская основа)
Был вписан *Прохор Ивано́в*,
Сынок Егора Иванова
И внучек дедушки Луки.
„Ну, дедка, водку волоки!“
Стол застучал веселым стуком.
Обсели водку мужики.
Закуски всей — капуста с луком.
„Егор, с сынком!“—
„Хрен старый, с внуком!“ —
„Пошли господь ему деньки
Покраше наших!“ —
„Дай-то, боже!“ —
„Егор, за Прошку по второй!“—
„Лукерья, что ж ты? Выпей тоже!
Сынок-то выдался — геро-о-ой!“

В год первый нынешнего века
(Для хронологии строка)
Так жизнь встречала человека,
Точней — мужицкого сынка.
Согласно прежним родословным
Был человеком он условным
Иль, выражаясь языком
У всех господ тогда обычным,
В мальцах звался он тем „щенком“,
Что, взросши, станет горемычным,
Забитым „серым мужиком“.
Итак — в деревне Камышовой,
Включенной в Жиздринский уезд,
Прилиты водкою дешевой
Рожденье Прошино и крест.
Над этой важной пьяной вехой
Качать ли скорбно головой?
Хмель был единственной утехой
Крестьянской жизни горевой.
Все нахлесталися, понятно.
В избушке стало неопрятно.
Под стол — сказать им не в укор —
Свалился дед, за ним — Егор.
Кума и кум — она „под мухой“,
Он распьяным-пьяным-пьяно,
Икая на версту сивухой, —
Поволоклись домой давно.
Уж ночь зловещею старухой
Глядела в мутное окно.
Раскинув тонкие ручонки,
Сморив себя в дневной возне,
На печке спали две девчонки
И братца видели во сне.
Лукерья — кто ж ее осудит!
Порыв такой незаглушим —
Гадала: „Сын!.. Какой он будет,
Когда он вырастет большим?“
Воспеты русские просторы,
Но в них тонул... крестьянский вой.
Есть деревушка под Москвой
Со старой кличкою — *Раздоры*.
Не кличка это, а печать,

Клеймо враждебности отпетой.
Могли б мы прежде кличкой этой
Все деревушки величать.
Раздоры, вечные раздоры,
Неумолкаемые споры
Из-за лоскутных дележей,
Картины мрачного разлада
Старосемейного уклада,
Когда у братьев, жен, мужей,
Отцов, детей — мозги мутило
И при разделах доходило
До потасовок и ножей.
Брат старший разорял меньшо́го,
Меньшо́й — палил его дотла.
Как все деревни, Камышова
Полна раздорами была.
Егор недавно был солдатом.
Вернувшись, не был принят братом.
Кондрат Егора отделил,
А заодно — без долгой речи —
Как добрый сын, еще свалил
Отца Луку ему на плечи.
Лишь в глупых выдумках слыла
Деревня дружной и единой.
Егор с Кондратом пуповиной
Был связан кровной, родила
Их мать одна (звалась Ариной).
И что же? Ненависть была
Взаимно-братская — звериной.
Двух братьев трудно примирить,
Что ж про соседей говорить!

Людскому верить разговору —
Судьба гадает без разбору:
Кому плетет из роз венки,
Кому дает всю жизнь пинки.
Тот под гору, а этот в гору
Пошли у деда, у Луки,
Его родимые сынки.
Не повезло ни в чем Егору,
И тут не так, и там не в пору.
Егор валился в бедняки.

Судьба Кондрату ворожила:
Он — лютый выжига и жила —
Тянулся явно в кулаки.
К Егору в гости на крестины
Он не пришел и не был зван,
А дома лаялся: „Болван!
Всей пахоты полдесятины,
Ни справы нет, ни животины,
А он туда ж — плодить детей.
Лукерья тоже, словно кошка,
Рожать готова дважды в год.
Богатство в дом: сы-ниш-ка! Прош-ка!
Для дураков и то приплод!"

2

Я часть подробностей отброшу,
Не стану ими донимать.
Совместно маленького Прошу
Растили — дед, отец и мать.
Растили. Как тогда растили
По деревушкам детвору?
От груди на землю спустили,
Ребенок ползал по двору,
Потом он на ноги поднялся
И в рубашонке до пупа
За Жучкой по двору гонялся,
Потом — на улицу тропа.
Учила улица — не книжка —
Уму и крепкому словцу.
Лет в десять был уже парнишка
Во всем помощником отцу,
Прел на скамейке сельской школы
И, разобравшись в букваре,
Читал священные глаголы
В евангельи и псалтыре.
Слеглась в мозгу его окрошка
Из бога, ангелов, чертей,
Царя, царицы, их детей.
Сам поп сказал однажды: „Прошка
В деревне первый грамотей".

Скажу — хотя б скороговоркой, —
Что жизнь былая вдоль и вкось
Была покрыта черствой коркой,
Проплесневевшею насквозь
До затхло пахнущего чрева.
Но в „пятом“ доблестном году
Вся корка — барам на беду —
Ломаться стала от нагрева.
Я эту речь к тому веду,
Что над деревней корка тоже
Большие трещины дала:
Мужик стал вдумчивей и строже
Вникать в российские дела.
Не затыкал ушей уж плотно,
Ловил рабочую молву
И вез из города охотно,
Хоть было страшно и щекотно,
Уже не сказку про Бову.
Был рад он книжечке хорошей
О светлой жизни, о земле,
О мироедской кабале.
Такая книжка перед Прошей
Раз оказалась на столе.
Что получилось в результате?
Забыв свои тринадцать лет,
Сынок безграмотному тяте
Стал разъяснять в убогой хате,
В чем корень всех крестьянских бед,
Сказавши правду, не навет,
О дяде собственном Кондрате,
Что он кулак и мироед.
Через неделю до Кондрата
Дошел про книжечку слушок.
Кондрат, взъярившись до кишок,
Охрипнув от густого мата,
Грозился „Прошке-сморкачу“:
„Ужо его я, супостата,
Мне подвернется, проучу!“
И до того вошел в горячку,
Такую волю дал нутру,
Что в кровь избил свою батрачку,
Аксинью, Прошину сестру.

Другая Прошина сестрица
Не от добра, как говорится,
Тож не росла в родном тепле,
Батрачка где-то на селе.
Все шло в деревне, как обычно:
Бедняк мотался горемычно,
А мироед и живоглот
Себе наращивал живот, —
Те, у кого водился скот,
Спешили запастись кормами;
Встал урожай пред закромами
Стогами свежими, и вот —
В разгар уборочных работ —
Грозой, военными громами
Взгремел „четырнадцатый год“.
Не так уж солнышко сияло,
Не так синели небеса.
Не так зарей кроваво-алой
На травы падала роса,
Не так над кровлями избушек
Вилися белые дымки.
На царский фронт, под жерла пушек
Пошли неволей мужики.
Егор... Недолги были сборы:
Война, как коршун, сразу — хвать!
Пошел Егор, как все Егоры,
За что-то с кем-то воевать.
Остался Проша с дедом, с маткой.
Ей — с поседевшей головой,
Склоненной часто пред лампадкой, —
Пришлось недолго быть солдаткой:
Письмо из части войсковой
Ее сразило вестью краткой.
Лукерья сделалась вдовой.
Старик Лука походкой шаткой
Ходил, бродил едва живой
И вскоре помер. Дома, в поле,
Стараясь матери помочь,
Мужая с каждым днем все боле,
Работал Проша день и ночь.
Писать о том, что было дальше, —
Писать о том, что знают все:

Воз вековой российской фальши
Шел на последнем колесе.
Еще ухаб, и возу — крышка,
Воз развалился. Дело — пас!
Не спас царя Распутин Гришка,
Буржуев Керенский не спас:
Им красных стрелок передвижка
Обозначала смертный час.
Пришел Октябрь. В стране Советов
Громами Ленинских декретов
Заговорил рабочий класс.

3

Деревня скоро раскусила
(Середняки и бедняки),
Чем нам грозила вражья сила
И что несли большевики.
Белоэсэровскою корью
Там, где болели этой хворью,
Переболели мужики.
Средь них пошла вовсю расслойка
На эту сторону и ту.
Кулак увидел: неустойка!
Уж ни угроза, ни попойка
Не укрощают бедноту.
Былому не было возврата,
Бедняцкий облик был уж нов.
Пошел на дядю, на Кондрата,
Племянник, Прохор Иванов.
Враги один другого жали
Поочередно. Шли толчки.
Кондрата сторону держали
Деникины и Колчаки.
У Проши крепкою опорой
Была рабочая Москва.
Верх стороне забрать которой,
В боях решалось года два.
Был Проша полон гордой страстью,
Когда, дождавшися чреды,
Был призван он Советской властью
В красноармейские ряды.

Лет девятнадцать — что за годы,
Но парень кряжистой породы
И крепкой воли, ставши в строй,
Свершал труднейшие походы,
Как самый подлинный герой.
И вот уж он под Перекопом.
Задорно глядя на Сиваш,
Смеялся он над белым скопом.
„Аминь! Конец приходит ваш!“
Чтоб, сброд последней тли дворянской
Лишив последнего гнезда,
Тем порешить с войной гражданской,
Из-под Варшавы из-под панской
Был переброшен он сюда.

Огретый нами по затылку,
Барон, как в щель поганый клоп,
Забрался в крымскую бутылку
И перекопской пробкой — хлоп!
Но, на барона хлынув лавой,
Наш красный фронт ударом в лоб
Свел счеты с вражеской оравой,
Неувядаемою славой
Покрыв советский Перекоп.
Тот полк испытанный, в котором
Был Проша, честь завоевал:
Он вражий фронт атаковал,
Стремясь прорвать лихим напором,
Заходом в тыл, Турецкий вал.
Бойцов разил огонь шрапнельный,
Но — уж они на берегу.
Неотразим удар смертельный
По ошалелому врагу!
Уж вражий фронт не фронт, а каша.
„Эй, наша, братики, берет!“
Стал Проша, выйдя из Сиваша,
Готовый ринуться вперед.
Но в этот миг — пред самой целью —
Ему, чьим ранам под шинелью
Терялось точное число,
Белогвардейскою шрапнелью

На части сердце разнесло.
Стыдливо-скромный, как девица,
Но с дерзкой смелостью орла,
Он пал, как скошенная птица,
Раскинув руки — два крыла.
Угасли щек румянец нежный
И тела юного тепло.
Под утро тиною прибрежной
Холодный труп заволокло.
..Победа. Краткий отдых в поле.
Бойцы раздули огонек.
„Эх, не видать нам Проши боле!" —
„Жаль. Был геройский паренек!"

4

„Правда" 25 августа 1935 г. *Армянск* (Крым), 24 августа. *(По телеграфу).* Кузнец колхоза „Красный полуостров" Иван Павлов, собирая картечь в обмелевшем Сиваше, обнаружил тело красноармейца, убитого белогвардейцами в бою под Перекопом в 1920 году.

Находясь в пропитанной солью тине, труп хорошо сохранился. На теле отчетливо видна шрапнельная рана в области сердца.

В одном сохранившемся документе сказано: „Дано сие удостоверение от сельского совета, А..вской волости, ...ской губернии, Прохору Иванову, который действительно мобилизован приказом Советской Власти на действительную военную службу в ряды Красной Армии 1901 года рождения".

Тело бойца Красной Армии перевезено в Армянск. Погибший в бою 15 лет назад красноармеец Прохор Иванов похоронен с воинскими почестями.

Пятнадцать лет прошло — не мало —
С той исторической поры,
Когда, у гада вырвав жало,
Мы всё, что фронт его держало,
Из крымской выбили норы.

Незабываемое дело
Незабываемых сынов
Страны родной, громивших смело
Белогвардейцев и панов,
Дыханьем нашим овладело,
Когда твое нашли мы тело,
Красноармеец Иванов.
Ты — неизвестный — стал известным,
Убитый — снова стал живым,
Живым примером повсеместным,
Несокрушимо-стойким, честным
Героем нашим боевым.

Живой твой образ — он повсюду.
Нет, не убито, не мертвó:
В строеньи жизни, равной чуду,
Передалось родному люду
Биенье сердца твоего.
Ты — соучастник в общей доле.
В сталеупорной нашей воле
Мы видим волю и твою;
В потоке силы — в цехе, в поле,
В подземной шахте, в новой школе —
Мы видим силу и твою;
В советском творческом обличьи
Обличье видим и твое;
В гигантском Сталинском величьи
Величье видим и твое.
Враги вкруг нас шипят недаром:
Им сознавать невмоготу,
Каким — при натиске их яром —
Мы им ответим контрударом
По их прогнившему хребту.
Мы укрепляем нашу силу,
Мы все в работе — стар и мал,
Чтоб сбавить вражьим бандам пылу,
Чтоб дать отпор „свиному рылу“
И — при нужде — и в лоб и с тылу
Атаковать „фашистский вал“.

Стальные выковав доспехи,
Мы, если грянут вновь бои,

Сметем с дороги все помехи.
И эти новые успехи —
Успехи будут и твои.

Герой не гибнет, умирая:
Двойная жизнь ему дана,
И эта жизнь его вторая
Бессмертной славою полна.

Ты, в годы вражеской облавы
Гроза баронов и панов,
Боец простой и величавый,
Войдешь в блистательные главы
Летописанья нашей славы,
Красноармеец *Иванов!*

3 октября 1935 г.

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зеркальная гладь серебристой речушки
В зеленой оправе из ивовых лоз,
Ленивый призыв разомлевшей лягушки,
Мелькание белых и синих стрекоз,
Табун загорелых шумливых детишек
В сверкании солнечном радужных брызг,
Задорные личики Мишек, Аришек,
И всплески, и смех, и восторженный визг.
У Вани — льняной, солнцем выжженный волос,
Загар — отойдет разве поздней зимой,
Малец разыгрался, а маменькин голос
Зовет почему-то: „Ванюша-а! Дом-о-ой!"

У мамки — он знает — большая забота,
С хозяйством управься, за всем присмотри,
У взрослых в деревне и в поле работа
Идет хлопотливо с зари до зари, —
А вечером в роще зальется гармошка
И девичьи будут звенеть голоса.
„Сестре гармонист шибко нравится, Прошка, —
О нем говорят: комсомолец — краса!"
Но дома — лицо было мамки сурово,
Все с тятей о чем-то шепталась она,
Дошло до Ванюши одно только слово,
Ему непонятное слово — „война".
Сестрица роняла то миску, то ложки,
И мать ей за это не стала пенять.
А вечером не было слышно гармошки
И девичьих песен. Чудно. Не понять,

Анюта прощалася утречком с Прошей:
„Героем себя окажи на войне!
Прощай, мой любимый, прощай, мой хороший!—
Прижалась к нему.—Вспоминай обо мне!“
А тятя сказал: „Будь я, парень, моложе...
Хотя—при нужде—молодых упрежу!“—
„Я,—Ваня решил,—когда вырасту, тоже
Героем себя на войне окажу!“

Осенняя рябь потемневшей речушки
Уже не манила к себе детворы.
Ушли мужики из деревни „Верхушки“,
Оставив на женщин родные дворы,
А ночью однажды, осипший от воя,
Ее разбудил чей-то голос: „Беда!
Наш фронт отошел после жаркого боя!
Спасайтеся! Немцы подходят сюда!“

Под утро уже полдеревни горело,
Металася огненным вихрем гроза.
У Ваниной мамки лицо побурело,
У Ани, как угли, сверкали глаза.
В избу вдруг вломилися страшные люди,
В кровь мамку избили, расшибли ей бровь,
Сестрицу щипали, хватали за груди:
„Ти будешь иметь з нами сильный любовь!“

Ванюшу толчками затискали в угол,
Ограбили все, не оставив зерна.
Ванюша глядел на невиданных пугал
И думал, что это совсем не война,
Что Проше сестрица сказала недаром:
„Героем себя окажи на войне!“
Что тятя ушел не за тем, чтоб пожаром
Деревню сжигать и жестоким ударом
Бить в кровь чью-то мамку в чужой стороне,

Всю зиму в „Верхушках“ враги лютовали,
Подчистили все—до гнилых сухарей,
А ранней весною приказом созвали
Всех девушек и молодых матерей.
Злой немец—все звали его офицером—

Сказал им: „Ви есть наш рабочая зкот,
Ми всех вас отправим мит зкорым карьером
В Германия наша на сельский работ!“
Ответила Аня: „Пусть лучше я сгину
И сердце мое прорастет пусть травой!
До смерти земли я родной не покину!
Отсюда меня не возьмешь ты живой!“
За Анею то же сказали подружки.
Злой немец взъярился: „Ах, ви не желайт
Уехать из ваша несчастный „Верхушки“!
За это зейчас я вас всех застреляйт!“
Пред целым немецким солдатским отрядом
И их офицером с крестом на груди
Стояли одиннадцать девушек рядом.
Простившись с Ванюшею ласковым взглядом,
Анюта сказала: „Ванек, уходи!“
К ней бросился Ваня и голосом детским
Прикрикнул на немца: „Сестрицу не тронь!“
Но голосом хриплым, пропойным, немецким
Злой немец скомандовал: „Фёйер! Огонь!“
Упали, не вскрикнули девушки. Ваня
Упал окровавленный рядом с сестрой.
Злой немец сказал, по-солдатски чеканя:
„У рузких один будет меньше керой!“
Все было так просто — не выдумать проще:
Средь ночи заплаканный месяц глядел,
Как старые матери, шаткие мощи,
Тайком хоронили в березовой роще
Дитя и одиннадцать девичьих тел.

Бойцы, не забудем деревни „Верхушки“,
Где, с жизнью прощаясь, подростки-подружки
Не дрогнули, нет, как был ворог ни лют!
Сметая врагов, все советские пушки
В их честь боевой прогрохочут салют!
В их честь выйдет снайпер на подвиг-охоту
И метку отметит — „сто сорок второй“!
Рассказом о них вдохновит свою роту
И ринется в схватку отважный герой!
Герой по-геройски убийцам ответит,
Себя обессмертив на все времена.
И подвиг героя любовно отметит

Родная, великая наша страна!
Но... если — без чести, без стойкости твердой —
Кто плен предпочтет смерти славной и гордой,
Кто долг свой забудет — „борися и мсти!“,
Кого пред фашистской звериною мордой
Начнет лихорадка со страху трясти,
Кто робко опустит дрожащие веки
И шею подставит чужому ярму, —
Тот Родиной будет отвержен навеки:
На свет не родиться бы лучше ему!

1942

ПРИМЕЧАНИЯ

Объем поэтического наследства Демьяна Бедного весьма велик. За 38 лет творческой деятельности поэтом было выпущено более 200 книг (сборников и отдельных произведений), в том числе „Библиотека Демьяна Бедного" в составе 32 названий (1926—1928), шесть однотомников избранных произведений (1923—1937) и три сборника военного времени („Наша сила" — 1942 г., „Несокрушимая уверенность" — 1943 г. и „Слава" — 1945 г.). После кончины поэта были выпущены два однотомника его произведений (1948 и 1950), два массовых издания стихотворений и басен („Басни и сказки" с иллюстрациями М. Черемных, М., 1945, и „Избранное", изд. „Правда", М., 1947), а также сборник „Стихотворения" во втором издании малой серии „Библиотеки поэта" (изд. „Сов. писатель", Л., 1949). Особняком стоят иллюстрированные сборники и альбомы, наиболее ценными из которых являются: „Кого мы били" (альбом рисунков художников Кукрыниксы со стихами Демьяна Бедного, выпущенный к 20-летию советской власти, ИЗОГИЗ, М., 1937) и сборник „Знакомые лица" (памфлеты и эпиграммы Демьяна Бедного с рисунками Б. Ефимова, изд. „Сов. писатель", М., 1950). Общий тираж произведений Демьяна Бедного, выпущенных за годы советской власти на языках народов СССР, превышает 9,8 млн. экземпляров.

Из перечисленных изданий наиболее значительны по своему объему авторизованное „Собрание сочинений в одном томе", Гослитиздат, М., 1937 (в этой книге свыше 70 000 стихотворных строк, охватывающих деятельность поэта с 1910 по 1937 гг.; нами сборник этот для краткости именуется „Однотомник 1937 г."), книги: „Избранное", Библиотека избранных произведений советской литературы, 1917—1947, изд. „Сов. писатель", М., 1948 (книга охватывает советский период творчества Д. Бедного, но в ней не приведены повести и поэмы; ниже именуем ее „Однотомник 1948 г.") и „Избранное", Гослитиздат, М., 1950 (книга полнее предыдущей и содержит небольшую вступительную статью, а к некоторым текстам — краткие примечания; ниже именуем ее „Однотомник 1950 г.").

В настоящем сборнике даны произведения Демьяна Бедного, наиболее ценные в идейно-художественном отношении и более всего характерные для его творчества.

Отобранные для публикации тексты расположены в двух разделах: „Стихотворения“ (куда включены, кроме лирических произведений, также басни, фельетоны, эпиграммы, памфлеты) и „Стихотворные повести и поэмы“. В каждом из этих разделов материал размещен в хронологическом порядке, причем в первом из них выделены основные периоды творческой деятельности поэта: годы, предшествовавшие первой мировой войне (с 1908 г. по июнь 1914 г.), период империалистической войны, Февральской буржуазной революции и подготовки Октября (с июля 1914 г. по октябрь 1917 г.), период Октябрьской социалистической революции и гражданской войны (с ноября 1917 г. по 1920 г.), период восстановления народного хозяйства и социалистической индустриализации страны (1921—1929), период коллективизации сельского хозяйства, завершения строительства социалистического общества и проведения новой конституции (1930—1940), наконец период Великой Отечественной войны (1941—1945). Второй раздел составляют повести и поэмы, написанные с 1917 до 1945 гг. (до 1917 г. произведений этого жанра в творчестве Д. Бедного не было).

Все тексты приводятся по последним прижизненным изданиям и сверены с первопечатными текстами; замеченные при этом разночтения указаны в примечаниях; целиком в примечания отнесены авторские послесловия, написанные в 1917—1920 гг. к стихотворениям и басням дореволюционного времени.

Подавляющее число произведений поэта публиковалось за подписью „Демьян Бедный“. Все случаи, когда тексты подписывались другими псевдонимами (Мужик Вредный, Солдат Яшка — медная пряжка, Яким Нагой, Друг сердечный и др.) или подлинной фамилией автора, оговорены в примечаниях.

Демьян Бедный значительно облегчил работу своих комментаторов, снабдив целый ряд стихотворений (особенно послеоктябрьского периода) пояснительным материалом: эпиграфами и вставными цитатами, в которых сообщаются факты, положенные в основу произведения; сносками, в которых поясняются малоупотребительные слова и написанные в русской транскрипции слова иностранные (типа „штербен“, „альтен“ и т. п.); датами, обозначающими чаще всего время опубликования произведения. Все эти авторские пояснения, обозначения, ремарки, так же как и курсив и разрядка, воспроизведены нами в текстах. Примечания же дают читателю необходимые сведения библиографического, текстологического и фактического характера, которых не содержится в текстах. В тех случаях, когда стихи не имели под собою дат, последние были определены составителем и заключены в угловые скобки.

В комментариях к разделу „Стихотворения“ библиографические указания относятся к первым публикациям текстов или к наиболее ранним сборникам, в которых они помещались. В комментариях к повестям и поэмам, помимо первых публикаций, указываются также отдельные издания, переиздания и перепечатки.

В примечаниях нами частично использован материал по изучению текстов Демьяна Бедного, принадлежащий *А. Л. Дымшицу* и любезно предоставленный им „Библиотеке поэта“.

Все даты до 7 ноября 1917 г. даны по старому стилю.

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1914

„С тревогой жуткою...“ Первыми стихотворениями Демьяна Бедного, появившимися в печати (журнал „Русское богатство“, 1909, № 1), были „Под новый год“ и „С тревогой жуткою“. Оба произведения подписаны „Е. Придворов“. Они аналогичны друг другу по содержанию и снабжены общим заголовком: „Стихотворения“.

О Демьяне Бедном, мужике вредном. Предназначавшееся для „Русского богатства“, стихотворение на протяжении двух лет оставалось неопубликованным. Появилось в „Звезде“ (1911, № 18, 16 апреля) под рубрикой „Маленький фельетон“ за подписью „Е. Придворов“. Этим произведением началось сотрудничество Д. Бедного в большевистской печати. Имя героя стихотворения стало сначала товарищеским прозвищем автора, а затем и его псевдонимом. В тексте „Звезды“ последняя строка читалась: „Эх, брат Демьян!..“ В некоторых изданиях (напр., Демьян Бедный. Песни прошлого, М., 1919, стр. 3—4) стихотворение называлось „Касьян“; соответственно было изменено также имя героя.

Сонет. Напечатано в газете „Звезда“, 1911, № 20, 7 мая, за подписью „Е. Придворов“. В связи с отмечавшимся в 1936 г. двадцатипятилетием деятельности Д. Бедного в большевистской печати стихотворение это было перепечатано в „Правде“ (1936, 20 мая).

„Ночной порой, когда луна...“ Опубликовано в „Звезде“, 1912, № 6, 2 февраля, за подписью „Е. Придворов“.

Когда наступит срок. Первая басня Демьяна Бедного. Написанная в 1911 г., она смогла появиться на свет лишь в 1917 г. „Правда“, 1917, № 21, 30 марта). Первоначальное название басни — „Шпага и топор“ — и первоначальный текст устанавливаются по рукописи, с которой басня была опубликована в сборнике „Пролетарские поэты“ (большая серия „Библиотеки поэта“, Л., 1936, т. II, стр. 187—189). В этом тексте после слова „Топор“ (строка 38) содержались строки, отсутствующие в окончательной редакции:

Взглянуть-то на тебя: ну, право, жабоколка,
По мне — что шпага, что иголка:
При случае, коли сгребу
Да сгоряча хвачу обухом,
Единым духом
Перешибу!

Вместо четырех строк, начинающихся словами: „Слуга твой верный — штык“, в первоначальной редакции стояли строки:

Сосед твой по стене, муштрованный дурак
Тесак,
Кто и на ком его, коряжину, не тупит!

Есть и другие — менее значительные — разночтения. Кроме того, при помещении стихотворения в „Правде" было сделано прибавление в 48 строк, датированное 27 марта 1917 г.:

Писал я басню не вчера:
Лет пять назад, коли не боле.
Про „верный штык" теперь уж песенка стара.
Штык шпаге изменил — и весь народ на воле:
— Штык! Обошлось без топора.
Ура!
И кто-то, радуясь такому обороту,
Спешит собрать за ротой роту
И, из полка шныряя в полк,
Улестиво шипит: „Возьмите, братцы, в толк:
Ну, можно ль темному народу
Дать сразу полную свободу?
Нет, надо нам итти испытанным путем,
Взяв буржуазные за образец порядки.
Уж поддержите нас, ребятки.
А мы порядки наведем!"
А пробуют навесть — не надо быть прилежней.
Авось-де, у штыков смекалка так мала,
Что им и невдомек, что ждет их кабала
Куда почище прежней!
Штыки не гонят прочь улестливых господ.
И тех, кто подлинно болеет за народ,
Нет-нет да и возьмет раздумье и опаска,
Что радостная быль пройдет, как сон, как сказка:
Вздохнули малость — и капут, —
Не отбояриться никак от новых пут.
Пойдет все, дескать, прахом.
Товарищи, скажу, что я подобным страхом
Не заражен.
Я знаю, „господа" прут сдуру на рожон.
Скажу открыто:
Ведь топоры-то,
Они там где-то ждут, они там где-то ждут:
Сполна ль все мужикам дадут? Аль не дадут?
Забыто, дескать, их житье аль не забыто?
Всей музыки конец получится каков?
И если „господа", к примеру, мужиков
Землей и волею лишь по губам помажут,
Так топоры себя покажут!
Вот что пророчу я, хоть я и не пророк.
Пусть смысл пророчества до острой боли жуток,
Но — время не пришло.
Когда ж наступит срок,
Тогда уж будет не до шуток!

Друзья, чтоб не было неясных многоточий,
Прибавлю, что, ведя всю речь про топоры,
Я с умыслом молчал про молоток рабочий.
Кто ж козыряет... до игры?

При повторной публикации басни, после Октябрьской революции, было сделано еще одно прибавление:

И чертыхалися враги и лбы крестили,
Но им ни черт, ни бог не мог помочь в игре,
Когда на них, гремя, наш молот опустили
Мы в „большевистском Октябре"!

Кукушка. Напечатана в „Звезде", 1912, № 12, 23 февраля. В 1912 году отмечалось столетие со дня рождения А. И. Герцена. Эта дата была использована либеральной печатью для гнусной фальсификации образа великого демократа, которого они стремились „причесать" под либерала. „Чествует его, — писал в апреле 1912 г. В. И. Ленин в статье „Памяти Герцена", — вся либеральная Россия, заботливо обходя серьезные вопросы социализма, тщательно скрывая, чем отличался революционер Герцен от либерала" (Сочинения, т. 18, стр. 9). Басня Д. Бедного написана в связи с выступлением одного из лидеров кадетской партии Ф. И. Родичева, который пытался отождествить идеи Герцена с программой русской либеральной буржуазии.

19 февраля. Опубликовано в газете „Звезда", 1912, № 14, 4 марта. Ни в один из сборников Д. Бедного стихотворение не входило.

19 февраля (1861) — дата царского манифеста об отмене крепостного права. Разъясняя смысл манифеста, В. И. Ленин писал в 1911 году: „Пресловутое „освобождение" было бессовестнейшим грабежом крестьян, было рядом насилий и сплошным надругательством над ними... Вся вообще „эпоха реформ" 60-х годов оставила крестьянина нищим, забитым, темным, подчиненным помещикам-крепостникам и в суде, и в управлении, и в школе, и в земстве" (В. И. Ленин. Сочинения, т. 17, стр. 94—95).

Звезда. За опубликование этой эпиграммы номер „Звезды" (1912, № 15, 8 марта) был конфискован. Существуя на „легальных" основаниях, большевистская газета подвергалась постоянным репрессиям со стороны цензуры и властей Из 95 номеров „Звезды" и „Невской звезды", вышедших в 1910 - 1912 гг., 36 номеров были подвергнуты арестам, а за материалы, опубликованные в двух номерах, редакция была оштрафована.

„Трибун". Опубликовано в „Звезде", 1912, № 17, 13 марта.

Маклаций—В. А. Маклаков, адвокат, член Государственной думы, деятель правого крыла кадетской партии. Выступая в Думе с либеральными демагогическими речами, он одновременно за большие гонорары защищал в суде финансовых тузов, совершавших уголовные преступления. Ему же посвящена эпиграмма Д. Бедного „Затмение", напечатанная в той же газете 5 апреля 1912 г. (№ 26) за подписью „Д. Б."

Не спрашивай меня, вчера затменье было
Иль не было, а так в глазах темнило?

Я дам тебе совет:
Маклация спроси! Когда он скажет нет,
Так значит — было.

Эпиграмма эта ни в одном из сборников сочинений поэта не приводилась.

„Сгустился мрак. Толпятся тучи..." За подписью „Е. Придворов" напечатано в „Звезде", 1912, № 23, 29 марта. Политическая символика этого стихотворения, отражающая настроения революционного подъема, весьма характерна для пролетарской поэзии 1912—1914 гг. Совершенно аналогичные образы находим, например, в цикле „Песни пловцов" А. И. Маширова-Самобытника („Гребцы" — „Правда", 1912, № 101, 26 августа, и „Песни пловцов" — „Пролетарская правда", 1913, № 16, 25 декабря, и 1914, № 19, 1 января).

Лена. Опубликовано в газете „Звезда", 1912, № 27, 8 апреля. Газета открывалась сообщением, напечатанным крупными буквами и взятым в траурную рамку: „На ленских приисках убито 270, ранено 250".

Расстрел царскими властями рабочих золотых приисков в Сибири всколыхнул всю Россию. „На ленский расстрел пролетариат ответил массовыми забастовками, демонстрациями и митингами в Петербурге, Москве, во всех промышленных центрах и районах... Ленские события показали, что революционные силы живы, что в рабочем классе накопилась огромная масса революционной энергии" (История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс, стр. 141).

В день шестилетия ленских событий стихотворение „Лена" за подписью „Е. Придворов" и с эпиграфом (отсутствовавшим при первой публикации) напечатано вторично („Правда", 1918, № 76, 17 апреля). В этот период Д. Бедным было написано и новое стихотворение о ленских событиях „Не забывайте клятвы" — см. Д. Бедный. В огненном кольце, изд. Петросовета, 1918, стр. 46.

Гуманность. Напечатано в „Звезде", 1912, № 29, 12 апреля. При перепечатке в сборнике „Басни" (П., 1913, стр. 21) из текста был исключен эпиграф, восстановленный автором в последующих изданиях.

Лисий Нос — место на берегу Финского залива под Петербургом, где царское правительство приводило в исполнение смертные приговоры над революционерами.

„Полна страданий наших чаша..." За подписью „Е. Придворов" напечатано в первом номере „Правды" (1912, 22 апреля).

Газета. Стихотворение опубликовано в „Правде" (1912, № 4, 26 апреля). „Правда" беспрерывно подвергалась репрессиям и запрещениям. С 1912 по 1914 гг. она приостанавливалась восемь раз, каждый раз возобновляясь под новым названием. Упоминаемые ниже „Путь правды", „Рабочая правда", „Северная правда" — наименования, под которыми „Правда" выходила после запретов. В канун

первой мировой войны (июль 1914 г.) петербургское охранное отделение закрыло газету и арестовало многих ее сотрудников. О преследованиях, которым подвергалась „Правда", Д. Бедный писал также в стихотворении „Вещунья" („Невская звезда", 1912, № 17, 15 июля).

Порода. Напечатано в „Правде", 1912, № 25, 29 мая.

Сватовство. Помещено в „Правде", 1912, № 54, 1 июля. Под *„прогрессисткой"* имеется в виду так называемая „прогрессивная партия", представлявшая интересы крупной буржуазии и выступавшая на думских выборах в блоке с кадетами.

Дом. Напечатана в „Невской звезде", 1912, № 21, 12 августа. Приводим послесловие к басне, написанное автором в 1919 г.

На днях, отдавши дань „очередным делам",
Ушел я с головой в бумажный старый хлам:
Пред тем, как сбыть его на кухню для растопки,
Попробовал я в нем произвести „раскопки".
И до чего был рад,
Когда нашел пяток полузабытых басен,
Что мною писаны „сто лет" тому назад.
По скромности своей, конечно, я согласен,
Что басни — не ахти какой великий клад.
И все ж, считаяся со сроком
И с тем, какой я „дом" тогда имел в виду,
Вы скажете, что я в двенадцатом году
Был недурным пророком.
„Дом" — сами знаете: стряслась над ним беда,—
„Хозяин" и „жильцы" из благородной кости
Махнули кто куда —
По большей части — к черту в гости;
А уцелевшие, осатанев от злости,
Досель еще чинят немало нам вреда.
Но, вырвав все клыки из их широкой пасти,
Мы барской сволочи вернуться снова к власти
Уж не позволим никогда,—
Ни им самим, ни их лакеям,
Всей „демократии" гнилой, —
Мы знаем цену всей работе их былой
И „учредительным" затеям:
В руке их — красный флаг, а белый — под полой.
Глупцами лестно ли нам быть в глазах потомков,
Быть осужденными суровым их судом?
Дом старый рушился. Но мы наш новый дом
Не станем строить из обломков.
Мы, „черные жильцы", дадим врагам ответ:
Как их искусные строители ни бойки,
Но скоро убедить сумеем мы весь свет,
Что дома лучшего не может быть и нет,
Чем дом советской стройки.

С этим послесловием, но без эпиграфа басня была перепечатана в „Правде“, 1919, № 155, 17 июля. Полностью воспроизводилась автором в последующих изданиях, где послесловие, однако, ошибочно датировалось 1920 годом.

Лапоть и сапог. Опубликовано в „Невской звезде“, 1912, № 22, 19 августа. В басне отражена столыпинская земельная реформа, которая привела к массовому разорению крестьян. В. И. Ленин называл эту реформу „помещичьей ломкой“ общинного строя, которая означает „...насильственное разрушение общины и ускоренное разорение, истребление массы обнищавших хозяйчиков в пользу горстки кулаков“ (Сочинения, т. 13, стр. 420).

В деле об издании газеты „Невская звезда“, заведенном петербургским комитетом по делам печати в 1912 г., опубликование басни „Лапоть и сапог“ было признано нарушением Уголовного уложения, ибо она призывает крестьян к объединению, „как это уже сделали рабочие“, и к „открытому сопротивлению“ властям. Дополнительно к этому в донесении цензора указывалось, что „в этой басне автор возбуждает крестьян сплотиться подобно рабочим и противодействовать правительству, а то и воевать с ним, если оно будет вводить реформы среди крестьян, подобные отрубной, которая приводит их к окончательному разорению“.

При включении в сборник „Басни“ (П., 1913, стр. 31—52) вся вторая половина стихотворения от слов „спервоначалу нам беда“ до конца была удалена цензурой, что и дало повод автору в письме к П. Мирецкому от 23 февраля 1913 г. отметить, что в его басне „сапога-то и нет“ („Молодая гвардия“, 1935, № 5).

В первопечатном тексте фигурировал первый эпиграф, в сборнике „Басни“ — второй, в публикациях советского времени Д. Бедный приводил оба эпиграфа.

Кларнет и рожок. Напечатано в журнале „Современный мир“, 1912, № 10, стр. 136.

Свеча. Помещено в журнале „Просвещение“, 1913, № 2.

„...*помнишь ли те дни...*“ — октябрьские дни 1905 года, прошедшие в обстановке шумихи, организованной либеральной и монархической прессой по поводу „манифеста 17 октября“, который на проверку „заместо сотенной свечи“ оказался „копеечным огарком“. Направленность басни против „высочайшего манифеста“ была отмечена как цензором, по донесению которого номер журнала, где была напечатана басня, подвергся конфискации, так и прокурором, выступившим на судебном процессе против редактора журнала. Факт преследования, возбужденного против большевистского издания и его редактора за публикацию этой басни, был отмечен В. И. Лениным в статье „К вопросу о политике министерства народного просвещения“, написанной в июне 1913 г. Ленин упомянул в этой статье о басне Демьяна Бедного, „за которую „Просвещение“ оштрафовали, а редактора его засадили в тюрьму“ (Сочинения, т. 19, стр. 120). В письме к П. Мирецкому от 23 февраля 1913 г. Д. Бед-

ный назвал басню „Свеча" в числе произведений, которые не могли быть включены в сборник „Басни" 1913 г. по цензурным соображениям.

Предпраздничное. Напечатано в „Правде", 1913, № 130, 8 июня.

Клоп. Стихотворение появилось в журнале „Современный мир", 1913, № 7, стр. 264.

Паук, муха и пчела. Первоначально (в газете „Рабочая правда", 1913, № 2, 14 июля) басня называлась „Мухомор" и имела эпиграф: „Планомерность! — Петиции! — Коалиции! — Остерегайтесь стачечного азарта! (Из ликвидаторских воплей)."

У басни была также другая концовка, в которой „муха" сетовала на то, что „начиталася „Луча" и гибну... за его... убогую... идею".

„Луч" — меньшевистская газета 1912—1913 гг.

В 1918 г. басня была перепечатана со следующим послесловием:

Всему трудящемуся люду
Твердил и вновь твердить я неустанно буду:
Буржуй привычен гнуть рабочих в три дуги:
Рабочий и буржуй — извечные враги.
Отсюда вывод ясен:
Как бой с буржуем ни опасен,
О соглашеньи с ним и думать не моги.
Тот, кто надеется без бою (меньше риску?!)
Буржуя обуздать, взяв от него подписку
„О вечной мировой",
Тот, выдавши себя буржую головой,
Согнув пред ним холопски спину,
Как муха к пауку — сам лезет в паутину.
Берите ж все пример, достойный похвалы,
С коммунистической пчелы
И не склоняйтесь к подражанью
Мух меньшевистскому жужжанью!

Хозяин. За эту басню номер „Рабочей правды", в котором она была напечатана (1913, № 9, 23 июля), подвергся конфискации, ибо, по словам цензора, „такого рода изображения возбуждают в среде рабочих чувства непримиримой ненависти и вражды по отношению к хозяевам".

„Газета-копейка".

„Газета-копейка" — бульварная газетка, приносившая своим владельцам доход главным образом рекламой низкого пошиба. Издавалась в Петербурге с 1908 г. Дешевую по цене и убогую по содержанию газетку буржуазные издатели пытались распространять среди рабочих.

„Довольно с нас господства буржуазной „Копейки"! — писал В. И. Ленин в июле 1912 г. — Довольно царила беспринципная торгашеская газетка. Рабочие Петербурга показали в какие-нибудь полгода, каким громадным успехом могут сопровождаться

совместные рабочие сборы. Пусть их пример, их почин не пропадет даром. Пусть разовьется и окрепнет обычай рабочей копейки на рабочую газету!" (Сочинения, т. 18, стр 180).

Эпиграмма Д. Бедного была напечатана в „Северной правде", 1913, № 9, 11 августа. На ту же тему поэт писал в стихотворении „Правда, Кривда и Копейка" („Невская звезда", 1912, № 2, 3 мая), заканчивающемся строками:

Людьми замечено давно:
Копейка с Кривдой заодно!
Имея общую лазейку,
Они вдвоем всегда, везде.
С тех пор, как создал черт Копейку,
Копейка с Правдой во вражде!

Против распространения газет „Тары-бары" и „Копейка" поэт выступил также в фельетоне „Тереха" („Правда", 1912, № 57, 5 июля).

Ерши и вьюны. При опубликовании в газете „Наш путь" (1913, № 10, 5 сентября) басня сопровождалась эпиграфом, позаимствованным из „Северной правды", 1913, № 24, 30 августа. Как сообщалось в эпиграфе, в ответ на очередную вылазку меньшевиков-ликвидаторов, „рабочая масса весьма недвусмысленно намекнула ликвидаторам, что ей с ними не по пути". Ликвидаторы изображены в басне под видом вьюнов.

Друзьям. Напечатано в журнале „Просвещение", 1913, № 11. Это стихотворение, как и предыдущее, направлено против меньшевиков-ликвидаторов.

И там и тут. Опубликовано в газете „Путь правды", 1914, № 43, 22 марта.

В беседе с молодыми писателями 25 февраля 1931 г. Демьян Бедный говорил: „Если бы вы меня спросили, какое из своих произведений я считаю наиболее удачным, я назвал бы маленькое — в четыре строки — стихотворение „И там и тут". Оно было написано мною в 1914 году в те дни, когда в Петербурге на некоторых заводах произошли случаи массового отравления рабочих. Особенно на свинцово-белильных фабриках. Это вызвало бурные рабочие демонстрации на улицах. Царское правительство ответило на демонстрации — свинцовыми пулями. По этому поводу я написал исключительно дерзкое четверостишие, а старая „Правда" не побоялась его напечатать, хотя в нем шла речь фактически о вооруженном отпоре царским усмирителям. Призыв к боевому отпору должен был, однако, — в целях уклонения от цензурно-административных громов — лишь чувствоваться в словесной структуре стихотворения, а сами слова не должны были заключать в себе никакого „криминала". Для этого я закончил стихотворение выражением, с которым всегда ассоциируется жест, жест отчаянной удали, когда надо биться, потому что все равно пропадать, „один конец!" (Д. Бедный. О писательском труде, ГИХЛ, М.-Л., 1931, стр. 19—20).

Упоминаемый в эпиграфе *Литвинов-Фалинский* — чиновник

министерства торговли, ведавший вопросами „рабочего“ законодательства.

На ту же тему Д. Бедным была написана эпиграмма „Три яда“, напечатанная в газете „Путь правды“, 1914, № 42, 21 марта.

Май. Напечатано в газете „Путь правды“, 1914, № 75, 1 мая.

Evet effendim! Опубликовано в газете „Путь правды“, 1914, № 81, 9 мая. Опасаясь цензуры, автор изображает в этой басне царскую Россию под видом „свободной Турции“.

Под *Представительным Советом* имеется в виду Государственная дума. *Али-Родзя* — М. В. Родзянко, председатель Государственной думы, один из лидеров буржуазно-помещичьей партии „октябристов“. *Бойцы за черный люд* — рабочие депутаты Думы, подвергавшиеся преследованиям как внутри Думы, так и вне ее. Подробнее о Государственной думе — см. примечания к поэме „Про землю, про волю, про рабочую долю“.

1914—1917

Басни Эзопа. Не имея возможности открыто выступить в печати против империалистической войны, Демьян Бедный принялся за перевод басен древнегреческого поэта Эзопа. Следуя во всем тексту оригинала, переводчик в некоторых случаях изменял концовки или отдельные строчки басен Эзопа, намекая в них на подлинных виновников империалистического разбоя („Брак богов“, „Плакальщицы“ и др.). В ряде басен этого цикла („Волк и Овца“, „Геракл и Плутон“) проповедуется идея классовой ненависти к врагам трудящихся. Большую сложность представило для поэта проведение этих басен через цензуру. Известен случай, когда цензор перечеркнул подготовленную к печати подборку эзоповских басен, надписав на них: „Знаем мы этого Эзопа!“ Одна басня („Суд“) была написана Демьяном Бедным еще до войны; она была опубликована в газете „Путь правды“, 1914, № 92, 21 мая. Это была единственная переведенная Д. Бедным басня Эзопа, увидевшая столбцы столичной газеты; все остальные басни были им напечатаны в харьковской газете „Утро“ (март — август 1915 г.), в иллюстрированном приложении к этой газете (1915), в детском журнале „Маяк“ (1914) и в журнале „Жизнь для всех“ (1916). Помещаемые нами басни печатались в журнале „Жизнь для всех“ (1916, № 2, февраль).

„Предусмотренные“. Напечатано в журнале „Современный мир“, 1915, № 10, стр. 210—211.

Закон и „Правда“. Фельетон напечатан в журнале „Современный мир“, 1915, № 11, стр. 152. Редакция „Правды“ была разгромлена царскими властями в июле 1914 года, газета была запрещена. Фарисейская отмена репрессий по отношению к двум номерам давно прекращенной газеты послужила Д. Бедному удобным поводом для обличения царского беззакония.

Строки. Замаскированный стихотворный протест против „деятельности“ царской военной цензуры, нередко превращавшей газеты в пустые белые листы (имеются в виду цензурные изъятия из текста полос). *О вешней зелени, о буре* — намек на революционный выход из войны.

Стихотворение напечатано в журнале „Жизнь для всех“, 1916, № 1, столб. 59.

Дело хозяйское. Басня опубликована в журнале „Жизнь для всех“, 1916, № 3, столб. 347. Она в иносказательной форме отражает факты братания между солдатами воюющих армий на фронтах империалистической войны. Факты эти, отмеченные в значительном количестве на русско-германском фронте в 1916 г., были выражением протеста солдатских масс против империалистической войны. В. И. Ленин, составляя в 1916 г. проект предложений ЦК РСДРП Циммервальдской конференции, требовал от социалистов всех стран поддержки революционной борьбы масс, одним из проявлений которой он назвал „братанье в траншеях“ (В. И. Ленин. Сочинения, т. 22, стр. 164).

Тофута Мудрый. После Февральской буржуазной революции, до возобновления „Правды“, три стихотворения Демьяна Бедного были помещены в „Известиях Петроградского Совета Рабочих Депутатов“ (1—4 марта 1917 г.). Приводимая здесь басня была напечатана в № 2 за 1 марта 1917 г. В ней отражены попытки царского самодержавия удержать свою власть, опираясь на крайних реакционеров (под злодеем Протоплутовым подразумевается царский министр внутренних дел А. Д. Протопопов). Дальнейшие строки стихотворения показывают свержение царизма восставшим народом и незаконный захват власти буржуазией (имеется в виду Февральская революция). Заключительная часть басни — предвидение дальнейшего хода революционных событий.

„Власть“ тосковала по „твердыне“. Эпиграмма появилась в первом номере возобновленной „Правды“ (1917, 5 марта). Написана в связи с арестом и заключением царских министров в Петропавловскую крепость, служившую при самодержавии тюрьмой для революционеров.

Эпиграф — из стихотворения А. С. Пушкина „На картинки к Евгению Онегину“ в „Невском альманахе“ (1829).

„Петельки“. Кадеты, которые при царизме были сторонниками конституционной монархии, после февраля 1917 г. из страха перед революционно настроенным народом объявили себя „республиканцами“. Стихотворение, напечатанное в „Правде“ (1917, № 24, 5 апреля) обличает неспособность кадетской партии разрешить аграрную проблему.

За живое. Газета „Правда“, тотчас же после своего возобновления разоблачавшая реакционную политику Временного правительства, была встречена озлобленным воем всей буржуазно-черно-

сотенной прессы. Эпиграмма „За живое“ появилась в „Правде“, 1917, № 27, 8 апреля.

Народная примета. За подписью „Мужик Вредный“ появилась в „Правде“, 1917, № 34, 16 апреля.

Бьюкенен — английский посол в Петрограде, оказывал давление на буржуазное Временное правительство в целях усиления антинародного контрреволюционного курса его внутренней и внешней политики. Лидер кадетской партии *П. Н. Милюков*, будучи министром иностранных дел во Временном правительстве первого состава, раболепствовал перед английским послом.

Укрепляйте „Правду“! Газета „Правда“ существовала на средства, собираемые рабочими. В № 39 от 23 апреля 1917 г. редакция призвала своих читателей отметить День печати усилением денежных сборов на приобретение партийной типографии, вербовкой новых подписчиков и устройством бесед с солдатами о политической линии „Правды“. В том же номере газеты приведено стихотворение „Укрепляйте „Правду“! См. также в третьей части поэмы „Про землю, про волю, про рабочую долю“ главы XXVI и XXVII, посвященные „Правде“.

Преследуемая Временным правительством „Правда“, как и в царские годы, вынуждена была неоднократно менять свое название. Упоминаемые ниже в примечаниях: „Рабочий“, „Рабочий и солдат“ и „Рабочий путь“ — названия, под которыми „Правда“ выходила после соответствующих запретов.

Мой стих. За подписью „Мужик Вредный“ и под названием „Стиль“ опубликовано в газете „Рабочий путь“, 1917, № 17, 22 сентября. Текст сопровождался эпиграфом: „Новая жизнь“ не одобряет стиля „Мужика Вредного“. Стихотворение явилось ответом на выпады „Новой жизни“ (меньшевистской газеты, выходившей в Петрограде с апреля 1917 г.) против Демьяна Бедного и большевистской печати. Об этом свидетельствуют и строки, составлявшие вторую часть стихотворения:

Мне так смешно, когда чувствительная дама
Из „Новой жизни“ закричит... и т. д.

Эти строки, равно как и эпиграф, были исключены автором из последующих изданий. Будучи полемическим ответом меньшевистской газете, стихотворение в то же время стало творческой декларацией поэта.

Социал-заики. Опубликовано за подписью „Друг сердечный“ в газете „Рабочий путь“, 1917, № 18, 23 сентября. В малой серии „Библиотеки поэта“ стихотворение было нами ошибочно датировано октябрем 1917 г.

Страдания следователя по корниловскому (только ли?) делу. Напечатано в газете „Рабочий путь“, 1917, № 19, 24 сентября, за подписью „Мужик Вредный“.

Корнилов Л. Г. — царский генерал, назначенный после июльских дней 1917 г. верховным главнокомандующим русской армией. В августе 1917 г. с целью установления военной диктатуры и подавления революции предпринял поход на Петроград, окончившийся полным провалом. Песня-пародия Д. Бедного высмеивает комедию подготовки буржуазным Временным правительством „суда" над Корниловым.

4—7 октября в газете „Рабочий путь" была опубликована статья И. В. Сталина „Заговор против революции", дающая подробную характеристику заговора Корнилова и организации пресловутого „следствия".

„Дело, очевидно, не в комедийном суде, — писал товарищ Сталин. — Дело в том, что после корниловского выступления, после громких арестов и „строгого" следствия, власть снова „оказалась" целиком и без остатка в руках корниловцев" (Сочинения, т. 3, стр. 354).

Предпоследние строки стихотворения Д. Бедного использовал В. И. Ленин в работе „Удержат ли большевики государственную власть?", написанной 1 октября 1917 г.: „Государство есть орган господства класса. Какого? Если буржуазии, то это и есть кадетски-корниловски-„керенская" государственность, от которой рабочему народу в России „корнилится и керится" вот уже больше полугода" (Сочинения, т. 26, стр. 81).

Первопечатный текст сопровождался рисунком, на котором был изображен следователь, допрашивающий Корнилова с оглядкой на портрет Керенского. Между приведенными 1-й и 2-й строфами были еще две строфы, исключенные автором из последующих изданий (видимо, потому, что смысл их понятен только в сочетании с рисунком). Приводим их:

Упекут меня,
Друга милова.
Правду как узнать
У Корнилова?

Затаил секрет
И не кается.
На стене ж портрет
Усмехается!

Стихотворения 1916—1917 гг. см. также в тексте поэмы „Про землю, про волю, про рабочую долю".

1917—1920

Послевыборный астрономический бюллетень. Птицеловы. Ряд стихотворений, написанных в ноябре — декабре 1917 г., Демьян Бедный посвятил разоблачению буржуазных политических партий, разгромленных Октябрьской революцией. Стихотворение „Послевыборный астрономический бюллетень", напечатанное в „Правде", 1917, № 192, 30 ноября, за подписью „Му-

жик Вредный", рисует политический крах кадетов, эсэров и меньшевиков, пытавшихся объединиться в так называемом Учредительном собрании. Стихотворение „Птицеловы" разоблачает меньшевистско-эсэровских прихвостней, маскировавших свою контрреволюционную деятельность демагогическими фразами о „земле и воле". Стихотворение напечатано в „Правде", 1917, № 209, 21 декабря.

Плохое утешение. За подписью „Мужик Вредный" помещено в „Правде", 1917, № 211, 23 декабря.

„Новый луч" — меньшевистская газета. *Дутов А. И.* — атаман Оренбургского казачьего войска, позже — один из сподвижников Колчака. Трудовому казачеству Демьян Бедный посвятил целый ряд песен и стихотворений („Кубанская песня", „Трудовое войско", „Братьям-казакам" и др.), составивших сборник „Красный казак", ГИЗ, 1919.

У господ на елке. Автобиографическое стихотворение, написанное к первому новогоднему празднику советской детворы. Напечатано с рисунками в „Правде", 1918, № 223, 6 января. Вошло в книги Д. Бедного „В огненном кольце", П., 1918 (изд. 2 — 1919 г.), „Читай, Фома, — набирайся ума! (для юных грамотеев), М., 1919, во все однотомники и многие другие издания. В однотомнике 1950 г. ошибочно помечено декабрем 1918 г.

Коммунистическая марсельеза. Под названием „Наша коммунистическая марсельеза" напечатано в „Правде", 1918, № 22, 10 февраля. Отдельным изданием вышло в издательстве ВЦИК, М., 1918, и в Госиздате, М., 1920 (стотысячным тиражом). В 1919—1920 гг. стихотворение пользовалось исключительной популярностью среди красноармейцев на фронте (см. вступительную статью).

Революционный гудок. 22 февраля 1918 г., в связи с наступлением армии германских империалистов на Советскую Россию, был опубликован декрет „Социалистическое отечество в опасности". 23 февраля было положено начало существованию Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Откликом на эти события является стихотворение „Революционный гудок", напечатанное в „Правде", 1918, № 37, 28 февраля.

Работнице. Напечатано в Международный женский день в „Правде", 1918, № 44, 8 марта.

Маяк. Помещено в „Правде", 1918, № 45, 9 марта.

„Христос воскресе". В 1918 г. Д. Бедным был написан цикл стихотворений под общим заголовком „Про многотрудное житие отца Ипата". В состав этого цикла, насчитывавшего девять стихотворений и целиком вошедшего в книгу Д. Бедного „Отцы духовные, их помыслы греховные, сиречь про поповские „чудеса" правдивые словеса" (изд. ВЦИК, М., 1918; изд. 2 — М., 1922), входило и стихотворение „Христос воскресе". В однотомнике 1937 г. оно неправильно датировано 1919 годом.

Борьба с религиозными предрассудками заняла большое место в творчестве поэта и в последующие годы. Ряд стихов, фельетонов и поэтических обозрений на эту тему вошел в книги Демьяна Бедного: „Бесы игривые, сиречь — антихристы долгогривые", М., 1923; „Паки и паки про поповские враки, про монастырские хоромы и еврейские погромы", М., 1923; „О попе Панкрате, тетке Домне и явлении иконы в Коломне", М., 1923; „Новый завет без изъяна евангелиста Демьяна", Л., 1925; „О попах и дьяконах", М.-Л., 1928; „Поповская камаринская", М.-Л., 1929, и др.

Молодняк. Появилось в газете „Беднота", 1918, № 40, 17 мая.

Два гренадера. Политический фельетон, в котором использовано известное стихотворение Г. Гейне „Гренадеры". Напечатано в „Правде", 1918, № 130, 28 июля.

Милюков (Павел) и *Винавер* — лидеры кадетской партии. *Мартов* и *Дан* — лидеры меньшевиков. *Дурново* — один из столпов черносотенного царского режима, бывший министр внутренних дел.

Под Казанью. Текст стихотворной листовки, сбрасывавшейся с самолетов в расположении войск противника на Восточном фронте в сентябре 1918 года. Написан в поезде на пути в Свияжск. Напечатан в книге: Демьян Бедный. Красноармейцы, ГИЗ, 1919, стр. 41—44, под названием „На фронте" и с подзаголовками „Под Казанью и Самарой", „Привет".

8 сентября 1918 г. „Правда" сообщала: „Под Казанью мы заняли все ключи к городу". 11 сентября газета напечатала объявление штаба 8 армии: „Победоносные советские войска, разбив белогвардейские банды, вступили в Казань. Белогвардейцы бегут. Красноармейцы ежечасно захватывают новых предателей революции". Стихотворение создано в день решающего наступления советских войск на Казань.

На ту же тему Д. Бедным написаны стихотворения: „Расказанское положение" („Как во славном было городе Казани"), напечатанное в „Правде", 1918, № 198, 15 сентября, и „Казанское чудо. Не басня, а быль" („Красноармейцы", указ. изд., стр. 51—52).

Проводы. Написанное во время пребывания поэта на Восточном фронте (штаб фронта находился в Свияжске), стихотворение вошло в ряд сборников поэта („Красноармейцы", указ. изд., стр. 28—31, „Богатырский бой", ГИЗ, 1921, стр. 20—22, и др.). Используя народные мотивы, композитор Васильев-Буглай положил этот текст на музыку и в 1922 году разучил песню с личным составом военной школы ВЦИК. После этого песня приобрела всенародную известность.

Путеводная звезда. Напечатано в книге Демьяна Бедного „Красноармейцы", указ. изд., стр. 39—40.

Песня деда Софрона. Дед Софрон — излюбленный герой-рассказчик в стихотворениях Д. Бедного, написанных в 1918—1919 гг. и предназначавшихся главным образом для деревенских читателей. Автор назвал этого героя по имени своего деда, Софрона

Придворова (см. вступительную статью). На протяжении всего 1918 г. в газете „Беднота" печатались „беседы" деда Софрона, затрагивавшие разнообразные темы политической и хозяйственной жизни. Большинство их написано раешным стихом, некоторые имеют и типичные для раешника стихотворные заголовки. В отличие от „Бесед" — „Песня деда Софрона" выдержана в „частых" песенных ритмах с характерными повторами в конце строк. „Песня" напечатана в книге: Демьян Бедный. В огненном кольце, М., 1918, стр. 32—33. „Беседы" деда Софрона вошли в сборники стихов: „О Митьке-бегунце и его конце", М., 1920; „Отцы духовные, их помыслы греховные", М., 1922, и др.

„До этого места!" Комитеты деревенской бедноты были учреждены декретом от 11 июля 1918 г. для борьбы с кулачеством и помощи бедноте. Стихотворение написано к первой годовщине Октябрьской революции. Напечатано в газете „Беднота", 1918, № 183, 6 ноября. Выпущено также отдельным плакатом.

Предисловие к поэме А. С. Пушкина „Гавриилиада". Поэма А. С. Пушкина „Гавриилиада", написанная в 1821 г., была признана царскими властями „опасной" и не издавалась в России до октября 1917 года. В 1918—1919 гг. было предпринято несколько изданий поэмы, для одного из которых составлено приводимое „Предисловие". Однако, было ли осуществлено издание поэмы А. С. Пушкина с этим „Предисловием", — неизвестно (ни в одном из крупнейших в стране книгохранилищ такого издания нет). „Предисловие" вошло в книгу Д. Бедного „Вперед и выше", ГИЗ, М.-Л., 1927, стр. 60—63.

Тиран несправедливый... и т. д. — несколько измененные строки „Гавриилиады" (у Пушкина: „Тиран несправедливый, еврейский бог, угрюмый и ревнивый"). *Другой тиран с душой злодейской* — царь Николай I.

Братские могилы. Этим стихотворением открывается книга: Демьян Бедный. Земля!.. Земля!.. ГИЗ, М., 1920, стр. 3. Текст стихотворения заключен в траурную рамку.

Красный Флот. Опубликовано в „Правде", 1919, № 237, 23 октября. В этот день были освобождены от банд Юденича пригороды Петрограда — Детское село (ныне — Пушкин) и Павловск. Разгромом Юденича была завершена проведенная под руководством И. В. Сталина ликвидация вражеских войск, угрожавших Петрограду.

В тот же период Д. Бедным написаны два стихотворения под общим заголовком „На защиту Красного Питера" и стихи „Манифест Юденича", „Добьем Иуденичей" и „Гатчинский урок" (в книге: Д. Бедный. Богатырский бой, 1921, стр. 63—69). См. также в настоящем сборнике стихотворение „Танька — Ванька".

Танька — Ванька. По словам автора, стихотворение написано в несколько часов и передано по телефону в Петроград, где прием производился под грохот артиллерийской канонады. Напечатано во

фронтовой газете 7-й армии „Боевая правда“, 1919, № 50, 2 ноября. Передовая статья этого номера, под названием „Танки!“, напечатанная заглавными буквами на ширину всей первой полосы, призывала: „Каждый боевой солдат должен разъяснить своему малообстрелянному товарищу, что такое танк, какое у него устройство, какие средства борьбы против танков. Надо положить конец страху перед танком. Тогда танк потеряет девять десятых своей силы... Танк — последняя ставка Юденича. Побить ее — и победа будет за нами“. Стихотворение имело на фронте большой успех. „Бойцы смеялись, приободрялись и перли на „танек“ (Д. Бедный. О писательском труде, ГИХЛ, М.-Л., 1931, стр. 34—35).

Под названием „Танька — Ванька“ в 1927 г. вышел сборник фронтовых песен поэта.

Правда-матка. Под названием „Красноармейский рассказ. Введение“ — напечатано в „Правде“, 1919, № 250, 7 ноября. Подзаголовок „Как отличить на фронтах подлинные листовки...“ и т. д. давался при публикациях стихотворения на фронте. Стихотворение было ответом на попытки вражеской пропаганды выпускать за „подписью“ Д. Бедного стихотворные листовки-фальшивки.

Коммунары. Подпись к плакату, посвященному организации первых сельскохозяйственных коммун. Плакат был издан в 1919 г.

День прозрения. С пометкой „Отрывок из поэмы „Бурелом“, глава XXXVI“ напечатано в „Правде“, 1920, № 14, 22 января, в день пятнадцатилетия „Кровавого воскресенья“. В том же номере напечатана глава XXXVII названной поэмы, не законченной автором, — „Царский сон“.

Гапон Г. А. — поп-провокатор, помогавший царской охранке организовать 9 января 1905 г. расстрел рабочей демонстрации перед Зимним дворцом.

Труд. „Коммунистические субботники,“ — писал В. И. Ленин, — именно потому имеют громадное историческое значение, что они показывают нам сознательный и добровольный почин рабочих в развитии производительности труда, в переходе к новой трудовой дисциплине, в творчестве социалистических условий хозяйства и жизни“ (Сочинения, т. 29, стр. 391). Стихотворение Демьяна Бедного посвящено субботнику, организованному Московским Комитетом партии 3 октября 1920 года, и в тот же день напечатано в „Правде“, № 320.

Благословение. Помещено в книге: Демьян Бедный. По коню и по оглоблям, ГИЗ, М., 1920, стр. 8—9. В однотомнике 1950 г. ошибочно датировано 1921 годом.

Честь красноармейцу! Этим произведением завершается сборник стихов Демьяна Бедного „Богатырский бой“, ГИЗ, 1921, стр. 102—103.

„Владимирка“. Написано к четырехлетию Великой Октябрьской социалистической революции и напечатано в „Правде“, 1921, № 251, 6—7 ноября.

Владимирка — тракт Москва — Владимир, по которому в царское время вели осужденных революционеров в сибирскую каторгу.

Осы. Стихотворение, напечатанное в „Правде“, 1922, № 126, 9 июня, посвящено судебному процессу над контрреволюционной организацией правых эсэров. Процесс происходил в Москве с 8 июня по 7 августа 1922 г. За это время Д. Бедным было написано еще несколько стихотворений на ту же тему: „Для эсэра — его же мера“, „Сорванный марьяж“ и „Вот именно!“ („Правда“, 1922, 20 и 22 июня).

Юной гвардии. Написано в связи с празднованием восьмого Международного юношеского дня. Напечатано в „Правде“, 1922, № 197, 3 сентября.

Любимому. Напечатано среди поздравлений В. И. Ленину к 53-й годовщине со дня его рождения („Правда“, 1923, № 88, 22 апреля). Номер газеты открывался бюллетенями, сообщающими о состоянии здоровья Ильича. В предыдущие годы Д. Бедным были написаны: приветствие „Вождю“ (4 мая 1918 г.), монолог о Ленине „Земля!.. Земля!..“ (1 мая 1919 г.), стихотворение „Рабочий привет“, посвященное 50-летию Ильича (22 апреля 1920 г.) и „Разве я не прав?“ по поводу выздоровления В. И. Ленина в 1921 г. (октябрь). Целый ряд стихотворений посвятил поэт В. И. Ленину в последующие годы. Перечисленные произведения собраны в книгах Д. Бедного „О любимом“ (ГИЗ, М., 1926, изд. 2—1928), „Ленин“ (ГИХЛ, М.-Л., 1931) и др. В настоящем сборнике см. стихотворения: „Снежинки“, „Ленин — с нами!“, „Ленин — Сталин“.

Вперед и выше! Стихотворение завершает книгу того же названия, вышедшую в „Библиотеке Демьяна Бедного“ (ГИЗ, М.-Л., 1927, стр. 88—89).

Тяга. В письме к Демьяну Бедному от 15 июля 1924 года И. В. Сталин, рекомендуя поэту поездку в Баку, пишет: „Уверен, что Баку даст Вам богатейший материал для таких жемчужинок, как „Тяга“ (Сочинения, т. 6, стр. 275).

В бумагах Д. Бедного хранился портрет рабочего *Е. Димитренко*, изображенного с молотом в руке.

Стихотворение напечатано в „Правде“, 1924, № 134, 15 июня.

Крымтепо — Крымское транспортное потребительское общество.

Снежинки. Напечатано в первую годовщину смерти В. И. Ленина („Правда“, 1925, № 17, 21 января).

„Товарищ Борода“. Помещено в газете „Правда“, 1926, № 110, 1 мая.

Неповторимые. Стихотворение памяти Ф. Э. Дзержинского, напечатано в „Правде", 1926, № 168, 24 июля.

Грозит. Стихотворная подпись к рисунку художника Дени, посвященному всеобщей забастовке английских горняков („Правда", 1926, № 233, 9 октября).

Завет сраженного бойца. Написано к годовщине смерти Теодора Нетте. Опубликовано в „Правде", 1927, № 29, 5 февраля.

Перспективы. Помещено в „Правде", 1927, № 71, 30 марта. Стихотворная подпись к рисунку художника Дени. Посвящена бегству британских резидентов из Китая, напуганных подъемом революционно-освободительного движения китайского народа.

Мы будем говорить... Помещено в „Правде", 1927, № 77, 6 апреля, под рисунком Д. Моора и под лозунгом: „Пролетарии всех стран, пусть громче звучит ваш клич: „Руки прочь от китайской революции!"

Для милого дружка — сережка из ушка. Помещено в „Известиях", 1927, № 84, 13 апреля. Написано в связи с выдачей англичанами 400 тысяч фунтов стерлингов известному китайскому милитаристу Чжан Цзо-лину.

Китайские тени. Напечатано в „Правде", 1927, № 87, 17 апреля. В том же номере под заголовком „Позор изменникам революции!" газета писала: „На многолюдных митингах-демонстрациях протеста по поводу предательства Чан Кай-ши трудящиеся Советского Союза заявляют: „Позор перебежчикам в лагерь империалистов, расстреливающим революционных рабочих"

На ту же тему в предыдущем номере „Правды" было опубликовано стихотворение Д. Бедного „Революция есть революция".

Кто-то третий — иностранные империалисты, вдохновители реакционной политики Гоминдана.

Христос по-американски. Помещено в „Известиях", 1927, № 94, 27 апреля.

Параллели русско-американские. Помещено в „Известиях", 1927, № 182, 11 августа.

Сакко и Ванцетти — рабочие-революционеры, казненные в США по приговору, утвержденному губернатором *Фуллером. Кулидж* был тогда президентом США.

По господам и лакеи. Помещено в „Правде", 1927, № 210, 15 сентября.

Черчилль — известный английский реакционер, организатор антисоветских авантюр, вдохновитель агрессивных сил мировой

реакции. *Трэд-юнионы* — британские реформистские профсоюзы. *Томас* — один из лидеров трэд-юнионов. *Твердолобые* — общепринятое название английских консерваторов.

Кто они? Помещено в „Правде", 1928, № 264, 14 ноября.

Чемберлен Остин — министр иностранных дел Англии, проводник реакционной политики британского империализма, инициатор разрыва дипломатических отношений между СССР и Англией в 1927 г.

Тоже „рекорд". Помещено в „Правде", 1928, № 266, 16 ноября.

Такие капитализму не нужны. Помещено в „Правде", 1929, № 22, 27 января.

Лоуренс — агент британской разведки, известный своей подрывной и колонизаторской деятельностью в странах Востока.

Нескромный вопрос. Помещено в „Правде", 1929, № 27, 2 февраля.

О *пакте Келлога* см. прим. к стихотворению „Мелочь, а важная".

Будет дело. Напечатано в „Правде", 1929, № 40, 17 февраля.

Нервность. Напечатано в „Правде", 1929, № 119, 28 мая.

Мрак! Напечатано в „Правде", 1929, № 121, 30 мая.

Недавно Дарвина кляли — см. стихотворение „Тоже „рекорд".

Показной знаменатель. Напечатано в том же номере „Правды", что и предыдущее стихотворение.

Мелочь, а важная.

Пакт Келлога — договор, подписанный 27 августа 1928 г. по инициативе государственного секретаря США Келлога между США, Францией, Англией, Германией, Японией и другими странами, обязавшимися якобы „исключить обращение к войне для урегулирования международных споров". На самом деле пакт служил прикрытием для подготовки империалистов к войне.

Эпиграмма опубликована в „Правде", 1929, № 123, 1 июня.

У нас не то, у нас иначе. Помещено в „Правде", 1929, № 124, 2 июня.

Муза, воспой... Помещено в „Правде", 1929, № 130, 9 июня.

Подлинно черный. Помещено в „Правде", 1929, № 135, 15 июня.

З а р а б о т у.

Обо всем — отдел стихотворной сатиры, который Д. Бедный вел в „Правде" в 1929—1930 гг. Все публикуемые здесь фельетоны и эпиграммы 1929 г. помещались в этом отделе. Стихотворение „За работу" написано в связи с возобновлением отдела после летнего перерыва 1929 г. Опубликовано в „Правде", 1929, № 209, 11 сентября.

Ч и р и й. Помещено в „Правде", 1929, № 215, 18 сентября.

А п о д б о к о м... Напечатано в том же номере „Правды", что и предыдущее стихотворение. *Бриан* — министр иностранных дел Франции, выступивший в 1929 г. с проектом пан-европейского объединения буржуазных государств. Проект этот был разоблачен в советской печати как противоречащий интересам мира и направленный против СССР. За спиной сочинителя этого плана стоял американский империализм.

Ч у в с т в у ю т г р о з у. Помещено в „Правде", 1929, № 271, 21 ноября.

1930—1940

Д и в о - д и в н о е, к о л л е к т и в н о е. В 1929—1930 гг. началось массовое вступление крестьян в колхозы. „На основе политики ликвидации кулачества и установления сплошной коллективизации развернулось мощное колхозное движение. Крестьяне целыми селами и районами вступали в колхозы и сметали с пути кулачество, освобождаясь от кулацкой кабалы" („История Всесоюзной Коммунистической партии (большевиков). Краткий курс", стр. 293).

Стихотворение Д. Бедного, написанное в качестве текста к агитплакату, опубликовано в „Правде", 1930, № 33, 3 февраля. Заголовок стихотворения перекликается с названием сказки („Диво-дивное"), написанной Д. Бедным в 1914 г. о нищей и голодной жизни русского крестьянина при царизме. В стихотворном прибавлении 1918 г. Д. Бедный призывал своего героя „расправиться начисто" с эксплоататорами (см. Д. Б е д н ы й. Диво дивное, изд. ВЦИК, М., 1918). Коллективизация деревни знаменовала собою полную ликвидацию кулака — самого многочисленного эксплоататорского класса в стране.

Р е в о л ю ц и о н н а я м о л н и я. Подпись к широко известному плакату художника Дени, на котором изображен контрреволюционер-вредитель, пораженный молнией (молния символизирует советское правосудие). Плакат издан в связи с вынесением приговора сорока восьми организаторам вредительства в области продовольственного снабжения.

„П е р е к о п с к а я". Написана к 13-й годовщине Красной Армии. Печаталась в газете „Известия", 1931, № 53, 23 февраля.

Бриан — см. прим. к стихотворению „А под боком..." *Черчилль* — см. прим. к стихотворению „По господам и лакеи".

Новые времена — новые песни. Напечатано в „Известиях“, 1931, № 115, 26 апреля. Третья строфа текста — из стихотворения А. С. Пушкина „Делибаш“ (1829). Результатом поездки Д. Бедного на Урал явилась поэма „Вытянем!“, посвященная магнитогорским строителям и напечатанная в „Известиях“, 1931, № 137, 20 мая.

Бойцам за красную жизнь. Напечатано в „Известиях“, 1931, № 273, 7 ноября, в день 14-й годовщины Великой Октябрьской социалистической революции.

Жить и работать! Опубликовано в „Известиях“, 1931, № 356, 27 декабря.

Пчела. Еж. Под общим названием „Две полит. басни“ напечатаны в „Правде“, 1933, № 133, 16 мая. Подзаголовок „Перевод с Детерлинг-Розенберго-итакдальского языка“, содержавшийся в первопечатном тексте, указывает на разоблачение автором планов нападения на СССР, с которыми носились поджигатели второй мировой войны. Видное место среди последних занимали английский нефтяной король Г. Детердинг и германо-фашистский „геополитик“ А. Розенберг.

Итакдальский — от слов „и так далее“.

Лодырский паек. Стихотворение помещено в книге Демьян Бедный. Чудесное письмо (колхозникам), ГИХЛ, М., 1934, стр. 159.

„Мы с улыбкою презренья...“ Вошло в стихотворный цикл „Тени прошлого“, опубликованный в „Правде“, 1933, № 308, 7 ноября. Дано стихотворной концовкой к альбому „Кого мы били. Рисунки Кукрыниксы, стихи Д. Бедного“, Изогиз, М., 1937, стр. 14. Альбом содержит сатирические портреты врагов Советского государства, разгромленных на фронтах гражданской войны (Корнилов, Краснов, Деникин, Мамонтов и др.).

Мой рапорт XVII съезду партии. XVII съезд ВКП(б) открылся 26 января 1934 г. Стихотворение Д. Бедного с портретом автора появилось в „Литературной газете“, 1933, № 58, 17 декабря, в разделе „Трибуна писателя“, посвященном подготовке к съезду партии.

Цветенье жизни. Стихотворение является откликом на опубликование отчетного доклада И. В. Сталина XVII съезду партии о работе ЦК ВКП(б).

Стихотворение напечатано в газете „Известия“, 1934, № 28, 2 февраля, с подзаголовком „Из поэмы того же названия“. Поэма, однако, написана не была.

Уверенная сила. 2 мая 1934 г. в зале Большого Кремлевского дворца состоялась встреча товарища Сталина и руководителей партии и правительства с участниками первомайского парада войск Красной Армии. Стихотворение, посвященное этой встрече, напечатано в „Правде“, 1934, № 121, 4 мая.

Симфония Москвы. Напечатано в „Правде", 1934, № 309, 10 ноября. В книге: Д. Бедный. Очередное, Гослитиздат, М., 1935, стр. 10—11, стихотворение названо „Архитектурная симфония" и датировано 8 ноября 1934 г.

К ответу! Написано в связи с окончанием предварительного расследования по делу о злодейском убийстве С. М. Кирова врагами народа. Опубликовано в „Правде", 1934, № 352, 23 декабря.

До новой встречи. С 11 по 17 февраля 1935 г. в Москве происходил Второй всесоюзный съезд колхозников-ударников. В работе съезда принимал участие И. В. Сталин. Съезд выработал примерный устав сельскохозяйственной артели. „Новый устав, — писала „Правда",— поможет всем колхозам стать большевистскими, всем колхозникам — зажиточными" („Правда", 1935, № 48, 18 февраля). В том же номере газеты было напечатано приведенное стихотворение.

Новая глава. Написано в связи с выступлением И. В. Сталина 4 мая 1935 г. в Большом Кремлевском дворце на выпуске академиков Красной Армии. „...мы должны прежде всего, — говорил И. В. Сталин, — научиться ценить людей, ценить кадры, ценить каждого работника, способного принести пользу нашему общему делу. Надо, наконец, понять, что из всех ценных капиталов, имеющихся в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры" (И. Сталин. Вопросы ленинизма, изд. 11, Госполитиздат, 1947, стр. 491). Стихотворение напечатано в книге: Д. Бедный. Очередное, указ. изд., стр. 23.

Первое слово. Напечатано в „Правде", 1936, № 38, 8 февраля.

Художник, боец, друг. Стихотворение памяти М. Горького, написанное в связи с известием о смерти писателя. Напечатано в „Правде", 1936, № 167, 19 июня. На эту же тему в день похорон писателя написано стихотворение „Ты будешь вечно с нами" („Правда", 1936, 21 июня). В 1932 г. М. Горькому было посвящено стихотворение „Пороги", написанное в день пуска Днепростроя (10 октября).

Растет страна. Поэтический отклик на опубликование (12 июня 1936 г.) проекта Конституции СССР. Первоначальное название стихотворения (в газете „Правда", 1936, № 174, 26 июня) — „Есть что оборонять". По тексту „Правды" нами в строфе „Вы, все, кто жаждет свергнуть..." исправлены ошибки, допущенные в последней прижизненной публикации (однотомник 1937, стр. 91).

Героическая памятка. Напечатано в газете „Рабочая Москва", 1937, № 174, 1 августа.

Громов М. М. и *Чкалов В. П.* — выдающиеся советские летчики, совершившие дальние трансарктические перелеты. „Полюс, к которому сотни лет стремилось человечество, завоеван,— писала „Правда" 26 июня 1937 г. — На дрейфующей льдине Центральной Арктики основана научная станция. Полеты Чкалова и Громова

явились органическим продолжением великой созидательной деятельности Советской власти".

Об Александре Невском строки... — Имеется в виду следующее место в „Хронологических выписках" Карла Маркса:

„1240. Александр (князь Новгородский) разбил шведов на Неве, откуда его прозвание Невский.

1242. Александр Невский выступает против немецких рыцарей, разбивает их на льду Чудского озера, так что прохвосты (die Lumpacii) были окончательно отброшены от русской границы" (Архив Маркса и Энгельса, т. V, Госполитиздат, 1938, стр. 344).

Страна любуется. Стихотворение посвящено первым выборам в Верховный Совет СССР, проводившимся по Сталинской Конституции. Напечатано в „Литературной газете", 1937, № 58, 26 октября. Выборам, состоявшимся 12 декабря 1937 г., посвящены также стихотворения Д. Бедного „Столица — народ", „Такого места не найти" и др.

1941—1945

Я верю в свой народ. Стихотворение написано в дни грозной опасности, нависшей над Советской страной в результате вероломного вторжения немецко-фашистских войск. „Мы потеряли временно ряд областей, — говорил И. В. Сталин 7 ноября 1941 г.,— враг очутился у ворот Ленинграда и Москвы. Враг рассчитывал на то, что после первого же удара наша армия будет рассеяна, наша страна будет поставлена на колени. Но враг жестоко просчитался. Несмотря на временные неуспехи, наша армия и наш флот геройски отбивают атаки врага на протяжении всего фронта, нанося ему тяжелый урон, а наша страна,— вся наша страна, — организовалась в единый боевой лагерь, чтобы вместе с нашей армией и нашим флотом осуществить разгром немецких захватчиков" (И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, изд. 5, Госполитиздат, М., 1950, стр. 37—38.)

Стихотворение помещено в „Правде", 1941, № 309, 7 ноября.

Ярость. Напечатано в „Правде", 1942, № 148, 28 мая.

Помянем, братья, старину. Опубликовано в „Правде", 1942, 30 июля. Написано в связи с начавшимся летом 1942 г. наступлением немецко-фашистских войск на Воронеж, Дон, Северный Кавказ. „Воспользовавшись отсутствием второго фронта в Европе,— отмечал И. В. Сталин, — немцы и их союзники бросили на фронт все свои свободные резервы и, нацелив их на одном направлении, на юго-западном направлении, создали здесь большой перевес сил и добились значительного тактического успеха" (И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, указ. изд., стр. 64).

Это — то, что нужно! Опубликовано в „Правде", 1942, № 356, 22 декабря. Имя *Ферапонт* в последней строфе взято

автором не случайно. См. об этом примечание к стихотворению „Народный ответ".

Народный ответ. В 1942 г. развернулась кампания за постройку танковых колонн и авиаэскадрилий. Одним из ее инициаторов был колхозник Ново-Покровского района Саратовской области Ферапонт Петрович Головатый, внесший на строительство вооружения для Красной Армии 100 000 рублей (см. письмо Ф. Головатого И. В. Сталину и ответ И. В. Сталина — „Правда", 1942, 18 и 19 декабря).

„Советский народ, — говорилось в приказе Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина от 1 мая 1943 г., — проявляет величайшую заботу о своей Красной Армии. Он готов отдать все силы дальнейшему усилению военной мощи Советской страны. Менее, чем за 4 месяца, народы Советского Союза внесли в фонд Красной Армии более 7 миллиардов рублей. Это еще раз показывает, что война против немцев является действительно общенародной войной всех народов, населяющих Советский Союз." (И. Сталин. О Великой Отечественной войне Советского Союза, указ. изд., стр. 101).

Стихотворение напечатано в „Правде", 1942, № 352, 18 декабря, в подборке „Танки и самолеты на средства колхозников".

Народное мужество. Опубликовано в „Правде", 1943, № 38, 7 февраля. Написано в связи с исторической победой, одержанной советскими войсками под Сталинградом (ликвидация окруженной 330-тысячной вражеской армии).

В сборнике стихов Д. Бедного „Несокрушимая уверенность" (М., 1943), а вслед за ним и в малой серии „Библиотеки поэта" стихотворение это неправильно помечено 1942 годом.

Народным героиням. Опубликовано в „Комсомольской правде", 1943, № 66, 7 марта, в канун празднования Международного женского дня. Неточная дата (8/III—43), проставленная в сборнике Д. Бедного „Слава", М., 1945, стр. 98, нами исправлена.

Волк-моралист. Опубликовано в „Правде", 1943, № 153, 18 июня.

За нами — Родина стоит! Помещено в „Правде", 1943, № 156, 21 июня.

Звезды вечной славы. Приказом Верховного Главнокомандующего И. В. Сталина освобождение городов Орел и Белгород было ознаменовано 6 августа 1942 г. торжественным салютом в Москве. После этого салютами отмечались все крупные победы советских войск.

Стихотворение вошло в книгу: Демьян Бедный. Слава, указ. изд., стр. 27. Впоследствии поэтом написаны: „Салют победителям" („Правда", 1943, 22 сентября), „Привет Одессе" („Труд", 1944, 11 апреля), „День салютов" („Правда", 1945, 20 января), „Москва салютует" („Труд", 1945, 20 января) и др.

П о г о с т ю — в с т р е ч а. Опубликовано в „Красной Звезде“, 1943, № 196, 20 августа.

В с т р е ч а. Помещено в „Правде“, 1944, № 1, 1 января.

Л е н и н — с н а м и! Написано к 20-й годовщине со дня смерти В. И. Ленина. Опубликовано в журнале „Знамя“, 1944, № 1—2.

В о с с т а н о в и т е л ь н а я р а б о т а. Написано в связи с проведеним в жизнь постановления Совета Народных Комиссаров СССР и Центрального Комитета ВКП(б) „О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации“ („Известия“, 1943, № 198, 22 августа). Стихотворение вошло в книгу: Д е м ь я н Б е д н ы й. Слава, указ. изд., стр. 74.

В л е т н и й д е н ь н а р е к е. Приведено в книге: Д е м ь я н Б е д н ы й. Слава, указ. изд., стр. 108.

Р у с ь. Помещено в „Правде“, 1945, № 1, 1 января.

В р а г а п о щ а д и т ь — в б е д у у г о д и т ь. Помещено в „Правде“, 1945, № 23, 23 января.

Л е н и н – С т а л и н. Помещено в „Правде“, 1945, № 96, 22 апреля. Написано к празднованию 75-летия со дня рождения В. И. Ленина. В сборнике Демьяна Бедного „Слава“, указ. изд., стр. 145, проставлена неточная дата: „22/III—45“.

П р а з д н и к п о б е д ы. 9 мая 1945 г. — день победы над фашистской Германией. В этот день И. В. Сталин выступил по радио с обращением к народу.

„Теперь мы можем с полным основанием заявить, — сказал И. В. Сталин, — что наступил исторический день окончательного разгрома Германии, день великой победы нашего народа над германским империализмом.

Великие жертвы, принесенные нами во имя свободы и независимости нашей Родины, неисчислимые лишения и страдания, пережитые нашим народом в ходе войны, напряженный труд в тылу и на фронте, отданный на алтарь Отечества, — не прошли даром и увенчались полной победой над врагом“. (И. С т а л и н. О Великой Отечественной войне Советского Союза, указ. изд., стр. 193).

Стихотворение „Праздник победы“ напечатано в „Правде“, 1945, № 111, 10 мая.

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ И ПОЭМЫ

П р о з е м л ю, п р о в о л ю, п р о р а б о ч у ю д о л ю. Повесть была задумана автором во время его пребывания на фронте в 1915 г., но приступить к работе над ней он получил возможность лишь в июле 1917 г.

Повесть писалась в течение трех месяцев. Опубликована в №№ 28, 32, 35, 39, 41, 43, 46 газеты „Рабочий путь", с 5 октября по 26 октября (8 ноября) 1917 г., и в №№ 172, 173 газеты „Правда" за 11 и 13 ноября 1917 г. Отдельной книжкой в издательстве „Прибой" вышла в конце 1917 — начале 1918 г. (на титульном листе датирована 1917 г., на обложке — 1918 г.). Рядом с заголовком повести было помещено стихотворное обращение автора:

Демьян Бедный,
Мужик Вредный,
просит
братьев-мужиков
поддержать
большевиков.

В этом издании повесть состояла из двух частей, не имевших самостоятельных наименований. Был воспроизведен ее первопечатный текст, причем в обе части автор вмонтировал фельетоны, песни, сказки и эпиграммы, ранее публиковавшиеся в „Правде" и других периодических изданиях. К тексту повести Демьян Бедный приложил извлечение из журнала „Бодрая мысль", 1914, № 10, содержащее данные о земельных богатствах царских чиновников (материал этот иллюстрировал содержание главы, начинающейся словами: „Вечер выдался хороший", — см. ч. 2, гл. XV), и „Краткий толковник некоторых отдельных слов, встречающихся в повести".

Вскоре после выхода в свет повесть была автором значительно дополнена и переработана. В новом виде (принятом и для всех последующих изданий) она состояла из пяти частей: „Царская война", „Петроград", „Февральская революция", „Демократическое надувательство" и „Большевистский Октябрь". При этом в первой части появилась 21 вновь написанная глава (VIII—XXVIII), в четвертой — 10 глав (I—X), в пятой — 12 (II—XIII) и две начальные строчки XVI главы. В пятую часть была включена и ранее отсутствовавшая в тексте песня „Барыня (окопная)". Кроме того, в октябре 1920 г. автором написаны глава XVIII пятой части и „Заключение", которые были даны в повести как позднейшие прибавления с самостоятельной датировкой и помещены вслед за „Прощанием".

В таком виде повесть была издана 50-тысячным тиражом в конце 1920 — начале 1921 гг. (первая дата — на титульном листе, вторая — на обложке), а впоследствии переиздавалась и включалась в собрание стихотворений. В сборнике малой серии „Библиотеки поэта" (стр 71—97) дана пятая часть повести, в однотомнике 1950 г. (стр. 327—403) — части четвертая и пятая.

Нами приводятся все пять частей повести (с незначительными сокращениями), включая и добавления 1920 года.

Ниже даем примечания к отдельным стихотворениям, вошедшим в окончательный текст повести (попутно комментируем отдельные главы).

Барабан (в главе V второй части). Печаталось в журнале „Жизнь для всех", 1916, № 1, январь. Под „барабаном" имеется в виду буржуазно-шовинистическая печать.

Гришка (в главе X второй части) — *Распутин Г. Е.*, аферист-проходимец, выдававший себя за „святого" и пользовавшийся большим влиянием при царском дворе. Убит в 1916 г. группой монархистов, пытавшихся этим спасти династию Романовых. „Распутинщина" обличалась Демьяном Бедным еще в 1912 г. в стихотворении „Всю-то ночь молилась богу" (появилось в „Звезде", 1912, № 15, 8 марта; в сборники поэта не включалось).

„Бюрократ говорит ..." (в главе X второй части). Печаталось под названием „Все равно-с!" в журнале „Новый колос", 1916, № 11, с эпиграфом из „Нового года" И. П. Мятлева. До этого текст был изъят цензурой из журнала „Современный мир", 1916, № 1. При включении в повесть текст подвергся незначительным изменениям.

Колобок (в главе XI второй части). Стихотворение появилось в журнале „Современный мир", 1916, № 2, февраль, в отделе „Пестрядь. Басни и сатира". В этом издании стихотворение имело подзаголовок: „политический, но крайне невинный" и было снабжено следующим эпиграфом:

Я по коробу скребен,
По сусеку метен,
На сметане мешан
Да в масле пряжен,
На окошке стужен;
Я у дедушки ушел,
Я у бабушки ушел,
Я у зайца ушел,
Я у волка ушел,
Я у медведя ушел.
У тебя, лиса, и подавно уйду.

(„Русские народные сказки"
А. Афанасьева, т. I, стр. 44, сказка 16,
„Колобок")

Сноски, раскрывающие политический смысл сказки, были сделаны автором уже при включении в повесть (в первопечатном тексте сноски не могли быть поставлены по цензурным соображениям).

Помнил колобок иную пору. — Имеется в виду 1-я Государственная дума, которой были якобы предоставлены „законодательные" права. Царская избирательная система обеспечивала громадное преобладание в Думе депутатов буржуазно-помещичьих партий. Однако и эта Дума и последовавшая за ней 2-я Дума были разогнаны правительством. После ареста социал-демократических депутатов и изменения избирательного закона в 1907 году была созвана черносотенно-кадетская 3-я Дума. И. В. Сталин в статье „Тронулась!.." (газета „Звезда", 1912, 19 апреля) писал, что Россия „нуждалась в народном парламенте, — а преподнесли ей господскую Думу, Думу Пуришкевича и Гучкова" (Сочинения, т. 2, стр. 237). Господской Думой, черной Думой называл товарищ Сталин и 4-ю Думу, созванную в 1912 году (см. „Наказ петербургских рабочих своему рабочему депутату". — И. В. Сталин. Сочинения, т. 2, стр. 251—252).

Стихотворная сатирическая сказка Демьяна Бедного разоблачает союз буржуазно-помещичьей Думы с царским самодержавием.

Столыпин П. А. — глава черносотенной реакции, в 1906—1911 гг. занимавший посты министра внутренних дел и председателя совета министров; известный душитель революции проводник „третьеиюньского" реакционного режима и автор земельной реформы 1907 г. (см. примечание к стихотворению „Лапоть и сапог"). Убит в 1911 г. агентом охранки. *Коковцев В. Н.* возглавлял царское правительство после убийства Столыпина. *Горемыкин И. Л.* был председателем совета министров в 1906 и в 1914—16 гг. *„Унзер гроссер фрейнд Вильгельм"* (нем.) (в XXVI главе второй части) — наш великий друг Вильгельм, т. е. Вильгельм II, германский император. *Алис* (там же) — Александра Федоровна, жена Николая II.

Дядя ж фронтом управлял (в IX главе второй части) — великий князь Николай Николаевич, который в 1914—1915 гг. был главнокомандующим русской армии.

Разоренные (в V главе третьей части). Опубликовано в „Правде", 1917, № 18, 26 марта.

Кочующие дармоеды (в VI главе третьей части). Опубликовано в „Правде", 1917, № 62, 20 мая.

Хабалов С. С. (в VIII главе третьей части) — генерал, командовавший в начале 1917 г. войсками Петроградского военного округа.

Протопопов А. Д. (в IX, X главах третьей части) — ставленник Распутина, министр внутренних дел, крайний реакционер. О нем же — см. стихотворение „Тофута Мудрый". *Дно* (в XIII главе третьей части) — название железнодорожной станции.

Песня о земле (в XXII главе третьей части). Опубликовано в „Правде", 1917, № 28, 9 апреля.

Бабушка Ненила (в XXII главе третьей части). Под названием „В хвосте за хлебом" опубликовано в „Правде", 1917, № 20, 29 марта. Образ бабушки Ненилы позаимствован из стихотворения Н. А. Некрасова „Забытая деревня".

Его величество Капитал (в XXIII главе третьей части). Напечатано в „Правде", 1917, № 51, 7 мая, за подписью „Мужик Вредный".

По бабушку (в XXIV главе третьей части). Печаталось в „Правде", 1917, № 29, 11 апреля.

Рабочие — солдатам (в XXV главе третьей части). Под названием „Братья" было опубликовано в „Правде", 1917, № 23, 1 апреля.

Под знамя „Правды" (в XXVI главе третьей части). Печаталось в „Правде", 1917, № 34, 16 апреля. В виде отдельного стихотворения вошло в книгу: Демьян Бедный. Читай, Фома, — набирайся ума (для юных грамотеев), ГИЗ, М., 1919, стр. 57—58.

„Бука" (в XXVII главе третьей части). За подписью „Мужик Вредный" появилось в „Правде", 1917, № 30, 12 апреля.

„Как у питерских господ..." (в XXVIII главе третьей части). Помещено в „Правде", 1917, № 68, 28 мая. Написано в связи с начавшимися 27 мая в Петрограде выборами в районные думы.

Барыня (в XI главе четвертой части). Опубликовано в газете „Правда", 1917, № 63, 21 мая. В том же году выпущено отдельной брошюрой в изд. „Прибой".

Приказано, да правды не сказано (в XI главе четвертой части). За подписью „Солдат Яшка — медная пряжка" появилось в газете „Рабочий и солдат", 1917, № 9, 2 августа. Перепечатано в газете московских большевиков „Социал-демократ", 1917, № 159, 16 сентября, под псевдонимом „Кастерный". Стихотворение приобрело широкую известность, особенно среди солдат, и вызвало озлобление буржуазной печати, которая требовала применения к автору судебных репрессий.

Письмо Якима Нагого (в XIII главе четвертой части). Датировка дана автором по новому стилю (стихотворение помещено в „Правде" 11 июня 1917 г.). Первопечатный текст сопровождался следующим эпиграфом из поэмы Н. А. Некрасова „Кому на Руси жить хорошо":

В деревне Босове
Яким Нагой живет.
Он досмерти работает,
До полусмерти пьет.
Яким, старик убогонький,
Живал когда-то в Питере,
Да угодил в тюрьму.
С купцом тягаться вздумалось!
Как липочка ободранный,
Вернулся он на родину
И за соху взялся.

Подписи автора под стихотворением не было.

Атаманская нагайка (в XIV главе четвертой части). Опубликовано в „Правде", 1917, № 51, 7 мая. Стихотворение сопровождалось эпиграфом — сообщением газеты „Биржевые ведомости", 1917, 4 мая (о надеждах, которые контрреволюция возлагает на казачество).

„Что нам в пользу — то и гоже..." (XV глава четвертой части). Глава эта во многом совпадает с текстом стихотворения „Туман", опубликованного Демьяном Бедным в „Правде", 1917, № 53, 10 мая.

К архипастырю Андрею, из Уфы архиерею... — Имеется в виду епископ Андрей Уфимский, благословлявший в буржуазной газетке „Биржевые ведомости" политику продолжения империалистической войны. Стихотворению „Туман" был предпослан эпиграф из вечернего выпуска „Биржевых ведомостей", содержащий „изречения" Андрея Уфимского.

Контрразведчики" (в XVI главе четвертой части). За подписью „Мужик Вредный" помещено в „Правде", 1917, № 91, 25 июня.

„Либердан" (в XIX главе четвертой части).

Либер М. И. и *Дан Ф. И.* — меньшевистские лидеры, которые в 1917 г. были сторонниками „революционного" оборончества и стояли за коалицию с буржуазией. *На Москве устроив танцы сообща с врагами...* — Имеется в виду участие меньшевиков и эсэров в Московском Государственном совещании (август 1917 г.), которое в обращении ЦК РСДРП (большевиков), опубликованном 21 августа, было квалифицировано как орган контрреволюционной

буржуазии. И. В. Сталин называл Либера и Дана фальсификаторами, предателями демократии (См. И. В. Сталин. Сочинения, т. 3, стр. 314).

Разрыв-трава (в I главе пятой части). В газете „Рабочий и солдат“ (1917, № 8, 1 августа), где впервые появилось это стихотворение, и в первой редакции поэмы (П., 1918, стр. 111) автор снабдил заголовок следующим примечанием: „По народному поверью, „разрыв-трава“ цветет только в полночь под Ивана-Купалу и тот, кто получит цвет „разрыв-травы“, приобретает власть над всеми тайными кладами“.

Похороны (в XIV главе пятой части). Напечатано в газете „Рабочий“. 1917, № 2, 8 сентября, за подписью „Покойник“.

Барские слезы (в XIV главе пятой части). За подписью „Мужик Вредный“ напечатано в „Правде“, 1917, № 187, 25 ноября, т. е. после опубликования основного текста поэмы.

Милюков П. Н. — см. примечание к стихотворению „Народная примета“. Кличка „*Дарданельский*“ была присвоена Милюкову за проводившуюся им политику продолжения империалистической войны. *Церетели И. Г.* — один из лидеров меньшевиков, отстаивавший политику войны и соглашения с буржуазией, входил в состав первого коалиционного министерства, сформированного в мае 1917 г. социал-предателями совместно с буржуазией. *Авксентьев Н. Д.* — эсэр, министр внутренних дел коалиционного правительства после июльских дней 1917 г. *Корнилов Л. Г.* — см. примечание к стихотворению „Страдания следователя...“. *Каледин А. М.* — казачий генерал, один из главарей монархической контрреволюции.

Заключение с некоторыми вариациями вошло в начальные главы стихотворной повести Демьяна Бедного „Батраки“. Главы эти опубликованы в газете „Правда“, 1918, № 132, 30 июня, и № 133, 2 июля.

Главная улица. Поэма напечатана в „Правде“, 1922, № 252, 7 ноября, в день пятой годовщины Великой Октябрьской социалистической революции. Вошла в большинство издававшихся после 1922 г. сборников произведений Демьяна Бедного, в школьные хрестоматии, репертуарные сборники, антологии современной поэзии. В 1924 г. выпущена отдельным изданием (со включением ряда стихотворений).

Чудесное письмо. Поэма завершает собою сборник того же названия, изданный в 1934 г. Сборнику предпослан следующий эпиграф:

Мы — напористое племя,
Не опустимся на дно.
Жить, работать в наше время —
Упоение одно.

Тринадцать строк Некрасова в тексте поэмы—из стихотворения „Тройка“ (1846). Курсив в этой цитате принадлежит Д. Бедному.

Приведенное автором письмо колхозников Георгиевского района имеет в виду следующее место в речи И. В. Сталина на I Всесоюзном съезде колхозников-ударников, произнесенной 19 февраля 1933 г.:

„Женщины в колхозах — большая сила. Держать эту силу под спудом, значит допустить преступление. Наша обязанность состоит в том, чтобы выдвигать вперед женщин в колхозах и пустить эту силу в дело... Что касается самих колхозниц, то они должны помнить о силе и значении колхозов для женщин, должны помнить, что только в колхозе имеют они возможность стать на равную ногу с мужчиной“ (И. Сталин. Сочинения, т. 13, стр. 251, 252). Поэма перепечатана в однотомниках 1937 г. (стр. 80—85) и 1950 г. (стр. 414—426).

Красноармеец Иванов. Напечатана в „Правде“, 1935, 3 октября (дата взятия Перекопа советскими воинами — 9 ноября 1920 г.) Отдельной книгой вышла в изд. „Советский писатель“, М., 1936, 31 стр., и была очень хорошо принята читателями (отзывы читателей см. в журнале „Литературное обозрение“, 1936, № 16). Перепечатана в однотомниках 1937 г. (стр. 114—123), 1950 г. (стр. 427—438) и в сборнике малой серии „Библиотеки поэта“ (стр. 211—225).

Русские девушки. Опубликована в „Правде“, 1942, 21 августа, в подборке „На фронтах Отечественной войны“. Перепечатана в сборнике „Голос Родины“, Иошкар-Ола, 1943 (стр. 11—14), в книге Д. Бедного „Несокрушимая уверенность“, Гослитиздат, М., 1943 (стр. 5—8), в сборнике малой серии „Библиотеки поэта“ (стр. 252—256). В первопечатном тексте после строки: „Всю зиму в „Верхушках“ враги лютовали“ дана сноска: „В основу положен действительный факт“.

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

1908—1914

1914—1917

1917—1920

1921—1929

1930—1940

1941—1945

СТИХОТВОРНЫЕ ПОВЕСТИ И ПОЭМЫ

Редактор А. Дементьев

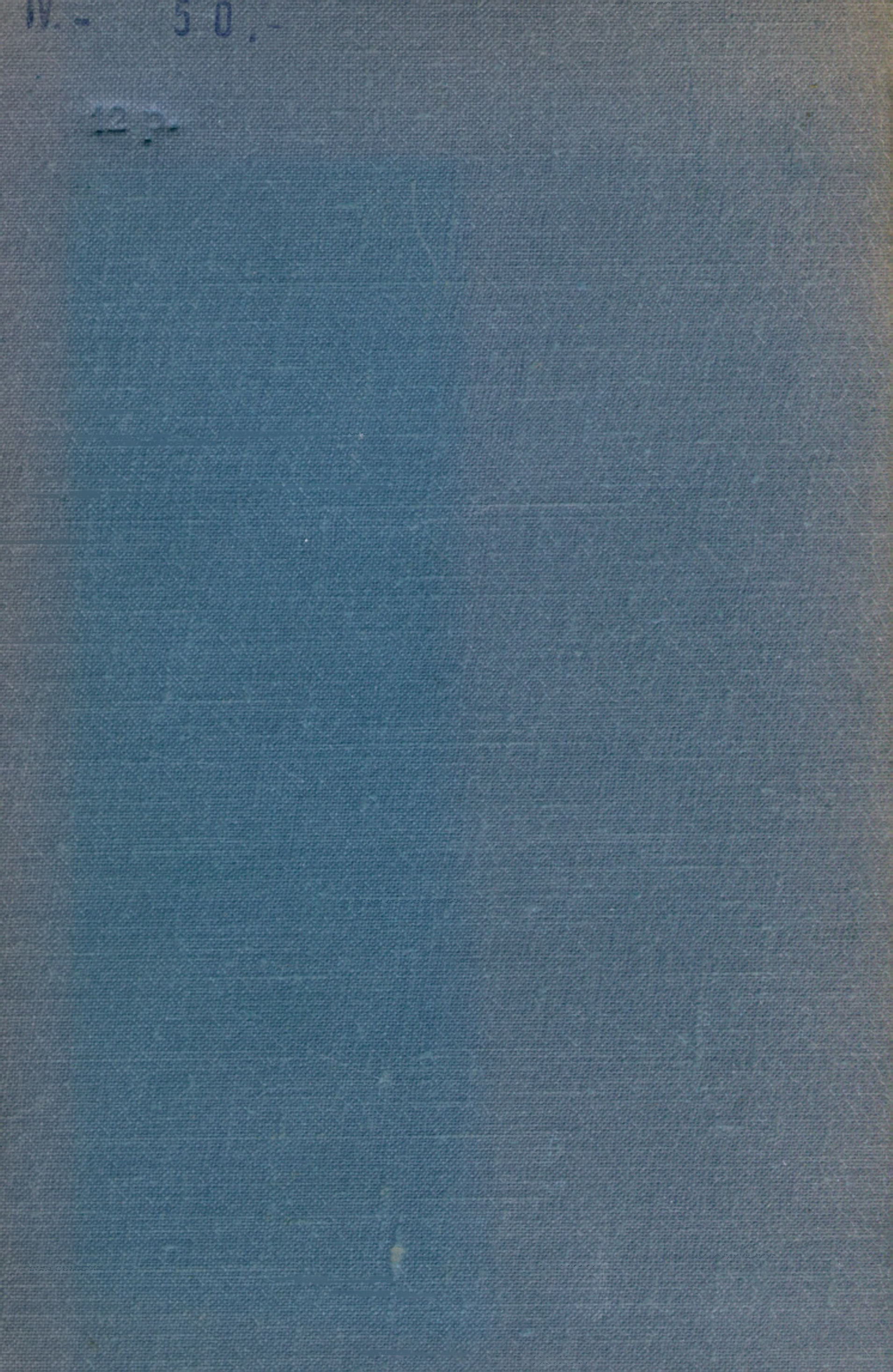
Художник И. Серов

Технич. редактор Р. Сквирская

Корректор П. Суздальский

М 3755. Подписано к печати 5/XI 1951 г. Формат бумаги 84×108/32 — 6,06 бум. л.= =19,88 печ. л. + 5 вкл. Авт. л. 18,81. Уч.-изд. л. 19,96. Тираж 10000. Цена 12 р. Заказ № 716

Типография № 3 Ленгорполиграфиздата

N.- 50,-
12 p.-